

**ЭЛЕОНОРА
РАТКЕВИЧ**

ДЕРЕВЯННЫЙ
МЕЧ

Деревянный Меч

Элеонора Раткевич

Деревянный Меч

«Демина Людмила Дмитриевна»

1997

Раткевич Э. Г.

Деревянный Меч / Э. Г. Раткевич — «Демина Людмила Дмитриевна», 1997 — (Деревянный Меч)

ISBN 978-5-699-34414-7

Кем станет юноша, который пытается жизнью своей соединить несоединимое – кодекс меча и кодекс магии? Чем станет победа над Злом, если победа эта только породит новое Зло? Когда окажется победой – унижение, а сказаниями о героях – полупьяные байки? Ты хочешь изменить реальность? Дерзай. Но помни – ты меняешь еще и Судьбу. Борьба меж Светом и Тьмой длится вечно, и тяжким будет жребий воина, вступившего в эту борьбу. Такова история Деревянного Меча – одна из лучших саг за всю историю отечественного жанра фэнтези!

ISBN 978-5-699-34414-7

© Раткевич Э. Г., 1997

© Демина Людмила Дмитриевна, 1997

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	66
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Элеонора Раткевич

Деревянный Меч

Пролог

Когда на влажном медленно темнеющем небе показались первые вечерние звезды, Кенет с сожалением разогнулся, отряхнул руки, окинул взглядом политый и прополотый огород и поспешил умываться. Пора ужинать. Есть Кенету не хотелось. Ему вообще не хотелось идти домой. Но пока он не сядет за стол, мачеха не даст ужинать ни Кайрину, ни малышу Бикки. Ничего не поделаешь, придется поторапливаться. Кенет наскоро ополоснулся, натянул рубаху и побежал в дом.

– Ну и где же ты шлялся? – нараспев спросил малыш Бикки, важно заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок и обратно.

– Огород полон, – отрывисто бросил Кенет. Он едва сдержался, чтобы не добавить: «Мог бы мне и помочь. Не такой уж и маленький, шесть годиков стукнуло».

Кенет сел за стол. Широкая столешница была отдраена до желтизны, как всегда в последнее время, как никогда при жизни отца. Кайрин, его сводный брат, неторопливо уселся напротив. Бикки стремглав юркнул на свое место и радостно застучал ложкой по столу.

– Ужинать, ужинать!

Лицо мачехи пошло белыми и красными пятнами. Она выбрала самую большую и красивую миску и протерла ее полотенцем, хотя нужды в этом не было. Потом она зачерпнула из котелка горячей дымящейся похлебки и наполнила ею миску почти до краев. Кенет внутренне напрягся, готовый вскочить, если потребуется.

– Ешь, гаденыш!!!

Мачеха грохнула миской об стол с такой силой, что часть похлебки выплеснулась. По счастью, обжигающее варево не попало Кенету на колени, и вскакивать ему не пришлось.

– Ешь, ешь! Чего уставился? Через два года ты нас всех по мирупустишь. А пока ешь!

Внезапно Кенет понял, что после целого дня тяжелой работы он голоден до головокружения. Похлебка была его любимая, рыбная. Ароматная, густая, подернутая янтарно-золотистым жирком. Рыбу он наловил вчера ночью. Он взялся за ложку, зачерпнул, но проглотить так и не смог. Помедлил, зачерпнул снова – и снова опустил ложку.

– Мама, мама, – капризничал Бикки, – рыбки хочу!

– Нельзя, – отрезала мачеха. – Жареной рыбки мало. Только для твоего брата.

Нечего было и сомневаться, что мачеха имела в виду отнюдь не Кайрина.

Бикки захныкал. Мачеха отвесила ему подзатыльник. Бикки заревел в голос.

– Я не хочу, – с трудом выдавил Кенет.

– Что так? – прищурилась мачеха. – Не по вкусу тебе, богатенькому, наши разносолы?

– Я очень устал сегодня, – глядя в сторону, проговорил Кенет. – Просто кусок в горло не идет.

– А это правильно, правильно, – прошипела мачеха. – Кто же будет на земле работать, как не хозяин?

У Кенета сжалось горло. Не в силах ответить, он украдкой взглянул на Кайрина. Неужели сводный брат, старший товарищ его детских игр, не придет ему на помощь? Обычно Кайрин всегда вступался за него во время вечерних ссор.

– Зачем вы так, матушка? – возразил Кайрин. – Кенет и в самом деле устал. Он ведь не виноват, что я ногу вывихнул и он все один да один.

Кенет хотел было ему напомнить, что ногу Кайрин вывихнул недели две назад, но после того, как тот за него вступился, подобный намек был бы прямой неблагодарностью. Кенет шумно перевел дыхание и устался на остывающую похлебку.

Лицо мачехи вновь покрылось пятнами, она явно хотела что-то сказать, но смолчала. Бикки, выпросив жареную рыбу, блаженствовал, не вступая в разговор старших, да и сам разговор оборвался. Мачеха и Кайрин доели ужин в угрюмом молчании. Бикки, мурлыча от удовольствия, как котенок, разделялся с рыбой. Даже Кенет смог проглотить несколько ложек похлебки.

Из-за стола он встал последним. Похлебка давно остыла, а доесть ему так и не удалось. Кенет быстро огляделся – не видит ли кто, – взял миску, вышел во двор и вылил похлебку дворовому псу в плошку. За последние месяцы пес разелся до неузнаваемости, шерсть его стала гладкой и приятно лоснилась.

Так – или почти так с незначительными отступлениями – проходил каждый вечер. С тех самых пор, как отца в лесу задавило насмерть упавшим деревом, и Кенет остался единственным прямым наследником, житья ему в доме не стало. Напрасно он втолковывал мачехе, что и в мыслях никогда не держал захватить все имущество себе. Мачеха будто помешалась. Она все твердила, что через пару лет, когда Кенет станет совершеннолетним и получит право распоряжаться хозяйством, он ее с сыновьями из дома выгонит, что он спит и видит, как бы лишить братьев куска хлеба. Кенет по целым дням не показывался дома, уходя в поле еще до зари, чтоб лишний раз не попадаться мачехе на глаза, – а вечером его встречали попреками: «Ишь как на себя старается, скопидом! Когда отец был жив, небось так не старался!»

Что верно, то верно: когда отец был жив, Кенету не приходилось так надрываться. Сын мачехи от первого брака, молчаливый красавец Кайрин, хотя бы изредка помогал ему. Зато малыш Бикки, настырный надоеда, стал и вовсе невыносим. Раньше Кенет обращался с ним с той добродушной прохладцей, с которой только и можно относиться к брату младше тебя почти на десять лет. Иногда он снисходительно возился с малышом, лепил для него глиняных зверюшек и свистульки, но чаще беззлобно прогонял его, когда они с Кайрином затевали свои игры. Теперь же Бикки с удивительной легкостью перенял мачехины речения и усвоил отвратительную привычку задавать вопросы вроде: «Ну и скоро ты нас ограбишь?» Дать ему по уху у Кенета рука не подымалась. Сопляк ведь не понимает толком, что его слова отвратительны. Мама так говорит – почему бы и ему так не сказать? Кайрин хотя бы не изводил Кенета попреками, но его молчаливая поддержка и даже заступничество мало что меняли.

За месяцы, минувшие со дня смерти отца, Кенет сильно исхудал, и отнюдь не с горя: некогда ему было горевать. Но кусок, приправленный вечными укорами, не лез в горло. Кенет почти свыкся с постоянным голодом, почти не замечал мучительной боли в желудке, сидя за накрытым столом. За ужином он почти ничего не ел. Иногда он ел по ночам: дома ему в последнее время не спалось, и он уходил на реку порыбачить. Случалось, он даже работал по ночам, засыпая ненадолго с рассветом.

Сегодня Кенету определенно не хотелось спать, но он слишком устал, чтобы работать. Может, пойти раков наловить? Да, пожалуй. Малыш Бикки любит раков. И мачеха тоже. Может, после любимого лакомства хоть один вечер помолчит на радостях? Да, решено. Взять ведро и ловушки – и на речку. Нарвать свежей крапивы, лягушек наловить – и на речку!

Босиком, стараясь не наступить на скрипучую половицу, Кенет направился в сени за ловушками. Внезапно его внимание привлек доносящийся из-за двери голос Кайрина. Кенет невольно затаил дыхание и прислушался.

– Вы, матушка, не забывайте, – степенно рассуждал Кайрин, – Кенет и впрямь единственный законный наследник. Бикки – младший, и получит он жалкие крохи, а я так и вовсе сбоку припека. А если вы будете и дальше на Кенета злобиться, он нас и в самом деле по миру пустит. Неужели вам так трудно вести себя с ним поласковее? Вот хоть как я, например...

Кенет отскочил от двери. Услышанное таило в себе чудовищный смысл. Так вот почему Кайрин вступался за него!

Кенет опрометью бросился к своей постели. Он уже не старался двигаться бесшумно. Все давно привыкли, что дома он почти не ночует. Значит, до вечера его не хватятся. А может, и еще день-другой. Какая разница? Все равно он уйдет отсюда. Он больше не в силах терпеть – ни дня, ни часа.

Беззвучно всхлипывая, он вытащил из-под кровати свой сундучок со старым барахлом. Где же кафтан? Он не возьмет из дома ничего, ни единого гроша, он не наденет красивую новую рубаху или праздничный кафтан. Где-то на дне сундука хранится его старый кафтан, который мачеха собиралась перешить для Бикки, когда тот подрастет, потом раздумала, но почему-то не выбросила. Где же он? Ага, вот. Кенет развернул кафтан и оглядел со всех сторон. Пожалуй, сгодится. Полгода назад кафтан был бы ему непристойно тесен, но с тех пор Кенет изрядно отощал.

Кенет торопливо надел кафтан. Да, на груди сходится. Правда, Кенет не только отощал, но и здорово вытянулся. Кафтан едва закрывает колени. Ладно. На приличный кафтан, достоящий, как положено, до середины икр или почти до щиколоток, он себе заработает, и скоро, а покуда можно и в таком платье походить.

Кенет аккуратно сложил рубашку, уложил ее в сундучок, закрыл его и задвинул под кровать. Вот теперь можно и уйти.

– Кени, – окликнул его Бикки сонным шепотом.

– Что тебе? – так же шепотом спросил Кенет. Бикки поднял взъерошенную головенку. Кенет, проклиная в душе все на свете, присел на край его кровати.

– Страшный сон приснился?

Бикки помотал головой, выпростал ручонку из-под одеяла и положил Кенету на колено.

– А ты мне завтра кораблик из коры сделаешь? – спросил он. Кенет едва подавил сухое рыдание.

– Сделаю, – отрывисто пообещал он.

– Тогда хорошо, – удовлетворенно прошептал Бикки, погладил колено брата, откинулся на подушку и через мгновение крепко заснул.

Глава 1

Разноцветные корзинки

Солнце взошло быстрое и горячее, от просыхающей земли подымался парок. День обещал быть жарким. Небо наливалось густой синевой, как спелые колосья – желтизной.

Кенет шел не торопясь. Незадолго до рассвета он поймал в ручье форель, запек ее на углях и с удовольствием утолил голод. После бессонной ночи и сытной еды его изрядно размогло, но он продолжал идти. Чем дальше он уйдет от дома до того, как его хватятся, тем лучше.

Лишь к полудню усталость взяла свое. Кенет устроился под раскидистым деревом и заснул. Часа через полтора, когда тень успела сместиться, солнце брызнуло ему в глаза, и Кенет проснулся.

Недолгий сон освежил его. Обида, которую он всю ночь исподволь растравлял в себе, стала вчерашней, слегка поблекла, потускнела. Она не изгладилась из его памяти, да и вряд ли могла изгладиться совершенно даже спустя долгое время, но его мысли она больше не занимала. Едва Кенет проснулся, как они приняли совершенно другое направление.

Как любой деревенский парень, Кенет не привык нежиться подолгу в теплой постельке. Пробуждение его было привычно внезапным и полным. Едва открыв глаза, Кенет невольно огляделся в поисках работы на сегодня, потом вспомнил, где находится, встряхнул головой, отгоняя остатки сна, и засмеялся.

Еще ночью, в дороге, он ощутил, что руки у него пусты. Ощущение оказалось новым. Кенет редко нуждался в отдыхе, поскольку работал всегда в охотку, размеренно и постоянно. Совсем маленьким мальчиком он помогал собирать грибы и ягоды, став постарше, пас гусей, потом бегал в подпасах у сельского пастуха. Он рос крепким и высоким и рано начал помогать отцу в поле. Работать он старался наравне со взрослыми, от зари до зари. Ему льстило, что он такой большой, что он – работник, дельный парень. Ему нравилось рядом с отцом смывать дневной пот и возвращаться вечером, не чуя под собой ног от усталости, вместе со взрослыми косарями, нравилось, что с ним и разговаривают, как со взрослым. Крепкое здоровье и отцовский совет быстро сделали его неутомимым, и в работе он обыкновенно бывал очень удачлив. Он гордился своей удачей и сноровкой, как любой мальчик его лет, и степенно отвечал сельскому старосте: «Полагаю, с покосом медлить не должно. Вот-вот дожди пойдут».

Даже и долгими зимними вечерами его рукам всегда находилось дело. Починить какую-нибудь снасть, вырезать новую деревянную плешку... да мало ли дела найдется, если не отлынивать попусту. Кенет уже и забыл те времена, когда он шел не на покос, не на рыбалку, не на пахоту, не огород полоть. Он забыл, что такое – идти куда-то с пустыми руками и без дела. Пустые руки мешали ему, стесняли движения, как-то нелепо болтались вдоль тела. Именно о пустых своих руках Кенет и подумал, едва проснулся. Второй его мыслью было – как эти руки к делу пристроить.

Кто-кто, а Кенет знал, что булки в готовом виде на дереве не произрастают. На булку еще заработать надо. Что заработать он сможет, Кенет не сомневался. Беспокоило его не отсутствие способа заработать, а как раз изобилие этих самых способов.

Можно, конечно, наняться батрачить или пойти в пастухи. Само собой, хозяева попадаются разные, но вряд ли ему придется тяжелее, чем дома, где он был вынужден в одиночку управляться за троих. Но Кенет не хотел больше пахать землю. Ручки плуга в руках будут напоминать ему о той земле, по которой он решил отныне не тосковать.

Можно, конечно, стать плотником... белая и желтая древесина сахарно мерцает на свежем срезе... Или заняться портняжным делом? Шил Кенет неплохо. Когда мать умерла, он обшивал и себя, и отца, покуда тот не привел в дом вторую жену. Деготь курить... в подруч-

ные к аптекарю наняться, травы для него целебные собирать... за лошадьми ходить... корзины плести...

Беда была не в том, что Кенет ремесла не знал. Он знал много ремесел. Но ни к одному из них у него душа не лежала в полной мере. Его охотно приняли бы в рыболовную артель. Его корзины из окрестных сел покупать приходили. С иглой и рубанком, с топором и плугом он управлялся одинаково искусно. Однако знакомые промыслы не привлекали его. Уважением взрослых односельчан он гордился, но снискавшее его мастерство не считал чем-то особенным или необычным: чуть хуже или чуть лучше, но такое кто угодно может сделать. Пожалуй, только раз в жизни он видел необычное, диковинное мастерство.

Глаза Кенета заискрились при одном воспоминании. Необычное? Да. Диковинное? О да! И вдобавок очень хорошее...

...Четыре окрестных села с трудом наскребли плату: невиданная засуха искалечила поля. Зерно умирало в земле, не успев взойти. Какое там платить – есть было нечего. Поэтому и собрали сообща нищенские свои гроши, чтоб вызвать на помощь мага, жители четырех сел. Иначе зимой совсем уже нечего будет есть, а дожившим до весны нечего будет сеять.

Маг не заставил себя ждать долго. Сухопарый старик с окладистой бородой появился в село рано поутру. Мальчишки сбегались отовсюду поглазеть на невиданную диковину – живого мага. Пятилетний Кенет побежал вместе со всеми. Мальчики постарше остановились на почтительном расстоянии, а Кенет с разбегу врзался магу в колени и запутался в его одеяниях. Он навсегда запомнил запах удивительной чистоты и свежести, исходивший от этих одежд. Он помнил, как сердце его замерло от страха, а потом забилося часто-часто: а ну как волшебник за дерзость превратит его в крысу или в какое-нибудь другое неприятное животное? Но старый маг не рассердился. Он мягко отстранил голопузого мальчишку и величественной поступью направился на поля. Осмотрев растресканную землю, маг покачал головой, выпрямился, поднял голову к небу, воздел руки и произнес какую-то певучую гортанную фразу.

Кенет чуть не засмеялся: жест мага был трогательно нелеп, а его гортанный призыв прозвучал, по детскому разумению Кенета, как разгневанный вопль кота, не желающего, чтобы его тащили за хвост.

Внезапно небо потемнело. Кенет вытаращил глаза: никакой ветер не пригонял грозовые тучи, они сгустились в знойном мареве сами собой. Сухая молния вспорола пыльный воздух, сердито кашлянул гром, и на землю хлынул дождь. Капли его были прозрачными и крупными, как виноград. За свою короткую жизнь Кенет никогда не видел такого дождя. Зато летнюю сушь ему видывать доводилось, и он знал: дождь пришел слишком поздно, он уже не в силах напоить умирающую землю.

Маг опустил руки вниз и что-то повелительно крикнул. Кенет едва не упал от изумления: земля зашевелилась! Трещины смыкались. Сухая корка, соленая от земного пота, рассыпалась тугими черными комочками. Раны земли исцелились едва ли не быстрее, чем первые капли дождя коснулись ее поверхности.

Кенет стоял, запрокинув голову, пока не кончился дождь, и тяжелые светлые капли стучали по его лицу. Потом капли соединились в тугие водяные канаты, накрепко связавшие небо с землей, а Кенет все стоял, мокрый насквозь, и смотрел, смотрел, смотрел...

...А собственно, почему бы и нет? Говорят, маги берут себе учеников – как плотники, ткачи, гончары, как любые другие мастера. Почему бы ему не пойти в ученики к магу? Тем более что искать долго не придется. Где жилище мага, не знает никто, но где и когда его найти на случай нежданной беды, знает любой окрестный житель. Кенет тоже знает. Он пойдет к магу и попросит, чтобы тот его научил ремеслу. Ведь как хорошо: вот уже и люди отчаялись, вот уже старики шупают узловатыми пальцами соленую корку на поверхности земли и вздыхают, что, мол, потеет земля, соль наружу выгоняет... и тут приходит Кенет в чисто отстиранном платье и лечит землю и зовет дождь. И всем становится хорошо.

До урочного места идти совсем недалеко. До урочного часа оставалось еще много времени. Кенет потратил его на приведение себя в порядок. Он отыскал ручеек и умылся, а потом долго причесывал пятерней свои влажные черные волосы. Он помнил, какими чистыми были одежды мага, и не хотел выглядеть неряхой и грязнулей.

Гораздо труднее оказалось придать приличный вид кафтану. Разрезы по бокам его доходили не до середины бедра, а до талии, колени торчали наружу, под мышками кафтан давил немилосердно, и Кенет то и дело извивался и подергивался, как чесоточный блохастый щенок. До сих пор Кенет шел, перекинув кафтан через плечо – все равно его никто ночью не увидит, – но к магу нельзя идти голым до пояса. На какое-то мгновение Кенет пожалел, что не взял рубашку. Он запахнул кафтан, аккуратно повязал пояс чуть ниже обычного, чтобы кургузые полы меньше расходились в сторону при каждом шаге, являя миру его колени, и на негнувшихся ногах засеменил к урочному месту, не подымая рук даже нос почесать.

Подобный способ передвижения оказался довольно медленным. К тому же приходилось прилагать старания, чтобы мелкие семяющие шажочки не взбивали в воздух тучу пыли. В результате до урочного места Кенет добрался красный, как морковка, потный и пыльный. Хоть и ненамного, но он опоздал. Маг уже сидел под дикой яблоней и читал книгу.

Интересно все-таки, как именно маг появляется в урочном месте? Прилетает на коврейсамолете? Возникает из ниоткуда? Падает с неба? Или просто приходит пешком?

Кенет надеялся прийти пораньше и узнать, каким образом совершается прибытие, и слегка огорчился от того, что проворонил его.

Маг сидел под яблоней, усыпанной крохотными недозрелыми яблочками, до того наморщенными, что казалось, они друг друга понакусили и сморщились – настолько кисло оказалось. Так они и висели на ветках, наморщенные и вроде даже сердито нахмуренные: «А зачем кусаться-то было?» Густая листва шелестела, умиротворяя рассерженные яблоки. Тени листьев карабкались по плечам волшебника, словно причудливый узор на ткани никак не мог устроиться поудобнее. Кенету даже показалось, что этот узор негромко мурлычет и трется спинкой о старого мага, как кружевной кот.

Одежды мага только теневой узор и оживлял. Они были такими же безупречно чистыми, как запомнилось Кенету, но теперь, став старше, он заметил, что чисто выстиранный плащ мага не был ни новым, ни дорогим. Великолепие, памятное Кенету с детства, поблекло, сменившись иным, новым великолепием, еще непонятным, но необычайно притягательным. Кенет и сам не мог бы сказать, что такого чарующего увидел он в неброском облике старого волшебника, но желание стать учеником мага, а потом и магом сделалось в его душе спокойным и твердым. Совсем как жаркая сталь, окунувшись в прохладную воду и пройдя закалку, становится клинком или серпом и спокойно исполняет свое предназначение.

Багровый от жары и смущения Кенет, запинаясь, выговорил приветствие. Маг отложил недочитанную книгу и поднял взгляд. Жаркая летняя синева сияла в его глазах. Десять лет прошло, а маг совсем не изменился. Та же белая борода и то же загорелое лицо, неподвластное времени, те же молодые глаза, тот же странный взгляд, в котором словно плещутся летние небеса. Взгляд, полный сосредоточенного тихого ликования, словно старый, но не стареющий волшебник созерцал некое невидимое Кенету чудо. Хорошо ему – он видит незримое. Кенету тоже очень захотелось увидеть незримое.

– Господин волшебник, – очень тихо от избытка почтительности выговорил Кенет, – я слышал... ведь берут учеников... вот... я хотел... я только спросить... вы у нас дождь вызывали... и вообще... не возьмете ли вы ученика? Я бы очень хотел...

Лицо мага закаменело.

– Да ты с ума сошел! – вытолкнул он из себя свистящим шепотом.

– Господин волшебник, – растерялся Кенет, – я ведь только... я не хотел вас обидеть...

– Ты меня не обидел, – сухо возразил волшебник и резко, порывисто вскочил, захлопнув книгу. Несколько листов, кружась, взметнулись вверх и приземлились у ног Кенета. Не заметив этого, волшебник запихал тяжелую книгу под мышку и пошел прочь так быстро, что полы его плаща развевались чуть не до плеч. Ошеломленный Кенет схватил выпавшие из книги листы и бросился вдогонку.

– Господин волшебник! – крикнул он. – Вы потеряли... Вернитесь!

Но волшебник уже таял на ходу, его облик заколебался, как воздух над костром, поблек, выцвел и исчез. Кенету показалось, что маг обернулся на его призыв, что полупризрачные губы дрогнули и произнесли что-то столь же полупризрачное, чего Кенет уже не мог расслышать. Тогда Кенет сел на пень и расплакался от несбывшегося ожидания.

На что он, собственно говоря, надеялся? Что старый волшебник возьмет в ученики первого встречного юнца только оттого, что юнцу попросить вздумалось? Может, он и вовсе что-нибудь не так сказал или не так сделал? На то похоже. Надо будет подождать старика и все-все ему объяснить. И попросить прощения. Вон как заторопился, даже листы из книги выронил. Надо отдать.

Но напрасно Кенет надеялся снова увидеть старого волшебника. Настал вечерний урочный час, за ним пришла ночь, она сменилась рассветом, потом настал утренний урочный час, а маг так и не появился.

«Он не придет, пока я здесь», – понял Кенет, и сердце его тоскливо сжалось. Ничего не поделаешь, надо уходить. Кому-нибудь может понадобится помощь волшебника, и Кенет не должен препятствовать его появлению.

Да, но как же быть со страницами магической книги?

Поразмыслив, Кенет надумал положить листки из волшебной книги на пень и камнем придавить, чтобы ветер не сдул их ненароком. Но природная любознательность взяла верх, и он решил заглянуть в них. Почему бы и нет? Он ведь никому не скажет, какие заклинания в них написаны. Даже произносить их вслух не будет. Только посмотрит.

Но заклинаний на страницах из волшебной книги не оказалось. Недоверчиво вглядываясь в слегка выцветшие от времени знаки, Кенет прочитал: «Устав поведения магов и учеников».

Неслыханная удача! Кенет оторвал взгляд от прочитанных слов и оглядел все вокруг – деревья, траву, узкую тропинку, ползущих по ближайшему дереву муравьев. Потом перевел дыхание и снова вернулся взглядом к заглавию – медленно, почти нехотя, по-детски опасаясь, что надпись исчезнет. Но нет, вот оно: «Устав поведения...»

О том, чтобы вернуть старому магу выпавшие из книги листы, не могло быть и речи. Зачем они ему? Он ведь волшебством не первый год занимается и устав наверняка знает наизусть. А Кенету устав ой как пригодится. Он его выучит и будет исполнять. Раз уж он собирается стать магом, ему все равно придется исполнять устав. Так почему бы не начать прямо сейчас? Может, у него в результате какие-нибудь магические способности проявятся? А даже если и нет, он снова придет к магу уже не первым встречным с большой дороги, которому по скудости ума вскочило в голову: «А не стать ли мне волшебником, раз гончара из меня не вышло?» Нет, он явится, доказав на деле, что готов на любые испытания. Может, тогда старый волшебник смягчится и возьмет его в ученики?

Счастливый Кенет осторожно сунул за пазуху свою бесценную находку и пошел куда глаза глядят.

Следующий привал он устроил не скоро. Он отчаянно хотел побыстрее взяться за изучение магического устава, но отодвигал этот миг как можно дальше. Теперь, когда устав оказался у него в руках, ему хотелось сполна насладиться не только чтением, но и ожиданием той минуты, когда он сможет к нему приступить.

Наконец усталость взяла свое. Когда перед Кенетом раскинулось шелковисто мерцающее лесное озерко, он почувствовал, что дальше идти не может. Он пошарил в кармане штанов и извлек оттуда огниво, леску, крючки и нож. Все свое имущество. Хорошо еще, что перед побегом из дома он собирался на рыбалку. Жаль только, что гребня у него с собой не оказалось. Может, причесанный он выглядел бы поприличнее, и маг бы его не прогнал... а, да что там рассуждать! Полно сожалеть о том, чего не случилось.

Вскоре рыба была поймана, зажарена и съедена. Утолив наскоро голод, Кенет ополоснул руки, вытер их о штаны, достал из-за пазухи свою измятую добычу, бережно расправил ее, благоговейно затаил дыхание, все же вздохнул и принялся читать. От волнения Кенет был не способен читать подряд. Его прыгающий взгляд задерживался то здесь, то там, выхватывая куски текста безо всякой связи, что-то пропуская, где-то возвращаясь к уже прочитанному.

«...надлежит носить одежду простую, удобную, по вороту, рукавам и подолу вышитую знаками-оберегами, как-то: знаками «лес», «здоровье», «счастье», «долголетие», знаками стихий и их проявлений».

Знаки эти были Кенету известны с малолетства. Поодиночке они входили почти в любую традиционную вышивку.

«...магам и ученикам следует держать тело свое и одежды в чистоте...»

Ну, это тоже понятно.

«...запрещено магам и ученикам оных касаться ножом ли, мечом ли, каким ли другим предметом, из металла сделанным, живого существа, ибо металл суть проводник, и сила магическая, по металлу стекая, повредить оному существу или даже убить его может...»

Кенет растерянно почесал голову. Значит, он отныне имеет право колоть дрова, но не рубить дерево? Да, трудновато быть магом.

«...надлежит соблюдать осторожность особливую в обращении с женщинами, а женщинам – с мужчинами, наипаче же молодыми и красивыми. Ибо как магнит притягивает железо, так и тот, у кого силы больше, притягивает к себе силу меньшую, она же остается у притянувшего, покидая прежнее свое обиталище. Во избежание одного досадного и огорчительного происшествия ученикам и магам воспрещается познавать женщину, а женщинам – мужчину, иначе как уверившись, что силы их равны...»

Теперь кое-что становится понятным. Ясно, почему волшебники так редко женятся и любовных связей не заводят: кому охота наутро проснуться в одной постели с трупом! Ясно и то, зачем черные маги рыщут в поисках все новых и новых женщин: силу их выпивают, подлецы! Саму жизнь отбирают, продлевая свою.

Запрет на женщин не показался Кенету особо обременительным. Жениться он пока не собирается. Женитьба – это для людей пожилых, которым уже лет двадцать стукнуло. Кенету до этого степенного возраста еще далеко.

«...магу, нашедшему место средоточия, дозволено проживать в нем. Магам же, не нашедшим места средоточия, а особенно ученикам, надлежит странствовать, не задерживаясь нигде подолгу, ибо их сила повредить может простому люду. Так же, подолгу на одном месте пребывая, маг либо ученик его навлекает на себя враждебные силы, каковые могут не ему одному, но и прочим людям вред причинить. Странствуя же, он себя от опасности избавляет и прочим людям не вредит...»

Понятно, почему никто не знал, где живет старый маг. Интересно, нашел он уже свое место средоточия или только странствует в его поисках, появляясь в урочный час в урочном месте, чтобы попавшие в беду могли позвать его на помощь? Кстати, а что это такое – место средоточия?

«...надлежит всяко из себя гнев изгонять, и обиду любую, и мысли непотребные, тако же и гордыню, и ко власти над людьми не стремиться. Для каковой цели следует магам и ученикам оных не менее месяца в году совершать работы малопочтенные и трудные за низкую плату и

даже в отсутствие таковой отхожие места чистить, навоз грузить, служителем в больнице быть, дороги мостить и всякое такое прочее, не о прибыли, а о благе токмо помышляя...»

Ну, с этим Кенет справится. Отродясь он ни от какой работы не бегал. Гасить в себе гнев и обиду... да он, собственно, ни на кого, кроме братьев и мачехи, не обижен. Пройдет время, потускнеет память о них, изгладится и обида.

«...надлежит магам, а также ученикам оных воинские искусства изучать со тщанием превеликим, в оных же занятиях достохвальных дух свой и тело укреплять всемерно, ибо опасность для них всегда превелика есть, силою же волшебства себя слишком часто избавлять для мага недостойно, и таковыми деяниями он лишь большую себе опасность снискивает, чаемого же избавления не обретает...»

Вот это, называется, удружили. Мечом живого существа, выходит, и коснуться нельзя, а в воинских искусствах изволь совершенствоваться. Дубину, что ли, завести? Так для дубины и сам ее обладатель должен быть дюжим мужиком. У Кенета любой дубину отнимет да ею же и накомтыляет. Да, загадки устав загадывает. Ладно, об этом можно и позднее поразмыслить. Что там дальше?

«...а потому должно амулеты и талисманы носить на теле денно и ночью, из указанных далее самоцветов сделанные: ученику числом три, магу же и большее число их не возбраняется до нахождения им места средоточия. После нахождения оного и поселения в нем маг носит один талисман в виде перстня. Камни же для оных талисманов и амулетов должны быть самолично найдены или в подарок или в наследство получены, но никоим образом не куплены, ибо за деньги приобретенное только денег и стоит...»

Весельчаки сочиняли этот устав, ничего не скажешь! Да откуда скромному ученику мага, деревенскому парнишке, взять три драгоценных камня?! Спасибо и на том, что купить их нельзя – все равно не на что.

Все же список «указанных далее» самоцветов привлек внимание Кенета. Большинство камней были знакомы ему только по названиям, а то и вовсе не известны – такие он пропускал, не читая: «...пробуждает милосердие к побежденным», «гнев ярый в сердце утишает» – все это хорошо, да не по его зубам кус. Гораздо больше его заинтересовал скромный и недорогой агат или дарующая счастье бирюза. В детстве он и сам носил на шее бирюзовую бусину – от сглаза.

Но помимо воли взгляд его задерживался и на других описаниях.

«...камень аметист от бури и ураганов избавляет, дарует власть над ветрами и повелевает всякою погодой; греховные помыслы, хандру, мысли непотребные и тяжкие, сны дурные отгоняет. Облегчает воздержание, хранит от сглаза и порчи, от волшебства злого. Лихую судьбу отводит и злобу людскую усмиряет, разум просветляет, сон крепит, дарует предсказания истинные и предвидения. От зверей хищных и гадов ползучих, тало же и в человеческом обличье, хранит надежно, в пути оберегом служит. Отвагу и мужество пробуждает и укрепляет, помогает в делах воинских и на охоте. Избавляет в странствиях от тоски по дому. Склоняет ко смирению...» – ну и так далее. Хороший камень, что и говорить.

Или вот жемчуг...

«...укрепляет целомудрие и чистоту душевную, супругам счастье дарует и любовь взаимную, от яда бережет, зло и злой рок отводит, здоровье утверждает и долголетию способствует. От друзей неверных и от обмана хранит и спасает. Печаль, тоску, мысли дурные прочь гонит. В воинских делах помощь оказывает. Предсказания и предвидения посылает истинные. Силу дарует, благоденствие и всяческому процветанию способствует...»

Хорошая драгоценность. Многим бы пригодилась. Жаль, что у Кенета ее никогда не будет. Если недорогой аметист, неровно окрашенный, без огранки, он еще, может, и заполучит, то раздобыть жемчуг для него совершенно немыслимо. Так же немыслимо, как получить «в подарок или наследство» алмаз или изумруд или добываемый где-то в северных морях янтарь, камень редкий и безумно дорогой. Или, скажем, рубин.

«...память укрепляет и разум, храбрость и отвагу, стойкость и мужество дарует. Ведет к победе. Мудрости и мудрой жизни способствует. В воинских делах помощь оказывает верную. От тоски, мыслей тяжелых, робости, дурных снов избавляет. Отгоняет неверных друзей. Власть над людьми дарует...» А, так вот оно что! Вот почему дальше написано: «...ученикам надлежит рубина избегать, магам проявлять осторожность всемерную...» Власть над людьми – искушение сильное. И вот еще, дальше: «...когда не овладел человек помыслами своими и не изгнал гнев из сердца своего совершенно, у того человека от ношения рубина оный гнев возрастать начнет и возгорится яро и люто и злобу природную пробудит, пока не пожрет она человека окончательно, и уподобится он зверю-дракону и низвергнут будет...» Брр... Кенету вовсе не хотелось уподобиться «зверю-дракону». Ясное дело, с рубином лучше не связываться. Правда, вряд ли ему представится такая возможность, но на всякий случай стоит запомнить.

Так, а чего еще этот устав советует избегать? А, вот: «...избегать же шерлов и морионов, способствующих колдовству черному, в деяниях непотребному». Шерлы и морионы, видите ли. Да Кенет и не знает, что такое эти загадочные шерлы и как они выглядят! Нет, вот если ему какая запись и может пригодиться, то разве эта: «...камень, соколиным глазом именуемый, козни врагов отводит, ударов бойцу избегать помогает, внимание воина крепит и быстрее его делает...» Камешек недорогой и не такой уж редкий. Почти любой ярмарочный боец носит его на счастье. Вот этот талисман Кенету пригодится. Особенно если учесть, что в воинские дела ему предстоит по уставу залезть по самые уши, причем, судя по всему, невооруженным. Вот тут талисман, позволяющий избегать ударов, придется как нельзя более кстати.

Начинало смеркаться. Запокапывал мелкий дождичек, и на сером прибрежном песке словно выступили мокрые веснушки.

Кенет сложил свое сокровище вчетверо и сунул в карман. Все, хватит на сегодня чтения. Лучше попробовать осмыслить прочитанное.

Кенет выбрал дерево пораскидистей, устроился под ним и укрылся своим кургузым кафтаном. Долго вспоминалось ему прочитанное, долго не шел к нему сон, но шепоток дождя убаюкивал, и Кенета сморила дрема. Спал он долго и крепко. Убаюкав его, дождь прекратился так же незаметно, как и начался.

В деревню Кенет вступил поутру, голый по пояс, с воплем: «А вот кому дрова на зиму колоть! Заборы чинить! Серпы, косы править!» Кафтан он обвязал рукавами вокруг пояса, словно выражая своим голым торсом готовность немедленно приступить к работе. Расчет его был верен. Летняя страда, самое горячее время, и ни одна пара рабочих рук не окажется лишней. До вечера Кенет успел много кому подсобить, был сытно накормлен и заработал медяк-другой. Эти-то медяки и были ему нужны. Он решил плести корзины: заработок хоть и небольшой, но быстрый. Нехитрое дело – нарезать прутьев для плетения корзин, да устав запрещает. Кенет собирался дать медяк какому-нибудь мальчишке в уплату за срезанный лозняк. А если в деревне найдется свой корзинщик, может, он продаст немного лозняка?

Корзинщика Кенет обнаружил без труда. На деревенской площади, куда по вечерам народ сходилась посидеть в холодке и потолковать о жизни, сидел сутулый старик и плел корзину. Рядом с ним стояли еще три корзины. Дрожащие узловатые старческие пальцы медленно, с трудом гнули непокорные прутья. Мастерством старик, несомненно, обладал: время от времени у него получались удивительной красоты узоры. Но руки ему постоянно изменяли, подслеповатые глаза плохо видели в пыльно-лиловых сумерках. Корзины выглядели кривовато и навряд ли отличались большой прочностью. Негнувшимися пальцами старик то и дело ловил упрямый прут, а прут то и дело норовил распрямиться и хлестнуть по лицу. Кенет стоял и смотрел, не в силах открыть рот и попросить продать ему немного прутьев. Мерзкой насмешкой над старостью прозвучала бы его просьба.

Старик заметил, что рядом с ним стоит кто-то, и с надеждой взглянул на Кенета, но тут же сообразил, что полуголый оборванец не станет покупать корзину.

– Чего стоишь? – с беспомощным гневом выкрикнул он. – Иди... иди прочь!

Кенет наконец открыл рот, но почти к своему же изумлению спросил не о том, о чем собирался.

– Сколько заплатите ученику за день работы, мастер? – произнес Кенет.

Старик посмотрел на него недоверчиво и настороженно.

– Это смотря как работать будешь.

– Дозвольте? – Кенет, не дожидаясь ответа, присел рядом со стариком и взялся за прутья. Когда старик, отчасти поборов недоверие, нехотя кивнул, Кенет уже работал, не подымая головы.

Его сильные молодые пальцы гнули лозу быстро и уверенно. Вскоре он протянул старику небольшую корзинку.

– Годится?

Старик взял корзинку в руки, повертел ее, разглядывая со всех сторон, зачем-то огладил кончиками пальцев ее ладный выпуклый бочок, помигал немного и вдруг бессильно заплакал, уронив голову на грудь.

– Вот что, мастер, – сказал Кенет, подымая плачущего старика с земли, – пойдем в дом. Поздно уже и сыро. Все едино никто ничего не купит. Пойдем. Вы не беспокойтесь, я и ночью работать могу. Я сплю мало.

Провожая старика домой, Кенет выслушивал его нехитрую повесть. Сын, его единственный кормилец, отправился на заработки, оставив отцу и еды, и денег вдоволь, но в дороге задержался. Еда и деньги вышли. Все, что можно продать, старик уже продал. Он уже и весточку от сына получил: заболел, мол, оттого и задержался, но деньги заработал хорошие, на жизнь хватит с избытком. Может, и хорошие деньги, да до них еще дожить надо. Возможно, большинство односельчан охотно поддержали бы старика и уж в любом случае с голоду бы помереть не дали. Но старику претило одалживаться, жить из милости, и он делал вид, что не голодает, сколько мог. Когда же стало совсем невтерпеж, взялся за прежнее ремесло, да вот руки его подвели.

Дом у старика оказался небольшой, но уютный и чистый, хотя и обставленный крайне скудно. Старик не лгал: все, что возможно, было уже втихомолку распродано. Кенет с сожалением оглядывал пол и стены без единой украшавшей их некогда цветной ниточки. Цветной... тут-то Кенета и посетило счастливое озарение. Он подошел к груде лозняка, сваленного в углу, и внимательно осмотрел его. Обработан не совсем хорошо... впрочем, это еще можно поправить. Пожалуй, все получится.

– Ложитесь спать, мастер, – весело тряхнул головой Кенет. – Все устроится.

Старик хотел было выпросить у молодого мастера, какая ему корысть помогать беспомощному старику, но гость уже исчез за дверью. В ожидании его старик ворочался полночи и заснул засветло, так и не дождавшись.

Наутро старик проснулся от веселого бульканья. Молодой гость, судя по всему, не бездельничал: каша томно булькала в горшке, выговаривая тихое: «п-плюхх». Но каша кипела только в одном горшке. В другие окутанный паром Кенет сыпал собранные за ночь травы.

– Садитесь завтракать, мастер, – выныривая из облаков пара, весело произнес Кенет, – мне сейчас некогда.

Потом настал черед прутьев. Кенет прокрашивал их насквозь, опуская в кипящее варево, просушивал, вновь красил, снова сушил, пробовал окраску на прочность, каким-то чудом умудряясь поспевать и с домашней работой. Старик не очень понимал, что затеял вчерашний знакомец, но приходилось ждать и терпеть: другого выхода у него не было. Он пробовал продолжить расспросы, но гость то отнекивался шутливо, а то и вовсе настолько уходил в работу, что вопросов вроде даже и не слышал.

Еще через день-другой Кенет поставил перед стариком новые корзинки, совершенно невиданные: полосатые, клетчатые, оплетенные риковинным цветным узором. Ни одна сельская модница не откажется от новой корзины, пусть и лишней в хозяйстве, но такой красивой, так подходящей к ее праздничному наряду.

– Как думаете, мастер, – купят? – лукаво улыбнулся Кенет.

Корзины не просто покупали – их брали нарасхват. Таких нигде не было. Кенет сам придумал красить прутья. К тому же на площади он подглядел, в какие цвета разодеты здешние красавицы, и подобрал краску в тон.

Теперь в горшке кипело мясо. Под потолком появились связки колбас. Днем Кенет часто ходил по грибы, и весь дом украсился низками сушеных грибов. У старика Кенет прожил немногим более недели и охотно остался бы еще на время, но он опасался подолгу задерживаться на одном месте – устав не велит. В последние два дня Кенет работал не разгибая спины, чтобы оставить старику побольше корзин.

– Уходить мне надо, мастер, – однажды вечером сказал он. – Рассчитаемся, и поутру я пойду.

– Да кто тебя гонит? – удивился старик. – Живи у меня сколько хочешь.

– И рад бы, да не могу, – вздохнул Кенет.

– Что же, – сдержанно произнес старик. – Давай расчет сделаем.

И он выложил деньги на стол.

Кенет быстро отсчитал положенную ученику по закону пятую часть.

– Не много будет? – осведомился он у старика.

– Да ты что, парень! Ученическая доля... да ведь ты один и работал! И какой из тебя ученик? Нет, я не согласен. Это мне пятая часть причитается, да и того много будет, если по совести.

– Нет, так уже я не согласен! – упорствовал Кенет.

– Да тебе в том какая корысть? – с прежней цепкой подозрительностью спросил старик. – Помогать мне за сущие гроши! Ты и сам заработать можешь. На кой я тебе сдался?

Кенет понял, что в бескорыстную помощь старый корзинщик не поверит, а и поверит, так не примет ее. Чтобы старик не артачился, Кенет решил сказать правду.

– Не могу я сам лозу резать, мастер. Обет у меня такой, – немного рисуясь и важничая, произнес Кенет. – Живого ножом не касаться. Не мог я сам заработать. Лоза-то твоя.

– Станный обет, – немного смягчился старик. Однако на своем он стоял упорно и долго. В конце концов поладили на том, что Кенет берет себе половину заработка, а старому корзинщику оставляет состав красящих снадобий. Вернувшись, сын его сможет сам плести полосатые и клетчатые корзинки, и никто не посмеет ославить старика: мол, нажился на чужой беде и выбросил человека за дверь, а сам ничего толком и не умеет. Никто не скажет, что попользовался он чужим мастерством: теперь оно принадлежит ему, оно его собственное.

Наутро старик разбудил Кенета еще до рассвета.

– Я тут всю ночь думал, – суровым, не терпящим возражений тоном произнес старый корзинщик. – Парень ты молодой, деньги с толком истратить не сумеешь, поиздержишь на всякую ерунду, а самого нужного и не купишь. Вот, держи, пригодится. И в руки Кенета легла простая крепкая дорожная куртка.

Куртка оказалась Кенету великовата, но если запахнуться поплотнее и подогнуть рукава, совсем незаметно. Во всяком случае, выглядела она куда приличнее его старого кафтана. Кафтан Кенет выбрасывать не стал: может, еще и пригодится. Поразмыслив, он истратил часть денег на красивый дубовый посох, в котором совершенно не нуждался. Его молодое гибкое тело не требовало подпоры.

Но он слышал где-то, что у всякого мага есть посох. Добровольно принятое им на себя ученичество хотело проявить себя каким-то хоть малым знаком, и мальчишеское тщеславие

вынудило Кенета приобрести посох. Магической силы он придать посоху не мог, а посему ограничился тем, что вырезал на его поверхности знак «исполнение». Получилось красиво.

Перебиваясь на случайные заработки, Кенет все дальше и дальше уходил от дома, то сворачивая с большой дороги, то вновь возвращаясь на нее. Большая дорога вела к городу. Какое-то название у него, конечно, было, но уже несколько веков даже и в официальных документах город именовался так, как называли его жители – Сад Мостов.

Глава 2

Сад мостов

Кенет довольно долго шел предместьями. Сначала он с любопытством оглядывал поселения под названием Кротовые норы, где приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не провалиться в одну из бесчисленных землянок. Кенет даже и представить себе раньше не мог, что человеческое жилище может выглядеть подобным образом. Затем настал черед Ласточкиных гнезд, где крохотные мазанки лепились к городской стене и друг к другу. И только потом ошеломленный увиденным Кенет отыскал наконец ворота в опоясывающей город стене.

Он едва ли заметил, что его кафтан и почти все деньги перекочевали в руки стражников: въездная пошлина была по городским меркам не особо высока, но и денег у Кенета было по тем же меркам очень и очень немного. Он уплатил без единого слова возражения, жадно вглядываясь в невероятное зрелище, видимое в проеме ворот. Конечно, городской шум и толчея способны сильно подействовать на воображение вчерашнего сельского жителя, но все же не настолько. Нет, картина, открывшаяся взору Кенета, могла заворочить любого. Сад Мостов был городом единственным в своем роде.

Дорога, по которой Кенет пришел в Сад Мостов, в свое время была руслом одного из бесчисленных небольших рукавов протекавшей здесь могучей реки. Город подымался из воды, как камыш. Его улицами были мосты, мостики, мосточки. Иногда их наводили не прямо над водой, а между краями крыш. Потом, после Великого Землетрясения, оставившего в руинах полстраны и чудом не затронувшего Сад Мостов, путь реке преградили обломки гор. Не в силах ни обойти, ни перепрыгнуть гигантский каменный порог, река размыва мягкий лесс и покатила свои помутневшие воды совсем в другую сторону. Тут бы и научиться жителям города ходить по суше. Однако из переплетения каменных радуг соткался столь неповторимый облик города, что его жители не захотели от него отказаться. Да и кто поручится, что когда-нибудь река не вернется столь же внезапно, как и ушла? Мосты переплетались все теснее, под ними царил приятная прохлада в самую душливую летнюю жару. Конечно, зимой обитателям Сада Мостов явно не доставало и без того скудного солнечного света, зато холодные сумерки не сопровождалась обычной для большинства городов духотой. Даже в столице на большинстве улиц два экипажа могли разъехаться с трудом, а здесь вода раздвинула ряды домов далеко друг от друга, и когда она ушла, на просторных улицах дышалось легко и свободно.

Кенет никогда не видел ничего подобного. Каменные радуги, вознесенные в небеса, отбрасывали на землю синие радуги теней. Мостики врастали один в другой, переплетались, сцеплялись, словно пальцы рук в нежном пожатии. Кое-где между окнами верхних этажей были перекинута не мостики даже, а временные дощатые переходы, и, забегая за парой лукович к соседу, люди втаскивали эти импровизированные мостики за собой в гостеприимно распахнутое окно.

На улицах дети играли в «чертиков». Впрочем, знакомая Кенету с детства игра приобрела в этом городе несколько иной вид. Солнечный свет золотил небольшие островки среди густой синевы теней. Следовало перепрыгнуть с одного островка на другой. Тот, кому это не удавалось, становился «чертиком» и начинал гоняться за остальными, мешая им прыгать. Если он успевал помешать кому-нибудь допрыгнуть до волшебного островка, он переставал быть «чертиком», и уже новый «чертик» начинал бегать, вопить, размахивать руками и толкать играющих. Кенет попытался было спросить у детей, как ему найти постоянный двор или трактир: он ничего не ел со вчерашнего вечера и был бы не прочь перекусить. Запыхавшийся «чертик»

остановился и охотно объяснил незнакомцу: «Выйдете на улицу Плотников, потом подыметесь по Гончарному мосту, перейдете на мост Полнолуния...»

Дальше Кенет уже не слушал. Бесполезно. Он вежливо поблагодарил «чертика» и пошел куда глаза глядят, положась на удачу. Удача дремала час-другой, потом внезапно пробудилась, и Кенет наткнулся наконец после долгих блужданий на вполне подходящий трактир под названием «Перевернутый мост». Кормили там сытно, и посетитель мог не опасаться окончить жизнь, держась за живот над миской какой-нибудь тухлятины. Да и запрашивали там недорого – то есть по городским понятиям недорого. Кенет вышел из «Перевернутого моста» сытый, но без единого гроша.

Относительная дороговизна объяснялась очень просто. Когда-то Сад Мостов был столицей. Когда из города ушла река, покинул его и императорский двор. Однако столичные замашки у жителей Сада Мостов сохранились. Новую столицу они и в грош не ставили: ее казенное великолепие меркло перед неповторимым своеобразием столицы прежней. Княжеский род, с незапамятных времен властвовавший над Садам Мостов, был непоколебимо уверен, что город возвратит себе былую славу; простые обыватели веровали в это с не меньшей истовостью, а пока в ожидании сладостного часа возрождения жили по-столичному широко. Однако столичный размах и в столице обходится недешево, а вне ее – и подавно. К тому же пресловутое своеобразие обходилось городу в изрядную сумму: если оставленная заботой улица всего лишь неприглядна, то полуразрушенный мост опасен для жизни. Город не мог позволить себе прийти в упадок – ни в переносном смысле, ни в прямом. Не одно поколение императоров изнывало от бессильной ненависти к Саду Мостов, ибо львиная доля собранных налогов уходила на внутригородское благоустройство (благодаря чему обитатели города платили налог с охотой), императору же перепали жалкие крохи. Увеличить налог императорам никак не удавалось: всесокрушающая в столице волна императорского гнева отзывалась в сем отдаленном краю жалким слабеньким плеском, а княжеская власть была сильна и крепка. Преданность князю подогревалась ставшей традиционной за восемь веков ненавистью к новой столице. Императоры присылали одного наместника за другим, но пришельцам быстро указывали, где их место на самом деле. Не желавшие знать свое место вскоре находили его в роскошном склепе на городском кладбище, и император присылал нового чиновника. Судьба строптивого предшественника служила ему хорошим уроком, он смиренно позволял привести себя к покорности, передавал свою номинальную власть в руки властей реальных и мирно доживал свой век под сенью княжеского дома, ни во что не вмешиваясь.

Ничего этого Кенет пока не знал и знать не мог. Он и вообще не был осведомлен о существовании князя или наместника, не знал, каких улиц или мостов в какое время лучше избегать. Поэтому крик стражи: «Дорогу, дорогу!» – застал его прямо посреди моста.

– Дорогу, эй, дорогу! Его светлость наместник Ахейро к его светлости князю Юкайгину! Дорогу носилкам его светлости господина наместника!

«Вот ведь незадача! – сокрушенно подумал Кенет. – И куда мне теперь? С моста вниз головой?»

Носильщики с паланкином уже взбегали на узкий мост. Кенет растерянно озирался, не в силах сообразить, куда бы ему деться.

– Сюда! – крикнули откуда-то снизу.

Кенет перегнулся через перила и посмотрел вниз. Лысый толстяк средних лет махнул ему рукой.

Кенет перешагнул через невысокие перила, ухватился руками за решетку, поболтал ногами в воздухе, отпустил руки и прыгнул на нижний мост, чудом не промахнувшись. Над его головой дробно простучало «бум... бум...» – и затихло в отдалении. Паланкин его светлости господина наместника миновал мост Весенних Цветов и проследовал на мост Принцев.

– Что, испугался? – сочувственно спросил толстяк. Кенет немного колебался и кивнул.

– Охотничек! – процедил толстяк, глядя вверх, на пролет моста Весенних Цветов.

– Кто? – не понял Кенет.

– Да наместник же! Как у него минутка свободная, так все охотится и охотится. Зверей на него не напасешься!

Из сказанного Кенет заключил, что если наместник Акейро стреляет, то попадает обычно в зверя, а не в ближайшее дерево или собственный сапог. Ясное дело, охотиться такой человек предпочитает сам, не препоручая этого придворным охотникам. Решительно ничего предосудительного в подобном образе действий Кенет не находил.

Тем временем паланкин наместника Акейро достиг середины Княжеского моста.

– Стойте! – нетерпеливо крикнул Акейро. Носильщики остановились как вкопанные. Акейро выскочил из паланкина, небрежным жестом подозвал пеший эскорт и быстро зашагал по Княжескому мосту, чтобы хоть часть пути проделать пешком, а не в носилках. Он никогда не любил езду в паланкине, предпочитая передвигаться верхом или, на худой конец, пешком. Но ничего не поделаешь: пешее хождение наместнику категорически возбранялось. Да и небезопасно сановной особе шляться пешком среди простых смертных. Вот и приходится трястись в закрытой коробке. В дурном расположении духа Акейро называл паланкин катафалком, и ему действительно начинало казаться, что его несут куда-то на кладбище, чтобы похоронить заживо. В последнее время, когда боли в груди мучили наместника реже, он почти не думал о похоронах. И все же чего бы он ни отдал, чтобы наносить визиты, сидя в седле! Но лошади использовались обитателями Сада Мостов только для загородных прогулок: в черте города попросту невозможно передвигаться верхом. Паланкин был единственным неудобством, с которым Акейро не мог свыкнуться, хотя по необходимости и терпел его.

Князь Юкайгин дожидался Акейро с самого утра. Он уже распорядился подогреть для гостя красное вино, настоящее на травах, и с нетерпением прислушивался, когда же в коридоре зазвучат легкие стремительные шаги.

Наместник Акейро отпустил стражу у дверей в княжеские покои, вошел, поздоровался с князем, взял из рук слуги кубок с вином, поднял в знак почтения к хозяину дома и пригубил.

– Холодненького бы! – вздохнул он.

– Ваша светлость! – укоризненно воскликнул князь Юкайгин.

Акейро посмотрел на него и негромко рассмеялся. Юкайгин тоже усмехнулся: старый розыгрыш, а он все равно на него попадает. Акейро отлично знает, что ему нельзя пить холодного.

Акейро сел, не расправляя своего официального одеяния. Оно как-то само расправилось и легло изящными складками.

Акейро мелкими глотками прихлебывал горячее вино, а князь Юкайгин наблюдал за ним с улыбкой. И подумать только, что всего два года назад он подсылал к этому человеку наемных убийц! Теперь старый князь любит его, как сына.

Князь прекрасно помнил, как два года назад худой слабогрудый юнец явился из столицы в Сад Мостов. «Ну, с этим наместником хлопот не будет. И не таких окорачивали», – подумал тогда князь Юкайгин. Как же он ошибся! Этот слабый болезненный юноша обладал непреклонной волей. Князь рассчитывал за месяц-другой поставить зарвавшегося сопляка на место. Взамен зарвавшийся сопляк поставил на место самого князя задолго до истечения этих двух месяцев. Князь изнывал от уважительной ненависти к новоявленному сопернику, но поделать не мог ничего. Тихая властность Акейро совершенно заглушала его собственные громогласные требования. Князь уже троих наместников на своем веку скрутил в праздничный крендель, но подступиться к Акейро было невозможно. Мало-помалу жизнью города начал распоряжаться тихий чужак с вежливой улыбкой на юношеских губах. Распоряжения его были всегда разумны, но легче от этого князю не становилось. Его бесило ведь не то, что власть приходится с кем-то разделить. Он любил свой город, он знал каждую трещинку в каждом его камне, этот город

стал его собственной плотью. Он не мог позволить распоряжаться этой плотью равнодушному пришельцу из ненавистой новой столицы.

Тогда он впервые подослал убийц к Акейро. Потом еще раз и еще. Однако придворная жизнь хорошо обучает умению беречь свою шкуру. Иногда Акейро избегал убийц, иногда разделялся с ними. Князь только диву давался: наместник худ как щепка, в чем только душа держится, – как ему удалось расправиться со здоровенными мастерами убойного дела?

Узнал об этом князь значительно позже. А тогда доведенный до отчаяния князь Юкайгин решил самолично устранить проклятого наместника. Случай представился ему не скоро, но князь Юкайгин был терпелив и ждать умел. И дождался. На пиру в честь дня рождения императора присутствовать должны были оба – и князь, и наместник. Как обычно и случается, господа почетные гости упились до поросячьего визга. На той стадии, когда те, кто почему-то еще сидит, рассказывают странные истории тем, кто уже удобно расположился под столом, князь Юкайгин с удивлением и радостью заметил, что кресло наместника пустует. Выждав еще немного для верности, князь тихо покинул пиршественную залу. Уж если присутствия наместника никто не заметил, то его ухода не заметят и подавно.

В личных покоях наместника было пусто и тихо: все слуги были заняты гостями. Князь Юкайгин не раз посещал эти покои при прежних наместниках и шел спокойно и уверенно, не опасаясь заблудиться в лабиринте комнат, галерей и переходов. Он тихо толкал двери, и они неслышно распахивались, пропуская его внутрь.

В одной из комнат занавеси были раздернуты, балконная дверь открыта. У князя дух захватило, когда он увидел крыши и мосты родного города, словно парящие в жемчужно-сером предрассветном воздухе, который, казалось, слабо светится сам собой.

На балконе спиной к Юкайгину стоял какой-то юноша, одетый по местному обычаю. Его синее с черным одеяние, широкое в плечах, мягко спускалось до локтей. В талии его крепко стягивал узкий черный пояс. Ниже пояса ткань мягко облегла бедра, спускаясь до середины икр. Ни одной лишней складки, ни одного ненужного украшения, вообще ничего, нарушающего гармонию наряда. Юноша носил свою одежду с привычным небрежным изяществом. Он молча любовался городом, а князь любовался и городом, и незнакомцем. Он хотел было незаметно уйти, но тут незнакомец обернулся, и Юкайгин с несказанным изумлением узнал в нем наместника.

– В жизни не видел ничего прекраснее, – тихо сказал Акейро. – Великий родоначальник нынешней династии попросту идиот. Как можно было от такой красоты перенести столицу в это гиблое место!

Юкайгин молчал, потрясенный. Он чувствовал: Акейро говорит, что и думает. Его лицо сияло самой неподдельной искренностью.

Акейро пристально взглянул в лицо князя Юкайгина и чуть примкнул веки.

– Красивый город, – так же тихо произнес он. – Здесь хорошо будет... – Он замолчал и, помедлив немного, неожиданно добавил: – Умирать.

Князь Юкайгин растерялся окончательно. Он не знал, что сказать. Никакие слова не шли ему на ум. Молчание затягивалось. Акейро стоял прямо и неподвижно.

– Вашей светлости не понравился пир? – неожиданно спросил он.

– Все уже перепились, – с облегчением заметил князь. – Скучно. А вы, ваша светлость, тоже изволили уйти?

– Грудь болит, – с внезапной тоской ответил Акейро. – Устал я.

Да он же болен, вдруг понял Юкайгин. Это бледное лицо с прозрачным румянцем, эта слабая грудь, худые руки. Он болен, и болен давно и тяжело. Вот почему он никого и ничего не боится. Он давно считает себя приговоренным, и год-другой жизни для него разницы не составляет.

– Вы ошибаетесь, ваша светлость, – негромко, но властно произнес Юкайгин. – Может, умереть в этом городе и неплохо. Но смею вас заверить, жить в нем еще лучше.

Акейро недоверчиво приподнял брови.

– Но ведь вы убивать меня пришли? – спросил он без тени сомнения в голосе.

– Уже нет, – усмехнулся Юкайгин.

В ту ночь уста Акейро разомкнула лишь уверенность, что через пять минут он будет убит. Акейро в обращении оставался сух и сдержан, в откровенности не пускался, чувств своих не выдавал, и историю его князь Юкайгин узнал не скоро.

Мать Акейро в юности слыла девушкой не только большого ума, но и сильной воли. Именно за эти качества, а также за несокрушимое здоровье приглянулась она слугам великого черного мага Инсанна, рыскавшим по всей империи в поисках новых жертв. Великий маг постоянно нуждался в притоке новых жизненных сил.

Совсем еще юная девушка умом обижена не была. Она знала, что случается с теми, кого Инсанна кладет в свою постель, а попав в его замок, собственными глазами увидела, как по утрам из опочивальни мага выносят мертвые тела. Она решила, что, когда придет ее черед, она притворится мертвой. Лучше притвориться, чем стать.

Когда ее черед и в самом деле настал, она едва не упустила нужный момент: жизненная сила уже почти покинула ее. Она собрала всю свою волю, сдержала почти неслышное дыхание и откинулась на подушки рядом с Инсанной. Обман ей удался: Инсанна никогда не приглядывался к своим наложницам, тем более – к мертвым наложницам. А жизни он из нее выпил столько, что мысль о притворстве ему и в голову не пришла. До полусмерти обессиленную и перепуганную девушку выбросили за ворота, как и многих других до нее, чтобы родственники жертвы могли забрать тело и похоронить его: великий Инсанна был милостив.

Девушка выжила, но от некогда веселой, пышущей здоровьем красавицы остался бледный изможденный призрак. Впрочем, былой красоты она не утратила, хотя красота эта изменилась, став скорбной и почти отталкивающей. Однако же не оттолкнула ее новая внешность некоего пылкого юношу. Его ничто не испугало: ни ее кровавый кашель по ночам, ни ворчание родни, недовольной тем, что берет он за себя девицу больную – да и не девицу уже, если разобратся. Раньше он о подобном браке не мог и мечтать, будучи гораздо беднее своей невесты, а теперь ее семья была рада-радешенька, что нашелся хоть один дурак, готовый на подобную женитьбу. Казалось, только его любовь и дает силы жить безнадежно больной женщине.

От этого брака родился единственный сын, названный Акейро. Он появился на свет слабым, хилым. Довольно скоро стало ясно, что мальчик унаследовал болезнь матери. Черный маг выпил почти всю его жизненную силу задолго до его рождения. Акейро никогда не встречал Инсанну, но ненавидел его с ледяным бешенством, сколько себя помнил.

Кроме слабого здоровья, от матери он унаследовал ясный ум и непреклонную волю, а от отца – пылкий нрав. При дворе его не любили, и едва освободилась должность наместника, как император быстренько направил юношу в Сад Мостов – в ненавистную провинцию, почти в ссылку и наверняка на смерть: тамошний непривычный климат мог подорвать и более крепкое здоровье, а уж Акейро он убьет неминуемо.

Во всеобщей нелюбви к себе Акейро был отчасти виноват сам. Зная, что долгая жизнь ему не суждена, Акейро никому, кроме родителей, не позволял себя любить и старался никого не любить сам, чтоб не вызвать ответного чувства ненароком. Однако любой нормальный человек нуждается хоть в какой-то душевной привязанности. Сад Мостов потряс Акейро своей неожиданной красотой, и вся его неистраченная жажда любить и быть любимым обратилась к этому дивному городу. Акейро мог себе позволить любить мосты и дома: ведь, когда он умрет, камни не будут горевать о нем, и зубчатая башня не оплачет покойного наместника.

Эта исступленная всепоглощающая любовь к Саду Мостов и сблизила с ним старого князя Юкайгина.

Если еще недавно князь был готов сделать все, чтобы Акейро умер, то теперь он с не меньшим упорством прилагал все старания к тому, чтобы Акейро жил. Он начал вывозить Акейро на охоту, приглашал к нему лучших врачей, добывал для него безумно редкие и дорогие целебные травы. И Акейро, к вящему своему удивлению, все еще жил и даже чувствовал себя неплохо. Боли в груди мучили его реже, кровавый кашель почти прекратился. Акейро не только принимал просителей у себя, но и сам стал выезжать с визитами. Такими, как сегодня...

– Как самочувствие? – спросил его князь Юкайгин.

– Сегодня немного лучше, благодарю, – ответил Акейро и отпил глоток вина.

Юкайгин придирчиво взглянул на него. Да, пожалуй, выглядит сегодня наместник неплохо. Во всяком случае, лучше, чем в тот памятный им обоим предрассветный час. Акейро и вообще сильно изменился за эти два года. Даже предписанное ему законом официальное одеяние он носит так, что оно становится неумовимо похожим на здешние одежды. В нем нет ничего от уроженца новой столицы. Он здешний, хоть и не родился здесь. И князь не отдаст его смерти, как бы она ни старалась.

– Я подумываю, не выписать ли нам сюда хорошего мага, – предложил Юкайгин. – Может, магия сумеет вернуть вам здоровье.

– Бесплезно, – ответил Акейро. – Я благодарен вам от всего сердца, но это совершенно бесплезно. Покуда жив Инсанна, здоровья мне не вернет никто и ничто.

– Так вы наняли Аканэ против Инсанны? – удивился Юкайгин.

– Нет, что вы! Аканэ – великий воин, но и только. Отправлять на битву с магом воина... нет, нет, это же просто убийство. А я вовсе не намерен убивать Аканэ. Я нанял его для охоты за слугами Инсанны. И меня очень беспокоит его исчезновение.

– Так ведь он уехал, – не понял Юкайгин.

– Уехал, а потом тайно вернулся. Некоторое время он связывался со мной через одного из ваших людей – того, которого вы мне подарили, – но вот уже второй день, как от него нет никаких известий.

– Не такой человек Аканэ, чтобы бесследно исчезнуть, – возразил Юкайгин.

– Вот именно. Поэтому он меня и беспокоит. Пожалуй, даже больше, чем растреклятая больница.

Упоминание о городской больнице для бедняков заставило старого князя нахмуриться. С больницей он безуспешно боролся вот уже битых девять лет, пытаясь призвать ее к порядку. Теперь настал черед Акейро сражаться.

– За последний год мои люди дважды пытались разобрать денежные отчеты этого мерзкого заведения, – вздохнул Юкайгин. – Они так запутаны, что никаких концов не сыскать.

– Я тоже читал эти опусы, – скривился Акейро.

– И как? – искренне заинтересовался Юкайгин.

– Я пообещал этим мерзавцам, что если я не получу через месяц нормальный отчет о затраченных средствах, то авторов нового отчета повешу прямо у входа в больницу, – хладнокровно сообщил Акейро. – Неделя уже прошла.

Покуда Акейро и Юкайгин обсуждали проблемы бюджета городской больницы и исчезновение великого воина Аканэ, незнакомый им деревенский паренек Кенет осматривал город. Под вечер ноги и голова его налились свинцовой тяжестью. Кенет даже начал опираться на посох. Когда вечерние сумерки потеряли прозрачность, Кенет решил отдохнуть. Но постоянного двора, гостиницы или какого-либо иного пристанища поблизости не было. К тому же он слишком поздно вспомнил, что проел последние деньги в трактире. Ничего не поделаешь, придется переночевать на вольном воздухе. Не впервой. Правда, на каменной мостовой спать не в пример холоднее и жестче, нежели на лесном мху.

Кенет выбрал себе укромное местечко под невысоким мостиком. Распрямившись, он почти касался мостика головой. Нависающий пролет создавал иллюзию крыши над головой:

хоть и без стен, а все же комната. Кенет небрежно положил наземь свой посох и уже собирался прилечь с ним рядом.

Тут-то из ночной тьмы и вынырнули эти трое.

– Здесь пьяный дракон не пробегал? – тревожно осведомился тот, что держал фонарь, сухопарый верзила с длинным носом.

– Д-да вроде нет, – растерянно выдавил Кенет. Мгновение растерянности дорого обошлось ему: за этот миг незнакомцы подошли вплотную и почти притиснули Кенета к стене.

– Тогда гони деньги! – предложил другой грабитель, пониже ростом, отягощенный изрядным пузиком.

– А то в глаз! – мрачно сообщил третий, стоявший поодаль. Облика его Кенет различить не смог: тьма скрадывала его черты.

– Деньги давай, слышишь? – настаивал толстяк.

– Спасибо, – дружелюбно произнес Кенет.

– За что? – не понял толстяк.

– За комплимент. По-вашему, я похож на человека, у которого деньги водятся?

– А это мы сейчас посмотрим, – заявил высокий. – Син, обыщи его.

Кенет и не подумал сопротивляться обыску. Терять ему было нечего. Да и сопротивляться тоже особо нечем: посох лежал на земле в нескольких шагах от него.

– Щекотно, – предупредил он, когда пальцы толстяка полезли под куртку. Покупку рубашки Кенет отложил до лучших времен, и теперь ничто не защищало его кожу от прикосновения толстяка.

– Действительно, – разочарованно протянул толстяк, наткнувшись под курткой на голое тело. Верзила поднес фонарь поближе к Кенету и в его тусклом свете осмотрел юношу со всех сторон.

– Деревня, – безжалостно изрек свой приговор верзила. – Что ты здесь делаешь, чудо огородное?

– Спать ложусь, – искренне ответил Кенет. Верзила и толстяк онемели от подобной наивности.

– В глаз ему, – предложил из темноты третий. – Чтобы спать светлее было.

– Значит, спать, – с непонятной интонацией протянул верзила. – И что же собирается делать твое морковное величество, когда проснется?

– Работу искать, – так же искренне и охотно ответил Кенет.

– Работу? – переспросил верзила. – Выходит, ты в гильдии состоишь?

– А что это такое? – спросил Кенет.

Толстяк неприлично заржал. Верзила сначала высказал свое мнение об умственных способностях Кенета и лишь потом объяснил ему, что такое гильдия. Выслушав его, Кенет немного приуныл. Работать в городе имели право только члены гильдии. Чтобы зарабатывать деньги, нужно было вступить в гильдию. Но чтобы уплатить вступительный взнос, надо было сначала заработать деньги.

– Это у тебя что – гильдейская грамота? – спросил толстяк, внезапно выхватывая у Кенета из кармана бесценный устав.

– Отдай! – возопил Кенет, бросаясь к толстяку.

– Э-э, да это чистый пергамент, потрепанный только, – с неудовольствием произнес толстяк. – Держи. На кой он тебе, такая рухлядь? Припарки ставить?

– В глаз ему! – мстительно повторил третий во мраке. – И припарку!

– Заткнись! – лениво приказал верзила. Деревенский юнец позабавил его, а веселье настраивает на добродушный лад.

Третий промывчал что-то неразборчивое, но послушно затих.

– Что, парень, некуда тебе податься? – почти сочувственно спросил верзила.

– А присоединяйся к нам! – ласково пропел толстяк. – Правда, в гильдию воров тоже вступительный взнос нужен, но мы люди не гордые, у нас можно и в кредит. Слышал такое слово? Потом из твоего пая вычтем, только и всего.

Кенету совершенно не хотелось идти воровать и еще меньше хотелось признавать свое дремучее незнание городской жизни. Он уже забыл, что всего минуту назад спросил, что такое гильдия.

– Да не собираюсь я ни в какую гильдию! – взорвался Кенет. – И в вашу тоже!

– В глаз! – с радостной кровожадностью рявкнул из темноты третий.

– Как сказано! – восхитился верзила. – А зубы-то как заблестели! Ах ты огурец кусачий!

И где же ты, позволь спросить, собираешься в таком случае искать работу?

Наитие снизошло на Кенета мгновенно. Устав, который Кенет все еще судорожно сжимал в руках, подсказал ему решение.

– В городской больнице, – твердо заявил он. – Думаю, для этого не надо быть членом гильдии.

Внезапное молчание беззвучным эхом раскатилось по мостовой. Потом верзила выдохнул сквозь стиснутые зубы, а толстяк как-то неуверенно охнул.

– Придурок, – убежденно заявил тип из темноты. Оказывается, кроме предложения дать в глаз и сопутствующих ему идиом, он знал еще и другие слова.

– Святой, – вздохнул толстяк.

– Деревня, – отрезал верзила. – Пошли, Син. Может, еще кого поймает.

И троика грабителей удалилась, оставив Кенета в полном недоумении. Когда ночная тьма поглотила их, Кенет вздохнул, сунул устав за пазуху, лег рядом со своим посохом и приготовился ко сну. И только тут до Кенета дошло, что на бережно им хранимых листах пергамента толстяк Син не увидел ни единого слова.

Наутро, едва проснувшись, Кенет первым делом совершил то, чего не мог ночью: вытащил из-за пазухи книжные листы и взглянул, на месте ли текст. Текст был на месте, чуть порывевшие от времени знаки никуда не сбежали, не выпцвели, не исчезли, не растворились. «Устав поведения магов...»

Что же это такое получается? Выходит, толстяк Син не видит ни бельмеса на старом потертом пергаменте, а он, Кенет, видит? Очень странно. Толстяк ничего не видел. Может, и не должен был видеть? А он, Кенет, – должен? Мысль эта вдохновила Кенета до полного безъязычия. Он оцепенел от восторга, ибо эта мысль ненавязчиво намекала на присутствие у Кенета магических способностей и пророчила им славное будущее. А как бы иначе Кенет мог увидеть незримое для других? Он почти сознательно гнал от себя некое ехидное соображение: а именно, что толстяк просто не разглядел в тусклом свете фонаря слов устава на старом пергаменте.

С новой верой в себя и в свои способности Кенет засунул устав в карман и отправился на поиски городской больницы.

Больницу он нашел не сразу, но не из-за туманных и непонятных объяснений, куда ему идти – за вчерашний день он немного освоился и уже не путал мосты с улицами, – а из-за сильного внутреннего сопротивления. Его разум отказывался признать это ветхое и омерзительно грязное строение больницей. Разве можно помещать в такой дом больного человека? Здесь и мертвому не место. Кенет прошел мимо больницы раза три, пока не уяснил с невольным ужасом, что это она и есть. Кенет приподнял ногу повыше, чтобы не коснуться невзначай заплыванного порога, и, преодолевая дрожь гадливости, вошел внутрь.

Наняться на работу в больницу оказалось легко. Быть членом гильдии для этого действительно не требовалось. Ни один человек, состоящий хоть в самой захудалой гильдии, ни за какие деньги не стал бы работать в подобном заведении. В больницу и вообще старались не попадать. Богачи лечились, разумеется, у себя дома, в теплой уютной постели. Но даже самый

распоследний бедняк предпочитал болеть в своей жалкой каморке, хотя в больнице кормили даром. И все же больница не пустовала. Ее заполняли жертвы моровых поветрий, бездомные бродяги, а больше того – раненные в уличных стычках. Будь они в сознании, они бы не позволили тащить себя в больницу, но больничные служители подбирали их на улице в бессознательном состоянии или попросту слишком ослабевшими, чтобы они могли сопротивляться. А потому в больнице и даже вокруг нее стоял тяжелый запах разлагающейся крови. Кенета еще на подходе к больнице едва не стошнило. Он не понимал, как можно было допустить что-либо подобное. После первых же дней работы в больнице он стал понимать еще меньше.

Больница была гнойной язвой на теле города. Наместник Акейро хотел было уничтожить ее и выстроить новую, но однажды ночью почти достроенное здание подожгли. Возобновить стройку не удалось. По городу забегали подозрительные личности с общим вопросом на устах: «Во что обойдется городу эта затея наместника и на какую сумму его светлость поднимет налоги?» В городе запахло не то чтобы бунтом, но серьезными волнениями. Во избежание беспорядков постройку новой больницы пришлось на неопределенное время отложить. Подстрекателей искали усердно, но не нашли.

Между тем слова смутьянов были ложью вдвойне. Во-первых, Акейро не собирался повышать налоги. Его финансовый гений изыскивал иные средства. Повышая скорость денежного оборота, находя различные способы оживить торговлю, поощряя развитие ремесел и тонко регулируя въездные и таможенные пошлины, Акейро ухитрялся найти значительные суммы для пополнения городской казны там, где их раньше не было. А если денег на благоустройство города все же не доставало, Акейро без колебаний щедро тратил собственные.

Во-вторых же, именно старая больница и влетала городу в копеечку. Огромные средства из городской казны, плата за лечение более состоятельных больных, бесчисленные пожертвования доброхотных дарителей – все валилось в какую-то алчущую прорву, исчезая в никуда. Сначала князь Юкайгин пытался разобраться в неслыханно запутанных больничных отчетах. Потом за дело взялся Акейро, и взялся всерьез. Наместник бледнел от гнева при одном упоминании ненавистной больницы и говорил, что затраченных денег хватило бы, чтоб три такие больницы из золота отлить. Однако деньги шли больнице не впрок. Целебных трав, тюфяков, кружек и прочего, зачастую самого необходимого, в больнице не доставало постоянно. А самое главное – она попросту тонула в липкой жирной грязи.

Едва получив казенную больничную робу, Кенет взял ее двумя пальцами и побежал искать чан, воду и мыло. Прежде чем надеть робу, Кенет два дня стирал ее и лишь тогда неохотно признал одежду более или менее чистой. Все это время он разгуливал в одних штанах, припрятав дорожную куртку в захламленной подсобке, где громоздились дырявые ведра, швабры с отломанными ручками, ветхие тряпки и старые робы. Кроме Кенета и крыс, туда никто не навещался, и Кенет мог биться об заклад, что его куртку не найдет никто, даже если очень захочет.

Кенет был приставлен помогать трем больничным служителям, всегда раздраженным и усталым и всегда вполпьяна. На месте их, как правило, никогда не было, и Кенету обычно приходилось работать за четверых: подавать больным еду, менять повязки, подносить целебное питье, в случае срочной необходимости бежать на поиски врача и прочее тому подобное, а если кто помрет – выносить тело в покойницкую. Обозрев вверенную его попечению территорию, Кенет вздохнул и направился в подсобку.

Каждую свободную минуту он хватался за тряпку и мыл, мыл, мыл, драил, оттирал, отскабливал, вываривал, обдавал кипятком со щелоком, кипятил и снова драил, скреб, начищал все, что попадалось под руку. Постепенно в его владениях стало меньше пахнуть мочой и кровью и больше – водой и травами. Тюфяки и простыни менялись на кроватях реже, чем больные, и их частенько приходилось отдирать от тела с кровью и гноем, а то и с намертво присохшей кожей. Раздобыть сменные простыни Кенету не удалось, но он каждый день вытас-

кивал простыню из-под кого-нибудь и стирал ее, не дожидаясь, пока кровь засохнет и ткань задубеет.

– Перебесится, – говорили о нем мутноглазые служители. – Устанет – и пройдет у него эта блажь.

Но блажь не проходила, хотя уставал Кенет смертельно. Не могла пройти. Спать стоя Кенет не умел, а сесть или лечь в подобной грязи был не в силах. Приходилось сначала все отмывать, а затем уже вкушать заслуженный отдых. Отдыха не хватало. Кенету и раньше доводилось недоедать и недосыпать, но ел он свежую пищу и спал на свежем воздухе. Три часа сна в сутки, гнилой больничный воздух, сомнительная еда... У Кенета опухли глаза, кружилась голова, руки временами теряли чувствительность. У него еще оставались силы разносить подносы с едой, мыть, стирать, чистить, подавать питье, но думать сил уже не было – только мыть, чистить, разносить... Он уже не мог думать. И хорошо, что не мог. Иначе непременно подумал бы: не слишком ли многого требует устав от будущего мага? Да что там мага, последний каторжник – и тот живет лучше.

Конечно, можно так и не надрываться. Но деревенская чистоплотность и врожденная добросовестность не позволяли Кенету сомкнуть слипающиеся веки, пока все не будет сделано.

Однажды в его владения забрел кто-то из лекарей. Случай редкий: врачи осматривали больных при поступлении в больницу, назначали им лечение, отправляли на свободную койку, если она была, и на пол – если нет, и больше обычно не показывались, хотя каждый день с раннего утра больные начинали ждать чего-то таинственного, именуемого словом «обход». Как бы то ни было, лекарь все же совершил пресловутый обход и наткнулся на Кенета со шваброй. Врач не сказал ничего – ни хорошего, ни плохого, – но работы у Кенета с этого дня прибавилось. Его то и дело отзывали куда-нибудь: сортировать простыни, пересчитывать пакеты с сушеными травами, помогать растапливать кухонную печь. После посещения кухни Кенет едва не простудился: несмотря на вязкую духоту, по больнице вечно шастал неуловимый сквознячок, и Кенет из жаркой кухни вывалился прямо в его холодные объятия.

А вечером, когда Кенет надеялся лечь пораньше и вместо трех часов поспать четыре, к нему подошел один из служителей; Кенет так и не понял – который. Он уже не первый день работал бок о бок с этими людьми, но различал их с трудом. Все они были мутноглазые, с тусклыми усами и серой кожей, решительно все: и спившиеся бродяги, и бывшие уголовники, и немногие подвижники, старавшиеся хоть как-то облегчить людские страдания. Больница быстро накладывала свой отпечаток на лицо и тело. Кенет не знал, что и его кожа начинает приобретать иссиня-серую бледность. Его деревенскому загару предстояло поблекнуть в самом скором времени.

– Так что мертвяков носить, – сообщил служитель, пожевывая ус, – а этот поганец культю сломал.

В переводе на человеческий язык это означало, что напарник служителя сломал ногу, а сам он не в силах перенести трупы в покойницкую. Кенет вздохнул и направился следом за служителем.

Мертвых было трое. Иссохший старик, опухшая от водянки женщина и загорелый мужчина с глубокими ножевыми ранами. За него взялись в последнюю очередь. Приподымая тело, Кенет с изумлением скорее почувствовал, чем услышал даже не дыхание, но какое-то слабое шевеление воздуха.

– Да он еще дышит! – вскрикнул Кенет.

– Ща перестанет, – флегматично пообещал служитель, продолжая мусолить губами свой вислый ус. – Клади его сюда.

– Говорят тебе, он еще живой! – возмутился Кенет.

– Какая разница! Сейчас живой, через час все одно подохнет. Клади.

У Кенета непроизвольно сжались кулаки.

– Вот когда помрет, тогда и понесем, – процедил он.

– У меня другого дела нет – сидеть и ждать, покуда он дуба врежет! – возмутился и служитель, от злости даже выплюнув свой недожеванный ус. – Да ты, парень, рехнулся! Ну не сам он помрет, прикончат его – кому от этого будет лучше?

– Как – прикончат? Больного? – не понял Кенет.

– Больного, больного, – передразнил служитель и поерзал губой, отлепляя от нее мокрый ус. – Тоже мне нашел дусю беззащитную. Бандюга – он и есть бандюга. Во, видал?

Действительно, все тело умирающего оплетала причудливая сеть шрамов. Они наводили на мысль, что этот человек вряд ли зарабатывал себе на жизнь шитьем полотенец или починкой сапог.

– Сам же он на перо не налетел, кто-то его тюкнул, верно? Значит, кому-то он насолил. Думаешь, от него так просто и отстанут? Босота ты деревенская. Как сюда эти бандюги вернутся, как нас без разбору на ножи подымут... бывало уже, и не раз. Тебе это надо? В общем, клади его на носилки, и пойдем.

Кенет не знал, что и сказать. В словах служителя был свой резон.

Служитель старше и знает жизнь лучше. Стоит ли спасать недорезанного бандита, который не сегодня-завтра все равно протянет ноги? Стоит ли из-за него нарываться на неприятности? Но разве можно положить еще живого человека на носилки и отнести его в покойницу? При мысли об этом Кенета охватил ужас. Он решил, что будет защищать раненого, а если потребуется, то и драться.

В дверь просунулась чья-то голова.

– Поди сюда, – окликнула служителя голова. Служитель выругался и неохотно поплелся на зов.

Выждав, пока он отойдет подальше, Кенет поднял раненого на руки и вышел. Не будь тело таким тяжелым, он бы побежал: приходилось спешить. Иначе еще живого человека равнодушно свалят с носилок среди мертвых тел, и он, Кенет, будет в этом виноват.

Шатаясь и изнемогая, Кенет дотащил раненого до своей подсобки и пинком открыл дверь. Загremели ведра, застучали падающие швабры. Кенет кое-как распынал барахло и опустил раненого на пол.

Веки умирающего чуть заметно дернулись.

– Лежи здесь и жди. Только не вздумай стонать, – ровным голосом приказал Кенет. – Я буду приходить.

Ему удалось вернуться раньше вислоусого служителя, хоть и ненамного. Едва Кенет свернул пропитанный кровью тюфяк и бросил его в угол, как вновь открылась дверь и вошел служитель, за время отсутствия успевший изрядно нагрузиться какой-то дешевой выпивкой. Перегаром от него разило неимоверно.

– Уже? – пьяно обрадовался он и вновь закусил ус. – Ну, давно бы так.

Кенет неопределенно кивнул.

– Т-тяжелый был? – сочувственно осведомился служитель.

– Тяжелый, – сдержанно согласился Кенет.

Он вернулся в подсобку, по дороге стянув кружку уже остывшего целебного питья. Напоить раненого оказалось нелегко. Кое-как управившись, Кенет втиснулся на пол рядом с полуживым незнакомцем и мгновенно уснул.

Теперь Кенету приходилось спать еще меньше: нужно было встать раньше, чем его придут будить. А еще надо было время от времени забегать в подсобку, обмывать раны незнакомца, менять ему повязки, поить: есть он не ел, только пил. Кенет не мог с уверенностью сказать, приходил ли раненый в сознание. Может, он молчит от слабости? А может, и вовсе ничего не чувствует и не воспринимает? А может, все труды Кенета напрасны, и в следующий раз он найдет в подсобке труп?

На третий день Кенет с облегчением понял, что умирать его подопечный не собирается. А на четвертый, как и предсказывал Кенету любитель жевать усы, в больницу заявили вооруженные люди с решительными намерениями.

Только-только собирался Кенет потихонечку улизнуть от вислоусого служителя и навестись в подсобку, как дверь с грохотом распахнулась и в комнату вошли трое. Взглянув на их перекошенные от гнева лица, служитель придушенно икнул, рухнул на четвереньки и быстро-быстро пополз, отчего-то задом наперед. Мощные руки одного из незваных гостей подняли служителя за шиворот и поставили на ноги.

– Несколько дней назад сюда был доставлен человек с ножевыми ранами, – холодно произнес высокий мужчина с чуть раскосыми глазами. – Он нам нужен.

У Кенета помутилось в глазах. Не солгал служитель. Выходит есть на свете такие места, где трое вооруженных подонков врываются к тебе силой, чтобы убить безоружного. Беспомощного. Беззащитного.

– Да его уж третьего дня похоронили, – хрипло пискнул служитель.

Взгляд раскосых глаз высокого человека из холодного сделался ледяным.

– Его не похоронили, – напряженным от ярости голосом произнес высокий. – Ни третьего дня, ни вообще. Мы проверяли. Где этот человек?

И без того тусклые глаза служителя от ужаса подернулись мутной пленкой и почти закатились. И тут его гаснущий взгляд упал на Кенета.

– Он, он знает! – зашелся в крике служитель.

Высокий брезгливо отшвырнул служителя в угол и шагнул к неподвижному и безмолвному от гнева Кенету. Но еще раньше к нему подскочил второй незванный гость, угловатый юноша с умопомрачительно громадным мечом в потертых ножнах. Юноша схватил Кенета за грудки и с силой дернул на себя. Кенет только глянул в его бешеные глаза – и ощутил мгновенное желание рассказать ему все, а потом убежать куда-нибудь и спрятаться, чтоб никто не нашел. Такой ярости Кенету еще видеть не доводилось, и он испугался. И все же страх не мог заставить его выдать раненого на расправу. Стоит ему это сделать – и он никогда не сможет стать магом. И вообще никем. Потому что жить с этим он не сможет. В конце концов, чего он боится? Смерти? Но проговориться сейчас – хуже смерти.

– Где он? – бешено выдохнул юноша прямо в лицо Кенету.

– Не ваше дело, – зло и спокойно произнес Кенет.

– Ах, не наше?! – Юноша тряс Кенета изо всех сил. – Нет, ты мне скажешь, мразь!

– Все он, гад! – верещал служитель из угла. – Если бы не он, того бы гада схоронили, и порядок! Это он, гад, не позволил! Живой, видите ли! Спрятал того гада, гад! Это все он!

И тут время словно замерло. Все застыли на долю мгновения и лишь затем возобновили свои действия. Однако дальнейшее развитие этих действий оказалось несколько непредусмотренным.

Юноша, который так старался вытрясти из Кенета дух, снова рванул его на себя и сдавил могучими железными объятиями. Потом он оторвался от Кенета, положил ему руки на плечи, осмотрел его, как бы не вполне веря своим глазам, снова дернул к себе и с победительным рыком прижал к сердцу.

– Так, значит, если б не он? – осведомился высокий, с нехорошей задумчивостью во взоре поглядывая на служителя.

Третий их спутник, доселе молча стоявший на страже у дверей, тихо захохотал.

Высокий подошел к юноше, вырвал Кенета из его объятий и, в свою очередь, крепко обхватил за плечи.

– Значит, он жив? – спросил высокий.

– Не ваше дело, – упрямо повторил Кенет. – Он ранен, и я никому не позволю...

Третий у дверей снова захохотал.

– Мы могли и не торопиться, – утирая слезы смеха, простонал он. – С таким защитником Аканэ как за каменной стеной. Даже высокий усмехнулся. До Кенета наконец дошло.

– Так вы его не?.. – запинаясь, выговорил он.

– Ни в коем случае, – заверил его высокий.

До служителя тоже дошло, какую ошибку он совершил, и он завизжал, сообразив, что с ним сейчас начнут делать что-то очень и очень нехорошее.

– Умолкни, – посоветовал ему высокий. – И без того убить тебя хочется – ну никакого терпения не хватает. Служитель покорно умолк.

– Где раненый? – спросил высокий.

– Пойдемте, – сказал Кенет, все еще сомневаясь. Однако сомнения мигом покинули его, когда раненый радостно распахнул глаза на тихий оклик: «Аканэ, дружище! Живой!»

Юноша и высокий подняли раненого Аканэ бережно и осторожно.

– А мальчик? – напомнил им третий, указав на растерянного Кенета.

– А мальчика с собой возьмем, – немного подумав, сказал высокий. – Заедят его здесь. Собирайся, малыш.

– Но как же? Я ведь здесь... а больные?

– Он тоже больной, – возразил высокий. – И ему нужно менять повязки, и раны промывать, и все такое. У нас самих вряд ли получится.

– Да у нас!.. – вскипел было юноша, но третий незаметно для Кенета основательно пнул приятеля в лодыжку. Юноша поперхнулся и уныло закончил: – Действительно, не очень получается.

– А с той мразью что будем делать? – спросил третий.

– Со служителем? А что с ним делать? Пусть живет, – брезгливо отозвался высокий. – Еще и руки об него марать.

Глава 3

Воздаяние

Сборы Кенета были недолгими.

– Я готов, – сказал он, надев куртку и, взяв в руки посох.

– Это все? – поднял брови высокий. – Ладно, пойдем. И поскорее, пока тот мерзавец не поднял на ноги всю больницу.

– Может, лучше его связать? – предложил юноша.

– Нет, не лучше! Пока будем его связывать, время потеряем. Вдобавок могут заметить, как мы шастаем туда-сюда. Нет, не стоит хлопот. Нам бы до выхода добраться поскорее.

– А зачем нам сюда? – удивился Кенет, когда высокий и юноша свернули в ближайший коридор.

– Как это зачем? – в свою очередь нетерпеливо удивился юноша – Там выход.

Кенет покачал головой.

– Слишком далеко. Есть другой выход, ближе.

– Веди скорее! – воскликнул третий. – Что за выход?

– Через него мусор выносят, – объяснил Кенет.

– Так его отсюда еще и выносят? – приятно изумился третий. – Вот бы никогда не подумал.

Свежий воздух оказался нестерпимо, почти пугающе сладостным, у Кенета закружилась голова. Как давно он не дышал по-настоящему?

– Скорее, Лим, скорее, – торопил третий. – Скорее, пока за нами нет погони. Чего ты ждешь?

– Ищу какое-нибудь укрытие, – отозвался высокий. – С Аканэ мы не сможем идти быстро. Нас догонят.

– Нас не догонят, – возразил третий. – Если ты хоть немного поторопишься, нас не догонят. Нам этого парнишку сама судьба послала. Он вывел нас гораздо ближе, чем я рассчитывал.

– Ближе – куда? – спросил высокий Лим, послушно ускоряя шаг.

– К подземному ходу, – отрезал третий. – Да поторопитесь же, ради всего святого! Сюда, скорей!

Узкая улица оканчивалась тупиком, но третьего это не смутило. Он направлял беглецов именно в тупик.

– Иди сюда, парень, – подозвал он Кенета. Кенет подчинился без вопросов: похоже, третий знал, что делает.

Третий вспрыгнул Кенету на плечи, коснулся пролета небольшого моста, ощупал его, сильно стукнул, прислушался, еще ударил. Откуда-то со стороны послышался громкий натужный скрежет, почти стон, словно старый-престарый каменный великан с трудом разгибает свою гранитную поясницу. Глухая на вид стена раздвинулась, в ней образовался узкий проем.

– Скорей туда! – воскликнул, спрыгивая наземь, третий. – Пока дверь не закрылась.

Они едва-едва успели. Кенету сдвигающаяся стена чуть не придавила ногу, но он рванулся, и холодная каменная глыба лишь преобильно стукнула его по пятке.

– Темно, – отчего-то шепотом сказал он, и его шепот гулким шорохом пронесся над головой и умчался в темноту.

– Сейчас будет светло. – С этими словами третий шумно завопил. Потом послышалось многократно усиленное постукивание кремня, и через несколько мгновений факел вспыхнул. Кенет невольно прикрыл глаза ладонью.

– За мной, – скомандовал третий, – только тихо. Сами слышите, как здесь каждый звук отдается.

Высокий Лим и юноша, осторожно несущие Аканэ, последовали за ним. Кенет замыкал шествие. Он не очень понимал, где он находится и почему. Изнурительный труд последних недель, недостаток сна и недавнее потрясение лишили его на какое-то время способности соображать. Три человека несут четвертого, и он идет вместе с ними, только и всего. Он не мог задуматься, ни кто они такие, ни почему он, собственно, здесь, а не в больнице или где-нибудь еще. До сих пор он не знал, что усталость может возбуждать и опьянять, как крепкое вино, да и опьянение от вина не было ему знакомо. Между тем он был пьян по-настоящему, пьян усталостью, пьян настолько, что мог бы дойти до края света, не чувствуя собственного утомления – если бы не заснул на третьем шаге. Но он не спал, он не мог бы сомкнуть глаза, даже если бы и захотел, – или так ему казалось. Просто его сознание время от времени уплывало куда-то, качалось в ритме гулких шагов, и на всем свете не было ничего, кроме этих размеренных шагов и неровного дыхания, ничего, кроме шагов, ничего... Факел трещал, чадил, и все вокруг темнело. Потом он снова ярко вспыхивал; Кенет иногда замечал это, иногда – нет. Иногда он видел не только факел, но и спины идущих впереди, однако чаще он различал только подрагивающие языки пламени.

Потом подземный переход как-то внезапно кончился. Впереди вновь возвышалась глухая стена. В углу стояла бочка с водой. Третий опустил факел в воду, и лишь затем Кенет услышал его тихие уверенные шаги. На сей раз стена отодвинулась совершенно бесшумно. Кенет понял, что путь открыт, лишь когда прозрачный ночной воздух коснулся его лица.

– Скорее выходите, – вполголоса приказал третий. – Все здесь?

– Все, – так же тихо ответил Кенет, ибо вопрос относился явно к нему.

– Поторопись, парень. Скоро светать начнет.

– Я тороплюсь, – полусонным голосом отозвался Кенет. Ночная прохлада не только не освежила его – напротив, его начало неудержимо клонить в сон.

– Крепись, парень, – ободрил его третий. – Уже недалеко.

– По-моему, если погоня и была, то нас потеряли, – уверенно сказал Лим.

– Наверняка. Но если у них есть хоть капля ума, они сейчас прочесывают город просто так, положась на удачу. Так что лучше нам быть готовыми ко всему. Кенро, пусть паренек тебя сменит. Посторожи, а я пойду вперед.

Кенет подошел и сменил юношу с мечом. Руки его почти ничего не чувствовали, и он едва не уронил Аканэ.

Третий бесшумно растворился в ночной темноте и так же бесшумно вернулся.

– Впереди все чисто, – объявил он. – Пошли.

Теперь шествие замыкал Кенро со своим огромным мечом. Однако извлечь его из ножен так и не довелось. Третий свернул налево и, пройдя несколько домов, остановился.

– Пришли, – коротко сообщил он.

– Но, Юкенна... – растерянно запротестовал юноша Кенро, – это ведь зеленная лавка...

– А где я, по-твоему, живу, когда не спасаю великих воинов? – огрызнулся Юкенна. – В ножнах, что ли, как твой меч?

Он открыл дверь лавки, и Лим с Кенетом последовали за ним. Кенро вошел последним и тихо закрыл дверь за собой.

В лавке было тихо и темно. Лунный свет еле пробивался сквозь щели в ставнях. Явственно пахло землей и свежими овощами. Юкенна, не останавливаясь, прошел через всю лавку и, пытаясь, принялся двигать что-то тяжелое. Одна из стен лавки мягко повернулась, открывая проход. Кенет сонно изумился: он был уверен, что чудеса архитектуры на сегодня уже закончились. Оказывается, нет.

За стенкой обнаружилась довольно просторная комната. Юенна вошел первым и зажег свечи. За ним вошли остальные, и стена вернулась на место.

– Порядок, – с облегчением произнес Юенна. – Здесь можно говорить. Снаружи ничего не слышно.

Несмотря на сонную одурь, Кенет сразу понял, что комната была заранее приготовлена к приему Аканэ. На полу были расстелены мягкие тюфяки, на которые раненого тут же и опустили со всеми мыслимыми предосторожностями. В очаге горел огонь. На маленьком столике в углу стояла всяческая утварь. Пошатываясь, Кенет подошел к столику, взял маленький котелок, налил в него воды и поставил на огонь. За его спиной Лим и Юенна обменялись красноречивыми взглядами. Кенет попытался склониться над раненым, но его ноги подкашивались, и он опустился на колени рядом с Аканэ.

– Сменная одежда у вас есть? – спросил он, не оборачиваясь. – Его бы переодеть.

– Найдется, как не быть, – хмыкнул Юенна, глядя, как руки Кенета явно независимо от усталого сознания, с привычной осторожностью касаются Аканэ. Внезапно Лим и Юенна словно по команде подошли к Кенету, подняли его и опустили на один из тюфяков. Кенро укрыл его одеялом.

– Проспись сначала, – скомандовал он.

– Я не сплю, – возразил Кенет, и тут сон одолел его окончательно.

Когда Кенет открыл глаза, Юенны в комнате не было, а Лим и Кенро спали рядом с ним. Чуть поодаль лежал умытый и переодетый Аканэ. Кенет прислушался к его дыханию. Спокойное дыхание, ровное. На всякий случай Кенет встал, тихонько подошел к нему и коснулся его лба кончиками пальцев. Лихорадочный жар схлынул, холодный пот исчез. Кенет ощутил под пальцами спокойное живое тепло. Ничего похожего на прежний горячечный полубред. Аканэ спал нормальным глубоким сном.

Кенет постоял немного, опасаясь, что его прикосновение могло разбудить Аканэ. Но Аканэ не проснулся. Кенет вернулся в свой угол, даже не заметив, что Лим и Кенро следят за ним сквозь полуприкрытые веки: дыхание их оставалось ровным, расслабленным, сонным. Кенет юркнул под одеяло, укрылся им поплотнее и почти мгновенно уснул вновь. Несколько часов недавнего свинцово-тяжелого сонного оцепенения не освежили его. Он чувствовал себя совершенно разбитым, и тело настойчиво требовало отдыха. Тревожное беспокойство отпустило Кенета, и он заснул так глубоко, что никакие звуки не могли пробудить его.

* * *

Проснулся он совершенно мокрый. Холодная вода стекала с его волос и струилась по лицу. Высокий Лим держал Кенета, а Кенро и Юенна с хохотом окунали его головой в воду. Кенет испуганно вскрикнул и проснулся окончательно.

– Ну и здоров же ты спать! – смеялся Юенна. – Мы тебя и умыли, и одели, а ты все спишь. Интересно, лопать ты во сне умеешь?

– Не знаю, – мучительно покраснел Кенет.

– Зря мы тебя разбудили, – сказал Юенна. – Стоило сначала попробовать тебя накормить. Вдруг бы получилось? Раз готовить еду во сне ты умеешь, должно быть, и слопать бы смог.

– Кто – я? – Кенет обалдело уставился на стол, откуда явственно доносился призывный аромат жареного мяса.

– Конечно. Не я же все это приготовил, – ухмыльнулся Юенна. – Меня здесь и вообще не было.

– В первый раз вижу, – с благоговением произнес Кенро. – Смотрю – встает, идет к очагу, огонь разводит, идет к столу, режет мясо, а сам так храпит, что стены дрожат. А потом хватает мою рубашку, окунает в воду, выжимает и начинает мыть пол.

– Я привык... – с отчаянием в голосе еле выговорил Кенет. – В больнице... я рубашку постираю, честное слово. Кенро вновь расхохотался.

– Ради такого зрелища рубашки не жалко, – заявил он. – Я сам виноват, надо было отобрать рубашку и уложить тебя. Засмотрелся я. Иди ужинать. Тебе какое вино больше нравится?

– Не знаю, – растерянно произнес Кенет.

– Оставьте его в покое, – вмешался Лим. – А не то он сгорит от стыда, и нам придется выметать пепел.

Он быстро и ловко разрезал жаркое. Кенет молча подошел к нему и принялся помогать: подавал миски, поливал мясо густым пряным соусом, наливая вино из кувшина в тяжелые чашки. По крайней мере это он умел. За работой он не чувствовал жгучего смущения, овладевавшего им всякий раз, когда он осмеливался поднять глаза.

– Ты нас боишься? – негромко спросил Лим, принимая из его рук миску.

Кенет неуверенно помотал головой. Ему казалось, что снаружи не только слышно, но и видно биение его сердца.

– Ты думаешь, мы бандиты, головорезы? – продолжал допытываться Лим.

– Нет, я так не думаю, – чуть слышно возразил Кенет. – Грабителей я уже видел. Они совсем другие.

– Какие? – заинтересовался Юкенна. – Где ты видел грабителей?

Кенет, поначалу запинаясь на каждом слове, рассказал, как его грабили. Под конец рассказа он почти освоился. Он даже не заметил, как в руках его оказалась миска с жарким, и продолжал говорить, умолчав лишь об уставе и о странной неспособности толстяка Сина обнаружить текст на потрепанных страницах. Окончив повествование, он принялся за еду, но обнаружил, что ест, лишь прожевав первый кусок и ощутив полузабытый вкус мяса.

– А потом ты пошел в больницу? – хмыкнул Юкенна. – Н-да, парень. Одно могу сказать: ты не из породы искателей приключений на свою голову. Это они тебя ищут. Сами. И что ты собираешься дальше делать?

– Не знаю, – пожал плечами Кенет. – Наверное, пойду обратно в больницу.

– Об этом и думать забудь, – раздался тихий, но отчетливый голос. Кенет обернулся. Аканэ полусидел, опираясь на подушки. И снова привычка взяла над Кенетом верх. Он вскочил, отставил свою миску с едой, быстро отхватил ножом кусок жаркого, мелко нарезал его, переложил в чистую миску, налил в нее соуса, подошел с миской к раненому, опустился на колени и приготовился кормить его.

– Спасибо, парень, я и сам могу. – Аканэ осторожно взял миску из рук Кенета. – Иди ешь. Кенет послушно вернулся на свое место.

– А почему я не могу вернуться в больницу? – спросил он, вновь принимаясь за еду. – Там же люди остались...

– Потому что этой больницы через несколько дней не будет, – ответил Аканэ. Голос его звучал тихо, но в нем угадывалась скрытая сила, которая не покинет Аканэ даже на смертном одре.

– Как – не будет? А куда она денется? – опешил Кенет.

– Увидишь, – пообещал Аканэ. Взгляд его стал на мгновение томным, словно от предчувствия какого-то жестокого наслаждения.

– Уймись, – посоветовал ему Юкенна. – Тебе вредно впадать в такое буйство... Так что ты теперь собираешься делать? – внезапно обернулся он к Кенету.

– Не знаю, – ответил Кенет. – Если не в больницу... не знаю. Пойду куда-нибудь. Здесь, чтобы работать, надо в гильдию вступить, а у меня нет денег на вступительный взнос.

– Ну, если дело только за тем, чтоб найти себе занятие, – сказал Лим, – то Аканэ об этом позаботится, парень. Как тебя, кстати, зовут?

– Кенет, – ответил Кенет, снова смутившись неизвестно почему.

– Кенет, Кенро, Юкенна, – вполголоса произнес Лим. – А ведь это не случайно. Общий слог в имени. Знак судьбы?

– Похоже, – кивнул Юкенна. – Как поем, обязательно проверю по Книге Имен.

Кенет знал о том, что люди, имеющие общий слог имени, зачастую оказываются связанными общей судьбой, но даже услышав имена Кенро и Юкенны, не вспомнил об этом. В его родной деревне не было ни одного человека, с чьим именем его собственное было бы связано знаком судьбы. А тут сразу двое... добрый это знак или дурной? Обычно люди в таких случаях идут к гадалею, чтобы он определил природу знака по Книге Имен. Но сейчас никуда идти не придется. У Юкенны есть Книга. Интересно откуда? Станный вообще человек этот Юкенна. Спасает великих воинов, а в промежутках между спасениями обитает в зеленой лавке. Аканэ, стало быть, великий воин. Хоть что-то Кенет о своих сотрапезниках уже знает.

– Кенет, значит, – размышлял вслух Лим. – Я думаю, Аканэ не откажется заняться твоей дальнейшей судьбой.

Аканэ утвердительно кивнул.

– Еще бы ему отказаться! – фыркнул Кенро. – Кенет его от верной смерти спас.

– Хуже чем от смерти, – возразил Аканэ.

– Что может быть хуже? – удивился Кенро.

– Стать пищей Инсанны, – ответил Аканэ.

Лим судорожно поперхнулся. Из рук Кенро упала миска.

– Ты уверен? – с прежней невозмутимостью поинтересовался Юкенна.

– Как в самом себе. В этой больнице такие дела творятся – ты не поверишь.

– Там что, покойников едят? – сдавленно спросил Кенет, изо всех сил борясь с подступающей тошнотой.

– Запей. – Юкенна сунул ему в руки кружку с вином, и Кенет, давась, отхлебнул. – Нет, покойников там не едят.

Лим кое-как откашлялся и перевел дух. Кенро негнушимися руками молча поднял упавшую миску.

– Ты что, ничего не слышал про великого черного мага Инсанну? – недоверчиво спросил Юкенна.

Кенет молча помотал головой, не в силах ответить: вино он пил впервые в жизни, и оно обожгло его непривычное горло.

– Тогда пей понемногу и слушай. Этот великий кровопийца, не к ночи будь помянут, живет уже не одну сотню лет, и ничегошеньки ему не делается. Он старше нынешней императорской династии и силу накопил за эти годы непомерную. Люди говорят, будто он выпивает эту силу... – Юкенна замаялся, – ...из живых людей.

– Из женщин? – уточнил Кенет, вспомнив прочитанное в уставе.

– Из женщин, – кивнул Юкенна. – Выходит, все же слышал?

– Нет, – ответил Кенет. – Про него – нет. А при чем тут покойники?

– А все при том же. Говорят, он постоянно принимает трупный яд. Кто его знает, для чего.

– Да ведь это такая отравка! – оторопел Кенет.

– Ему она нипочем. Добывает из мертвых тел трупный яд, готовит на нем какой-то настой и пьет. Но для этого ему нужны мертвые. И не те, кого он сам убил или замучил. От них он уже взял все, что мог, они ему не годятся. Ему нужны умершие не от его руки.

– И я чуть было не стал одним из них, – тихо сказал Аканэ.

– Каким образом? – спросил Юкенна. Его выдержке можно было позавидовать. Лима трясло, будто в ознобе. Кенро был откровенно испуган и даже не стыдился своего страха.

– Глупее не придумаешь, – скривился Аканэ. – Вообще-то я охотился на слуг Инсанны. Выслеживал, искал... не думал даже, что найду. Все мне казалось – блажит наместник. Откуда им тут взяться? Здешние края от Инсанны далеко. Думал, все это пустые слухи. А вышло, что не пустые. Словом, пока я думал, что ищу тех, кого нет, они забеспокоились и сами подстергли меня. Напали такой кучей, что никому не справиться, будь ты хоть сам Бог Войны, отделили до полусмерти и бросили помирать. В себя я пришел уже в больнице. – Аканэ вздрогнул от гнева; глаза его лихорадочно блеснули. – Смотрю, а те, кто меня резал, рядышком стоят и между собой ругаются. Мол, в больницу я уж никак попадать не был должен, а болваны-служители меня на улице нашли и как раз сюда и притащили. А потом один и говорит: ничего, мол, страшного, все равно этот головорез – то есть я – уже помер, а если и нет, так вот-вот помрет и отправится к Инсанне в виде свеженького трупa. А я даже встать не могу, не то что удрать. Если бы не этот парнишка, так бы все и случилось.

– Так вот почему эту больницу содержат в таком жутком виде, – ужаснулся Кенет. – Чтобы легче спрятать следы.

– Не думаю, – возразил Юкенна. – Казнокрадство само по себе – веская причина. Вряд ли там все поголовно у Инсанны на содержании.

– Человек пять, не больше, – кивнул Аканэ. – Пусть их. Это уже ненадолго. А о парнишке я позабочусь.

– Кстати, о парнишке, – вспомнил Лим. – Ты же собирался погадать на Книге Имен?

– И верно! – хлопнул себя по лбу Юкенна. – Погодите, я сейчас.

На сей раз Кенет не удивился, когда под руками Юкенны одна из стен сдвинулась и обнаружилось, что она и не стена вовсе, а панель, скрывающая за собой изрядных размеров кладовую. Скорее он бы удивился, не окажись там чего-либо подобного. Кенету начинало казаться, что все предметы в этом доме с двойным, а то и тройным дном, все вещи способны превращаться во что угодно и скрывать в себе любой другой предмет любого размера, даже и превосходящего. Если бы столик вдруг оброс шерстью, залаял, запрыгал на своих четырех ногах и попытался лизнуть хозяина в нос, а из чашки вдруг вылез бы, натужно кряхтя, бочонок с солеными овощами, Кенет принял бы это как должное.

В кладовой висело и лежало множество оружия, а также предметов совершенно Кенету непонятного вида и назначения, поблескивали плотно закупоренные бутылки и бутылочки с темными, светлыми и вовсе бесцветными жидкостями, громоздились коробочки и коробки с пряным, сладковатым, острым, едким, приятным и неприятным запахом, а то и совсем без запаха. Все это Кенет успел увидеть лишь мельком. Юкенна приподнялся на цыпочки, достал с верхней полки толстенную книгу и полотняный мешочек и закрыл кладовую. Потом он сел на тюфяк, скрестив ноги, и жестом подозвал к себе Кенета и Кенро. Оба подошли молча. Кенет начинал понимать, отчего молчит обладатель громадного меча. Может, он и не великий воин, вроде Аканэ, однако мастер в своем деле не из последних, опытный не по годам, и молодости своей он стесняется. Старается быть сдержанным, немногословным. Старается скрыть свою юношескую горячность. Хочет выглядеть старше. Кенет и сам дорого дал бы, чтоб иметь за плечами не пятнадцать лет, а хотя бы на пять-шесть побольше.

Юкенна вынул из мешочка другой, поменьше, из него – горсть цветных кружочков и бросил их на пол между собой и юношами. Ближе всего к Кенету оказался синий кружочек, к Кенро – красный, у ног самого Юкенны – пурпурный. Эти три кружочка Юкенна положил один на другой, остальные сдвинул в сторону.

– Сочетание гармоничное, – сказал Юкенна. – Уже хорошо. Сейчас посмотрим.

Из первого мешочка Юкенна извлек продолговатые пластинки, палочку туши и кисть для письма, на одной из пластинок написал знак «кен», на других – прочие слоги трех имен.

Пластинку с общим слогом он положил знаком вверх, остальные пластинки пристроил к ней, словно ветви к дереву, вверх чистой стороной. Кенет следил за его работой как замороженный.

– Сейчас и посмотрим, – бормотал Юенна, листая книгу. – Синий, красный, пурпурный... есть! Значение слога «кен» в этих символах... река... сила, способность, возможность... осуществление, раскрытие... похвала, радость... в общем, и все.

– Хорошо, но мало, – заметил Аканэ. – А что для каждого из вас?

– Не могу сказать, – развел руками Юенна. – Сочетание неполное. Как ни складывай, а выходит отчего-то только часть фигуры. В этих событиях должно участвовать не три человека, а больше.

– А ты погадай на отсутствующих, – предложил Аканэ. – На обоих.

– На кого? – нахмурился Юенна. – А, понял. Но ведь Кенет и Кенро с ними не знакомы.

– Если события будут, – хмыкнул Аканэ, – то познакомятся непременно. А если нет, полного расклада все равно не получится.

– Разумно, – согласился Юенна. Он взял еще несколько пластинок, написал на них какие-то слоги и начал пристраивать новые ветви к уже выстроенным, тоже знаками вниз.

– Между прочим, ты тоже в этом участвуешь, – сообщил он Аканэ, не поднимая глаз от сложной фигуры перед собой.

– Ты меня не удивил. Странно, что Лим не участвует.

– Ничего странного, – возразил Лим. – Я завтра уезжаю. У сестры сыну месяц исполнился, пора имя давать. Меня только и ждут. Если бы ты не исчез, я бы еще третьего дня уехал.

– Ясно, – рассеянно произнес Юенна. – Да, вот так, похоже, получается полное сочетание. Сейчас проверим.

Он снова уткнулся носом в книгу. Кенет и Кенро, затаив дыхание, ждали ответа.

– А почему ты для меня цвет не определял? – поинтересовался Аканэ.

– А это не обязательно. Трех цветов для определения достаточно вполне, да и не твой слог стволовой. К тому же я не могу назвать цвет за отсутствующих, так что не стоит и возиться... а, вот, есть, нашел.

– Ну и что там? – сдержанно любопытствовал Кенро, не в силах молчать.

– Хотел бы я знать, как это все произойдет, если произойдет, – задумчиво произнес Юенна. – Для Аканэ в таком сочетании – спасение жизни... ну, это уже сбылось. Для тебя, – обернулся он к Кенро, – поездка. Недолгая и приятная.

– Только приятная или с пользой?

– С пользой тоже, и не только для тебя. Для Кенета – уйма всякого разного. Ученичество... хорошее, хотя и недолгое... подарок... нет, два подарка... важная встреча... что-то еще, не понимаю... хотя нет, понимаю, но это не зависит от сочетания, это его собственное и будет еще не скоро.

– А что будет? – с жадным любопытством спросил Кенет.

– А тебе знать не положено, – отрезал Юенна. – Чем меньше будешь знать об этом, тем скорее, полнее и лучше оно сбудется. В любом случае я рад, что ты нам на дороге попался. Нда, если это так, тогда и весь остальной расклад вполне возможен.

– А что там еще? – лениво спросил Аканэ.

– Сгубит тебя любопытство, – рассмеялся Юенна. – Для тебя – тоже хорошо. Благодарность вышестоящих, успех, упрочение жизненного положения. Для одного из отсутствующих – радость, частичное избавление от забот. Для другого – тоже спасение жизни. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Не очень, – признался Аканэ. – Совершенно себе не представляю, как это может случиться. Но расклад в любом случае просто на диво хорош. Ни одного дурного знака.

– Кстати о знаках. – Юенна обернулся к Кенету. – Никогда больше не гадай на имя, тем более у хорошего гадалщика.

– А если предложат? – растерялся Кенет.

– Под любым предложением откажись. Да тебе, собственно, и не нужно. Зловещих сочетаний для твоего знака почти что и нет.

– Ну а вдруг все-таки? – настаивал Кенет. – Не хотелось бы ни в чем не повинным людям вред приносить.

– Этого не будет. Вообще не стоит гадать слишком часто. Тебе что, ближайшей судьбы мало?

– По-моему, более чем достаточно, – поддержал его Лим. – Знак ученичества. Выходит, Аканэ займется твоей судьбой основательней, чем я думал.

– А я и не собирался платить за него в гильдию, – возразил Аканэ. – Я с самого начала хотел взять его к себе в ученики, если выберемся. Не то этого любимца приключений и любителя вступаться за обездоленных разве что ленивый не обидит.

Кенет снова покраснел.

– Не обижаешься, что мы все за тебя решили? – обратился к нему Юкенна, проворно собирая рассыпанные пластинки и кружочки.

– Нет, – улыбнулся Кенет, преодолевая смущение. – Так даже лучше вышло. Сам бы я напрашиваться постыдился. И потом, ведь это не только вы так решили.

– Что верно, то верно, – кивнул Юкенна и убрал мешочки и книгу в кладовую.

– По-моему, самая пора немного выпить, – предложил Лим. – Начало ученичества и связь судьбы. Такое дело надо почтить вином.

С его словами никто не спорил. Связь судьбы и начало ученичества почтили несколькими глотками темно-красного вина, после чего новоиспеченный ученик воина совершил перед учителем подобающий случаю поклон, а потом помог Юкенне убрать со стола.

Выпитое впервые в жизни вино слегка ударило ему в голову, и он нисколько не сожалел, когда Юкенна вновь удалился в свою лавку, а остальные принялись готовиться ко сну.

Назавтра уехал не только Лим, но и Кенро. Аканэ отправил его к себе домой подготовить все к своему возвращению. Кенет и Аканэ остались вдвоем. Юкенна был занят в лавке и забегал только по вечерам. Однако скучать им не приходилось. Аканэ обучал Кенета уходу за оружием. Юкенна после его настойчивой просьбы со вздохом пожертвовал для благого дела несколько предметов вооружения из своей кладовой. Кенет учился определять качество металла, балансировку, правильность заточки, учился собирать и разбирать самое неожиданное на вид оружие. Понемногу он начинал осваиваться со своим новым ремеслом, хотя и не очень понимал, каким образом подобные познания могут ему пригодиться – с его-то запретом. Он даже сказал однажды Аканэ, что не чувствует в себе способностей к обращению с мечом. Против ожидания Аканэ не рассердился.

– Это правильно, – с одобрением заметил он. – Обычная беда всех моих прежних учеников – самоуверенность. Еще учебный меч в руках держать не научился, а уже рвется размахивать боевым. Да не просто так размахивать, а в дело пустить. А ты, я гляжу, парень обстоятельный; не зная металла, за металл не хватаешься. И правильно делаешь. Что там у тебя – дубинка?

– Посох, – уточнил Кенет.

– Пригодится и посох. Цеп, тройной цеп... у тебя должно получиться. Инструмент привычный. А фехтовать поучись пока деревянным мечом. Там видно будет.

Кенет вздохнул с облегчением: решение Аканэ избавляло его от необходимости рассказывать о добровольно принятом на себя обете. Он и сам затруднился бы сказать, почему он так упорно держит в тайне свои обеты. Отчего бы и не рассказать всю правду – тем более учителю; тем более что в ней нет ничего зазорного? И устав вроде бы не запрещает. Во всяком случае, на глаза Кенету подобный запрет не попадался. И все же, несмотря на чисто мальчишеское желание похвалиться, несмотря на желание выглядеть в глазах учителя более достойно,

Кенет хранил молчание и по-прежнему ревностно оберегал свой секрет. Вероятно, именно с ним и были связаны загадочные слова Юкенны о том, что может произойти когда-нибудь. Но Юкенна подробнее рассказать не пожелал, значит, и ему, Кенету, не следует. Да и рассказывать о чем бы то ни было Кенету не хотелось, ему хотелось слушать. Аканэ раскрывал перед ним целый мир – новый, интересный, загадочный, немного пугающий, но тем более притягательный. Кенет жадно впитывал каждое слово Аканэ – и сведения об оружии, и правила поведения, и поучительные байки из жизни великих воинов. Словно маленький ребенок, он огорчился, когда надо было ложиться спать, ибо, словно маленькому ребенку, жить ему было интересно. Кенет проверял балансировку метательных ножей с тем же неизъяснимым восторгом, с каким младенец впервые запихивает ногу в рот. Он с нетерпением ждал, когда же Аканэ будет достаточно здоров, чтобы поблагодарить Юкенну за гостеприимство и отправиться домой: только там и начнется настоящее обучение. Аканэ, казалось, тоже чего-то ждал. Каждый раз он встречал Юкенну вопросительным взглядом, и каждый раз тот лишь пожимал плечами в ответ. Кенету очень хотелось узнать, чего же ждет учитель, но спросить он не осмеливался.

Однако вечным даже ожидание не бывает. Не прошло и четырех дней, как Кенет узнал, чего дожидался Аканэ. На сей раз в ответ на обычный немой вопрос Юкенна улыбнулся широкой долгой улыбкой и даже слегка зажмурился, словно от удовольствия.

– Рассказывай! – нетерпеливо потребовал Аканэ.

– Ну нет, – почти промурлыкал Юкенна. – Только после ужина. Такое надо рассказывать неторопливо и обстоятельно.

Кенет мигом накрыл на стол. Он не знал, что за новости принес Юкенна, но было очевидно, что для Аканэ они многое значат. Чтобы не заставлять его томиться ожиданием, Кенет постарался управиться как можно быстрее.

Юкенна и Аканэ принялись за еду. Какое-то время они жевали молча. Однако новость так и расpirала Юкенну. Наскоро утолив первый голод, он жестом пригласил Кенета присоединиться и заговорил, не дожидаясь повторной просьбы.

– Это зрелище надо было видеть, – провозгласил Юкенна с набитым ртом. – Да ты ешь, малыш, не стесняйся... надо было видеть! Наместник все так хитро устроил – голова кругом идет!

– Значит, с больницей покончено? – перебил его Аканэ. Юкенна прожевал кусок и кивнул.

– Оказывается, он давно уже новых лекарей сюда выписал. Прибывали они по одному, и он их в своих покоях прятал. Могу себе представить! А с новой больницей совсем смешно получилось. В первый раз ее подожгли, так теперь он за дело похитрее взялся. Уплатил какому-то богачу, чтобы тот слухи распустил, будто собирается себе новый дом строить. А наместник будто и вовсе ни при чем. А на самом деле на стройке работали его люди. Как только стройку окончили, часа не прошло... – Юкенна завертел головой, – тут такое началось!

Аканэ весь обратился в слух. В глазах его появился уже знакомый Кенету томный блеск.

– В старой больнице ничего подобного не ждали. Наместник Акейро с них денежный отчет потребовал – тоже для отвода глаз. Будто он хочет выяснить, кто и сколько ворует, и ни о чем другом и думать не думает. А сделано все было совсем по-другому. Сразу же всех больных в новое здание перевезли, а там уже их новые лекари ждут, и служители все новые. Никого из прежних.

– А прежних куда? – жадно спросил Аканэ.

– А прежних всех до единого – ко всем свиньям. До захода солнца собрать манатки – и в пожизненное изгнание под страхом смертной казни.

– Всего-то? – недовольно поморщился Аканэ.

– Хорошенькое «всего»! – возразил Юенна. – Да я головой ручаюсь – они бы предпочли, чтоб наместник велел бросить их в темницу или выпороть прилюдно. Кое-кто, по моему разумению, предпочел бы даже быть повешенным. А он их отпустил.

– Не понимаю, – протянул Аканэ.

– Не понимаешь, потому что здесь сидишь. Будь ты на площади, когда оглашали приказ наместника, живо бы уразумел. Он-то их отпустил. А жителям города прогуляться за городскую стену разве запрещал кто?

– А-а! – выдохнул Аканэ сквозь стиснутые зубы.

– Совершенно верно. Не все же в этой больнице поумирали. Кое-кто и живой выбрался, невзирая на лечение. Ну и родственники у погибших имеются. Не у всех, конечно, но тоже немало. Кто по-честному с больными обходился, тех, ясное дело, не тронули. Дали им приют в Ласточкиных гнездах, это за чертой города и не возбраняется. А остальные здорово пожалели о доброте наместника. Если успели, разумеется. Да ты ешь, парень, чего ждешь? Остынет ведь.

Кенет послушно откусил кусочек жареной рыбы и прожевал его, совершенно не чувствуя вкуса.

– По-моему, правильно, – заключил Юенна. – Больно долго наместнику разбираться, кто там и что вытворял в этой больнице. Долго и сложно. Могут пострадать и невинные. А те, кто там выжил, сами знают, кому и за что чем воздать. Ты успокоился? – обратился он к Аканэ.

– Да, – ответил Аканэ безо всякого выражения.

В ту ночь Кенет долго не мог уснуть. Спать ему хотелось, но он боялся закрыть глаза: воображение рисовало ему всевозможные картины, одну страшней другой. Зная, что доводилось переживать несчастным, угодившим в старую больницу, он не сомневался, что месть страдальцев была неслыханной. Старательно отгоняя от себя всякие мысли, Кенет ворочался с боку на бок почти до утра.

Рядом с ним Аканэ спал и видел сны. Грудь его быстро и тяжело вздымалась, из крепко сжатых уст порой вырывался гневный стон.

Картины, возникавшие перед мысленным взором Кенета, мало соответствовали действительности. То, что произошло на самом деле, было очень страшно, но страшно по-иному, не так, как это рисовалось Кенету или Аканэ.

Когда отзвучал, перекатываясь ленивыми волнами в плотном от жары воздухе, указ наместника, когда занялось медленным огнем опустевшее здание старой больницы, изгнанные еще не поняли, что произошло. Они направились к городским воротам, не особенно сетуя на жизнь, а четверо прислужников Инсанны и вовсе полагали, что отделались легким испугом.

– Подумаешь – изгнание, – говорили они друг другу. – На наш век городов хватит.

Они не заметили, что Сад Мостов как-то разом обезлюдел. Самые оживленные торговые мосты и улицы были пусты, почти все лавки закрылись – это среди белого дня! Бродячие кошки грелись на солнышке, испытывая легкое изумление от того, что их некому согнать пинком с облюбованного местечка. Время от времени та или другая поджарая мохнатая королева свалки подымалась и лениво переходила через мост, подрагивая вздыбленным хвостом.

Но даже и тогда изгнанные ничего не поняли.

И даже когда перед ними открылись городские ворота, вид отдаленной толпы за стеной не вызвал у них ни страха, ни даже мимолетного беспокойства, настолько они были уверены в собственной привычной безнаказанности. Лишь потом, когда толпа растеклась навстречу им и оттерла нескольких человек в сторону и плотно сомкнулась вокруг остальных, им стало страшно. Тех немногих, кто действительно старался облегчить страдания больных, толпа пощадила. Их не только оттерли, но и как-то очень ловко и естественно выпихнули наружу, и они не могли пробиться назад и выступить в защиту тех, кто остался посреди толпы, даже если и хотели.

А те, кто остался, внезапно ощутили всем своим существом, что они обречены. Ярость толпы изливалась на них почти зримо, но ни один человек из плотно сомкнутой вокруг них живой стены даже не коснулся изгнанных, словно брезгуя. Ни одна рука не протянулась ударить, ни один камень не полетел в центр круга. Толпа смыкалась все плотнее, теснила, наступала, но не прикасалась, и это было самым страшным. Изгнанники жались друг к другу, стискивая тех, кто в самой середке, почти до бездыханности, лишь бы самим не соприкоснуться с брезгливой яростью толпы; им чудилось, что они упадут замертво, едва дотронутся случайно до чьих-нибудь башмаков или полы кафтана. Какой-то полоумный служитель взвился в истерике и запрыгал на месте, бессмысленно колотясь головой о спины и головы своих собратьев и издавая кликушеские вопли, но даже истерика не бросила его на толпу. Прочие же словно оцепенели. Служитель поорал немного и испуганно замолк, словно ему внезапно заткнули рот, настолько страшен ему вдруг показался его собственный безответный крик. Вновь наступила тишина, и мерное хрипловатое дыхание сотен людей не нарушало, а лишь странным образом подчеркивало эту пыльную сухую тишину.

– Князь!!! – внезапно крикнул кто-то из внешнего края толпы.

Действительно, на городской стене стоял князь Юкайгин в парадном облачении. Все лица обратились в его сторону. Изгнанники смотрели на него с надеждой, толпа – со сдержанным гневом: неужели их повелитель пришел, чтобы вырвать из их рук законную добычу? Ну нет, не выйдет! Толпа стонала и медленно ворочалась, как разбуженный зверь. В эту минуту она могла растерзать любого, кто попытается ей помешать.

– Люди! – громко и медленно произнес князь Юкайгин. – Я виноват перед вами.

Толпа снова замерла, потрясенная: таких слов не ожидал никто.

– Я виноват перед городом, – после недолгого молчания вновь заговорил Юкайгин. – Я давно должен был выжечь эту язву на теле нашего города и защитить вас – и не сумел. Я не смог сделать для вас то, что сделал его светлость господин наместник Акейро, да будет благословенно его имя!

– Да будет благословенно! – откликнулась с готовностью толпа, даже не замечая, что впервые за восемь веков жители Сада Мостов благословляют столичного наместника.

– Его светлость господин наместник искоренил зло, но не стал предавать этих людей в руки правосудия, ибо он справедлив.

Толпа вздохнула изумленно.

– Он лишь изгнал их, полагая, что по справедливости, – князь повторил это слово и умышленно подчеркнул его, – эти люди подлежат не его суду, а вашему. Я также присоединяюсь к вашему суду и буду с ним согласен, каким бы он ни был.

Князь сказал свое слово, но не сошел со стены. Он стоял, опустив голову перед своими подданными, и молчал.

– А ведь и правильно, – почти пропел чей-то голос. – Судить их, голубчиков!

– Судить их, родненьких!

Снизу не было видно, как на губах князя возникла и исчезла мимолетная усмешка.

Толпа не рядилась, выбирая судью. Всем и так было ясно, кто имеет право судить этих людей. Судьей был назван старенький священник, в чьи обязанности входило читать очистительные молитвы над телами умерших в больнице. Их покрытые грязью и кровью истощенные тела он видел на протяжении двадцати лет без малого. Даже слепая ярость толпы не испугала обреченных так, как испугало их кроткое лицо незлобивого маленького священника. А в окончательный ужас они пришли, осознав, что люди, стоящие за спиной безответного старичка, которому они столько раз с глумливым безразличием отдавали мертвые тела, из убийц внезапно превратились в палачей.

– Не здесь, – тихо сказал маленький священник и близоруко мигнул. – И не сейчас. Чтобы их нечистая кровь не осквернила землю. Надо подождать, пока луна взойдет, чтобы лунный свет очистил их кровь.

Время едва перевалило за полдень. Люди стояли и ждали терпеливо, когда же взойдет луна. И в отдалении от них на гребне городской стены вместе со всеми ожидал восхода луны князь Юкайгин.

Неделей позже, когда Юкенна подземным ходом вывел из города Кенета и Аканэ, они напрасно оглядывались в поисках кровавых следов на месте, где город расправился с изгнанными. Следов крови не было. Да и вообще никаких следов. Трава разве что немного вытоптана.

Глава 4

Встреча

– Так где у тебя запасная голова? – сощурился Аканэ. Кенет непонимающе воззрился на него.

– Что – нету? – притворно изумился Аканэ. – А отчего же ты эту не бережешь?

Кенет ощупал шишку на темени и вздохнул. Аканэ тоже вздохнул и вонзил в землю свой деревянный меч.

– Настоящим мечом тебе бы таким ударом давно тыкву разрубили, – устало произнес Аканэ. – За сегодняшнее утро ты, считай, остался без обеих ног, без правой руки, а теперь еще и без головы.

– Без головы я остался гораздо раньше, – угрюмо возразил Кенет. – Когда решил, что из меня может получиться воин. Эта мысль пришла мне явно не в голову.

– Значит, так, – вспыхнул Аканэ. – Или из тебя получится воин, или мокрое место. Что тебе больше нравится?

Он еще не договорил, когда его кулак нацелил удар в Кенетово ухо. Аканэ частенько отвлекал внимание ученика подобным образом, чтобы приучить Кенета к неожиданным нападениям. Еще не успев толком заметить движения Аканэ, Кенет проворно взметнул руку, отвел удар – и ахнул.

Ему часто удавалось отбить удар, но его руки до локтя были покрыты синяками от подобных попыток. Однако на сей раз он отвел бьющую руку, не ощутив ее, словно его кожи слегка коснулся мимолетный ветерок.

– Оп! – удовлетворенно кивнул Аканэ. – А вот теперь правильно. Понял? Запомнил?

Какое там! Кенету очень не скоро удалось повторить сознательно случайное движение. Между тем в его неуспехах не было ничего позорного. Кенет переживал все то, что переживает почти любой новичок. Если начинающий не вовсе лишен ума и не совсем обделен силой и здоровьем, его первоначальные успехи громадны, они поражают и будоражат воображение. Однако опытный учитель не обманывается ими. Чем быстрее следуют одна за другой первые удачи, тем раньше наступает пора закреплять и разрабатывать достигнутое. Продвижение вперед замедляется неизбежно. Ученику начинает казаться, что он застрял, что он топчется на месте, а то и пятится назад, что уже усвоенное волшебным образом изымается из памяти. На самом деле оно лишь перемещается из памяти ума в память тела и из понятного становится привычным. У одних эта пора тянется мучительно долго, у других пролетает почти незаметно, но тяжела она для всех без исключения.

Для Кенета эта пора наступила необыкновенно скоро, ибо природа щедро одарила его ум и тело. Именно поэтому он постоянно чувствовал себя жестоко обделенным ее дарами. Кропотливо доводя каждое движение до совершенства, Кенет считал его для себя недостижимым, и ничто не могло бы его в этом разубедить: похвала в такие минуты воспринимается как насмешка, а укоризна подтверждает собственные невеселые мысли. Аканэ и не пытался разубеждать ученика: тот, кто никогда не терял веру в свои силы, не сможет обрести другую, новую уверенность, веселую и неуязвимую. Ученик должен сам найти вход – и находит, каждый по-своему.

Момент перелома застиг Кенета не во время тренировки. В то утро Кенет погряз в самом глубоком отчаянии, на которое только была способна его здоровая натура. У него все валилось из рук. Даже цеп, которым он, как и предсказывал Аканэ, овладел быстро и легко, на сей раз словно обрел самостоятельную жизнь и самостоятельный характер, да вдобавок вредный

донельзя. Когда Кенет дважды саданул себя цепом по плечу, Аканэ перехватил его руку, не давая ему ознакомиться с цепом еще и собственную голову.

– Хватит, – приказал Аканэ. – Отдохни.

Он отчетливо видел то, чего Кенет не замечал: усердие привело юношу на грань изнеможения, когда продолжать упражняться попросту губительно. Зато отдых после подобного изнеможения чудесным образом снимает не только усталость, но и неудачу. Сила и умение восстанавливаются с избытком. Чтобы довести свое тело до столь полного недоумения, обычно требуется полтора-два года. На сей раз ученик успел почти за месяц – что ж, и прекрасно. Стоит ему сейчас хорошенько отдохнуть, и его мускулы мигом забудут недавнюю растерянность и нальются новой силой и новым мастерством.

Но Кенет ничего этого не знал и приказ Аканэ воспринял как еще одно подтверждение своей неумелой беспомощности. Он с досадой отшвырнул цеп и поплелся к ручью. Его гнев на самого себя жадно искал выхода, и после купания Кенет не надел новую рубашку, а напялил свою поношенную деревенскую куртку.

Он нередко гулял в окрестном лесу, и привычный к его одиноким прогулкам Аканэ не стал окликать уходящего ученика. Но на сей раз Кенет направился не в лес, а в город. Он знал, что не успеет вернуться из города вовремя, но странным образом это его нисколько не волновало. Он знал, что Аканэ будет сердиться на него за опоздание, но не имел ничего против. Пусть уж лучше сердится за опоздание, а не за его, Кенета, бестолковость. Кенет и сам знает, что он – бестолочь. Лучше уж для разнообразия в чем-нибудь провиниться, пусть за эту вину его и ругают, а за неумение Кенет будет ругать себя сам.

Всю дорогу до городских ворот Кенет и ругал себя ругательски, и его решимость утратиться совестью значительно потускнела, лишь когда он миновал первый мост возле городской стены. Он забыл о себе. Мосты и улицы завладели его вниманием безраздельно. Он ведь и не видел города толком. Первый свой день он потратил когда-то на поиски еды и ночлега, потом угодил прямоком в больничные служители, из больницы вышел ночью, подземным ходом, и точно так же покинул город. Сейчас он осматривал город заново, и вид мостов, по-кошачьи прогнувших спину, дарил его душе желанное успокоение. А стоило ему успокоиться, как сила и умение вернулись к нему. Перелом произошел. Он еще не знал этого, но настроение его переменялось. Еще недавно он готов был плакать от унижения при одной мысли об утренней тренировке, теперь же ему хотелось смеяться – и над нелепой тренировкой, и над собственным отчаянием. Внезапно ему даже стало жарко от нарождающегося в нем смеха. Хотя только ли от смеха? Лето уже перевалило за середину, но жара не унималась. Горожане обмахивались большими полукруглыми веерами, щеголяли в одеждах из тончайшего полотна, а то и в не отбитых до глянца шелках. То и дело попадалась на глаза модная новинка – паутинный шелк, изумительный по прочности и красоте. Скуповатая новая столица еще донашивала рубчатый шелк и бледно-зеленый креп с узором в виде листьев папоротника, но для утонченной старой столицы ничто не могло быть слишком хорошо или дорого. Накидки, пояса, ленты, платки и даже головные повязки из нежно-золотистой паутинной ткани встречались на каждом шагу. Конечно, паутинный шелк или узорчатый креп были Кенету не по карману, а вот рубашку мог бы и надеть. В своей простой деревенской куртке из подбитого ватой толстого полотна Кенет до того взмок – выжимать в пору. Тут бы ему и вернуться. Однако пускаться в обратный путь по жаре – нет уж, увольте!

Поразмыслив немного, Кенет быстро сообразил, где он может переждать самую отчаянную жару – в каком-нибудь трактире. Расспросив играющих на улице детей, где поближе можно перекусить и отдохнуть, он направил свои стопы к заведению с гордым названием «Весенний рассвет».

Дабы узреть в «Весеннем рассвете» восходящее солнце, надо было совершить чудо или по крайней мере напиться до полной потери соображения, ибо помещался «Рассвет» в под-

вальчике. Кенет подумал, какой невероятный переполох произвел бы рассвет в «Рассвете», и эта мысль его немало позабавила.

Даже летняя жара не смогла изгнать из «Весеннего рассвета» подвальный запах каменной сырости. Зато здесь было прохладно, и летняя жара согнала в «Рассвет» множество посетителей, мечтающих отдохнуть в холодке. В подвальчике оказалось необычнолюдно, и Кенет не без труда нашел свободное местечко за столом, где и уселся в ожидании слуги, который спросит, что ему угодно. Однако слуга не спешил подойти к нему, видя по лицу посетителя, что и он не торопится. Пусть посидит покуда, отдохнет, сыграет сам с собой во «Встречу в облаках» – раскрашенные фишки для игры были честь честью приготовлены на каждом столе, а маленькие игровые поля намалеваны прямо на столешницах возле каждого свободного места, как и положено в приличном заведении. Однако игры этой Кенет не знал и, чтобы скрасить ожидание, рассеянно перебирал отшлифованные сотнями играющих рук фишки и от нечего делать разглядывал посетителей, прикидывая, кто они такие. Вон в углу трое земледельцев прихлебывают холодное питье. Наверное, приехали продать свои овощи на городском рынке. А этот высокий, наверное, купец – интересно, чем торгует? Ремесленников почти не видать; впрочем, для них еще слишком рано. Вот к вечеру заведение наполнится и плотниками, и гончарами, и портными, отдыхающими после трудов праведных. А вот и личность, безусловно, почтенная: господин младший помощник второго смотрителя городских мостов. Именно так его титулует, сгибаясь в три погибели, трактирный слуга.

– Дозвольте составить вам компанию?

Кенет отвел взгляд от младшего помощника. Возле столика, за которым он сидел, перебирая фишки, стоял просто одетый худощавый человек лет сорока на вид. Тут уж и гадать незачем, кто таков: достаточно раз взглянуть на его слегка повислые плечи, крепкую шею, на его руки, чтобы никаких сомнений не возникло – воин, да притом из мастеров. Странно, что у него нет при себе оружия, один только кинжал с простой рукоятью без чашки. Впрочем, воин не обязан садиться за стол в полном вооружении: не хлеб же ему мечом резать?

Гораздо сложнее оказалось определить происхождение свежей раны над левой бровью незнакомца. Рана небольшая, но все же слишком глубокая для обычной ссадины. Но она и не резаная, не колотая, не рваная, да и не ожог это. За время, проведенное в больнице, Кенет всякого навидался, да и Аханэ учил его распознавать раны. Но таких ран Кенету еще видеть не доводилось.

Едва дождавшись от Кенета ответного кивка, незнакомец опустился рядом на свободное место. Не успел он расправить полы своего кафтана, как слуга уже подлетел к нему и перегнулся в почтительном поклоне, задрав кверху угодливо улыбающееся лицо. Что за притча? Так он даже перед этим младшим помощником старшего прислужника, или как его там, не лебезил.

– Утку в кисло-сладком соусе, любезнейший, и полкувшина каэнского вина с пряностями, – распорядился незнакомец. – А для молодого человека...

– Спасибо, я сам, – прервал его Кенет. – Лапши с грибами и холодного сиропа со льдом.

– Сей момент! – выпалил слуга и стремительно бросился исполнять заказ.

– Извините, – негромко засмеялся незнакомец, – я не хотел вас обидеть.

– Я не обиделся, – буркнул Кенет, чувствуя, что у него начинают гореть уши. Он не собирався быть невежливым, но каким-то непостижимым образом повел себя неправильно, невоспитанно. Мало того, что на его дурацкую куртку все прохожие глазели, так он опять ухитрился выставить себя на посмешище!

Тут перед незнакомцем появилась заказанная утка, а перед Кенетом – миска дымящейся лапши. Внезапно Кенет ощутил острый приступ голода, но не решился нагнуть за обе щеки, а принялся за еду чинно, степенно, не в силах побороть смущение под внимательным взглядом

незнакомца, который, словно желая смутить Кенета еще больше, обращался к нему всякий раз с изысканной вежливостью.

– Вы у какого мага изволите учеником состоять? – спросил незнакомец, указывая на посох, прислоненный Кенетом к столу.

– Я... ни у какого, я... просто хотел бы, – растерянно пробормотал Кенет.

– А у какого хотели бы? – улыбнулся незнакомец.

Даже дураку понятно: незнакомый сотрапезник разбирается не только в воинских искусствах, но и в магии. Углядеть знак на посохе не всякий способен, а понять его суть – тем более. Понятно, отчего он заговорил с Кенетом так уважительно: принял его за ученика мага. Кенета уважали односельчане как хорошего работника, но то было в прежней, оставленной им жизни. А новая покуда не баловала его уважительным отношением: подай, принеси, приברי, держи меч выше, выше, кому говорят, ну что ты за бестолочь! Достоинство Кенета страдало изрядно, и вежливый голос незнакомца заставил бы кого угодно на месте Кенета растаять, как снег на солнышке. Кенет же, наоборот, весь напрягся: незнакомец принял его за кого-то, кем Кенет не был, а в незаслуженном уважении Кенет не нуждался. Скорей уж оно заставляло его страдать еще больше.

– Ни у какого, – ответил Кенет почти резко и снова смутился от собственной неожиданной грубости. – Я уж лучше сам.

Незнакомец удивленно вскинул брови, и Кенет, слегка стыдясь своей невежливой горячности, объяснил уже более миролюбиво:

– Я так полагаю: если способен к этому делу, если пригоден, оно само скажется, а если нет, никакой учитель не поможет.

Он и сам не знал, как из него выскочили эти слова. Ничего подобного он говорить не собирался. Сколько раз вечером, засыпая, он мечтал, как придет к нему старый маг, посмотрит на него своими синими глазами и скажет: «Хочешь быть моим учеником?» Мечтание представлялось ему явственно до боли в глазах. Почему же он сказал сейчас что-то ни с чем не сообразное? Участливый взгляд незнакомца сулил помощь и поддержку, а Кенет предпочел бы умереть, нежели принять помощь от этого человека, с которым он так грубо обошелся в ответ на его участие.

– Неглупая мысль, юноша, – чуть помолчав, произнес незнакомец. – Того, что человек должен сделать сам, никто за него сделать не может.

Кенет кивнул. Воины, они все такие. Вот и учитель Аканэ знай покрикивает: «А ну-ка давай сам! Я и так все за тебя разжевываю – может, еще и глотать за тебя прикажешь?»

– Это хорошо, юноша, что вы не просите помощи. Помощь развращает.

Кенет едва не поперхнулся лапшой.

– Как это? – еле выговорил он, прокашлявшись.

– Благоедеяние портит характер, – заметил незнакомец, наливая в свою чашку ароматное каэнское вино. – Человек перестает рассчитывать на свои силы, начинает надеяться на чужую помощь.

Все это было похоже на те сентенции, которыми потчевал Кенета рассерженный Аканэ, но в устах незнакомца звучало неуловимо по-иному.

– Благоедеяния плодят бессильных, неумелых, неспособных, беспомощных. Хочешь уничтожить человека – помоги ему. Разве не так?

А вот такого Аканэ ему никогда не говорил.

Кенет неопределенно мотнул головой. При желании его кивок можно было истолковать как угодно. Ему не хотелось оскорблять вежливого незнакомца открытым несогласием, да и глупыми его парадоксальные выводы вроде не назовешь. Но все же, все же...

– Каждый человек сам определяет свою судьбу, – твердо заявил незнакомец и улыбнулся Кенету. Лучше всяких слов эта улыбка говорила: «Вы тоже из тех, кто определяет свою судьбу, и я рад встрече с вами».

– Каждый? – переспросил Кенет, понемногу поддаваясь обаянию силы, исходившей от этого спокойного, уверенного человека.

– Каждый, – кивнул незнакомец, – если он только достоин называться человеком. Так что если судьба его в беспорядке, сам он в этом и виноват.

Незнакомец вновь потянулся к кувшину, и Кенет невольно залюбовался движениями его гибкой сильной руки, а заодно присмотрелся повнимательней к облекавшему ее рукаву из простого небеленого полотна. Простого ли? Ой нет! Небеленое-то оно небеленое, но никак уж не простое, не домотканое. Тонкое, прочное, шелковистое не только на ощупь, но даже и на взгляд, великолепное, безумно дорогое, исполненное благородной неброской прелести. Как и обманчиво простой покрой удобной одежды. Кенет еще никогда не видел, чтобы платье сидело на человеке так ладно. Такого не остановят уличные грабители – да что с него взять, с сермяжного? Но зато перед ним незамедлительно откроются двери лучшего из домов – в подобных тонкостях слуги разбираются безошибочно: глаз наметанный. Неудивительно, что даже трактирный мальчишка так склонился, привычным чутьем угадав в незнакомце человека почтенного, зажиточного, а может, и облеченного властью. Куда там Кенету в его деревенской куртке!

Подумав о куртке, Кенет сперва снова смутился, а потом вспомнил, от кого он эту куртку получил. Вспомнил неуступчивого старика корзинщика, его сварливую доброту и его гордость. Вот хотя бы старика этого взять – да в чем он виноват? Разве его вина, что сын заболел в дороге и сильно задержался? Что односельчане его – люди черствые и неумные? Что пальцы его согнула старость? Что не в силах он продать свой дом и переселиться в другое место – да и куда, кстати? В его-то годы... да кому и где он нужен? И куда бы вернулся его сын? И кто бы купил его дом? Но разве он в этом виноват? Даже его нелепая, упрямая, забавная, трогательная, негибкая гордость – разве он виноват, что его так воспитали? Что вся его долгая жизнь убедила его в собственной правоте?

Вот он, к слову сказать, и старался все сам да сам и никого, кроме себя самого, ни в чем не винил. И помощи не просил и не ждал. А вышло так, что Кенет помог старику корзинщику, а старик помог Кенету, и что-то не похоже, чтобы их эта помощь, по выражению незнакомца, развратила.

Воспоминание о старике корзинщике отрезвило Кенета. Теперь он глядел на своего собеседника с глубоким недоумением, почти с жалостью: как может такой сильный и явно умный человек нести такую ерунду?!

– Нынешние молодые люди все больше на помощь рассчитывают, на влиятельных друзей, на родных – ну, вы меня понимаете? Приятно встретить человека, который пытается прожить свою жизнь сам.

Кенет слегка нахмурился: несмотря на несомненную справедливость слов незнакомца, похвала показалась ему неприятной.

– Такому человеку я был бы только рад чем-нибудь посодействовать.

Кенет чуть кривовато усмехнулся в ответ.

– Вам так охота меня развратить? – Кенет надеялся, что шутка вышла не слишком резкой. Незнакомец, еще недавно столь привлекательный, теперь ему определенно не нравился, и оттого Кенет особенно старался вести себя вежливо: перед тем, кого любишь и уважаешь, неохота ударить в грязь лицом, но перед тем, кто тебе не нравится, это неприятно вдвойне.

– Хочется, знаете ли, сделать иногда что-нибудь пакостное, – засмеялся незнакомец, охотно откликаясь на шутку. – Нет, в самом деле! Если вам посчастливится стать магом... – Он извлек из кошелька крупную серебряную монету и положил ее на край стола, откуда ее сей же момент принял слуга, рассыпаясь в благодарностях. Но незнакомец не завязал кошелька,

а продолжал в нем что-то искать. – Где же она... а, вот! – Он вынул из кошелька похожую на монету круглую серебряную пластинку и протянул ее Кенету. – Когда вы станете магом, юноша, рекомендую вам податься в столицу. Лучшее, знаете ли, место для способного, энергичного молодого волшебника. А будучи в столице – не откажите в любезности, загляните в Замок Пленного Сокола, хотя бы и проездом. Вот, возьмите – с этим вас всюду пропустят.

Кенет нехотя взял пластинку. На серебряном с чернью диске была изображена змея, обвиняющая сокола. Исключительной тонкости работа. Кенет до того увлекся созерцанием неожиданного подарка, что забыл поблагодарить за него, забыл, хочет он принять дар или отказаться. Он даже не заметил, как хлопнула дверь, впустив очередного посетителя, хотя и сидел к двери лицом. Когда он опомнился, незнакомец уже поднялся из-за стола и шел к выходу. А к его столу направлялась знакомая фигура – высокая, широкоплечая, облаченная в темно-синий кафтан воина. Учитель Аканэ!

Ведь и верно, Кенет заболтался с приветливым незнакомцем и задержался даже сильнее, чем рассчитывал. Сейчас последует проборка. Наверняка Аканэ разгневан.

Но гнева на лице Аканэ не было видно. Скорее нечто, похожее на испуг. Да нет, ерунда! Кого может бояться Аканэ, несравненный воин?

Однако поравнявшись с собеседником Кенета, Аканэ совершенно неожиданно для своего ученика переломился в глубоком поклоне, и его сжатые кулаки соприкоснулись на уровне груди. Приветствие ученика мастеру, приветствие слабейшего воина превосходящему его по силе и умению. Незнакомец помедлил немного, кивнул в ответ и вышел, аккуратно притворив за собой дверь. У Кенета голова шла кругом. Незнакомец – лучший воин, чем учитель Аканэ? Возможно, хотя очень и очень сомнительно. Но даже если и так – чтобы учитель Аканэ его неизвестно почему испугался?

Далее Аканэ удивил своего ученика еще больше. Он подошел к нему, молча взял за плечи и принялся поворачивать Кенета из стороны в сторону, разглядывая его сосредоточенно и тревожно, будто пытался высмотреть, не растет ли у того на щеке или где-нибудь за ухом второй нос? Кенет сразу вспомнил, что плохо вымыл уши, поленился. К тому же он чувствовал себя виноватым.

– Что случилось, учитель? – не выдержал он. Аканэ посмотрел на него еще раз, словно бы сомневаясь, но недоверие почти покинуло его взгляд, осталась только настороженность.

– После поговорим, – сухо ответил он. – Расплатись – и пойдем. Сколько ты должен?

Кенет уплатил за лапшу и сироп и последовал за Аканэ в полном недоумении. Несмотря на его попытки заговорить, Аканэ молчал, пока городские ворота не остались за спиной. Свернув к лесу и пройдя немного, Аканэ внезапно остановился, вновь схватил Кенета за плечи и развернул к себе.

– Что это был за человек? – выдохнул Аканэ. – О чем вы с ним говорили?

И глаза его вдруг сделались огромными, сухими и горячими, как в больнице.

– Не знаю его, – растерянно признался Кенет и искренне добавил: – На редкость неприятный человек.

Аканэ со свистом выдохнул, потер лоб рукой, словно у него очень болела голова, и медленно сел на пень.

– Неприятный, – повторил Аканэ следом за Кенетом и издал короткий горловой смешок, сухой и напряженный, скорее напоминающий кашель. – Ну и чутье у тебя.

– Вообще-то я его в первый раз вижу, – неуверенно произнес Кенет, – а вы сами меня учили, что по первому впечатлению... может, я и ошибаюсь...

– Нет, – резко прервал его Аканэ, – ты не ошибаешься. И я не шутил насчет твоего чутья. Конечно, «неприятный» – это редкостное преуменьшение, но спасибо и на том. Большинство на твоём месте сказало бы «обворожительный».

– Мне тоже сначала так показалось, – кивнул Кенет. – Но потом он начал такую ерунду городить...

– Ерунду, значит, – протянул Аканэ с непонятной интонацией. – Знаешь, гляжу я на тебя и просто восхищаюсь.

Кенет искоса взглянул на Аканэ. Но в глазах у учителя не пряталась издевка – только боль.

– Я не шучу, – повторил Аканэ. – О чем он говорил?

– Ну... что помогать людям – это плохо, – старательно припоминал Кенет. – Что помощь развращает... и каждый человек должен все делать для себя сам...

– Действительно, ерунда, – фыркнул Аканэ. – Много я бы смог, к примеру, сделать для себя сам в этой растреклятой больнице. Не окажись тебя, я бы давно...

Он замолчал и зябко повел плечами.

– Только нос не задирай, – недовольно добавил он.

– Не буду, – с легким сердцем пообещал Кенет. – А кто это был такой?

– Великий черный маг Инсанна, – безжизненно и отчетливо произнес Аканэ.

Кенет где стоял, там и сел.

– Испугался я за тебя очень, – таким же безжизненно-отрешенным голосом продолжал говорить Аканэ, словно вместе со страхом его покинула и сила. – Когда увидел его рядом с тобой... все, думаю, был хороший парень Кенет, и нет больше хорошего парня Кенета. А он как раз из-за стола встает, идет ко мне... я едва сообразил притвориться, будто я его испугался, как великого воина. Еще не хватало, чтобы он понял, что я его узнал. И что ему от тебя было нужно?

– Понятия не имею, – помотал головой Кенет. – А обхаживал он меня, как богатого дядюшку, который помрет не сегодня-завтра. В гости звал...

Кенет вынул серебряную пластинку со змеей, обвивающей сокола, и показал Аканэ.

– Что это? – спросил он.

– Пропуск, – нехотя ответил Аканэ. – С этой штукой тебе в его краях всяческий почет и уважение. Чем-то ты ему приглянулся. Знать бы чем.

– Не знаю, – вновь ответил Кенет, и при этом почти не лукавил. Конечно, ему пришлось на ум, что причиной странного приглашения был его посох. Инсанна разглядел в незнакомом юнце стремление сделаться магом. Ну так и что? Сопляков, желающих стать волшебниками, больше, чем кошек на помойке. Нет, надо быть здорово самоуверенным, чтобы решить, что твои потуги заниматься магией могут привлечь внимание самого Инсанна. Вероятно, дело все-таки в чем-то другом.

– Выбрось это, – посоветовал, не подымая головы, Аканэ.

– Вот уж нет, – возразил Кенет, и Аканэ резко взметнул голову; глаза его вновь полыхнули сухим черным огнем.

– Я ее лучше закопаю, – пояснил Кенет. – Не ровен час, наткнется кто-нибудь на эту гадость.

Аканэ обмяк, веки его примкнулись.

– Прости, малыш, – одними губами произнес он.

– За что? – обалдел Кенет.

– За то, что мне случилось усомниться в тебе. Ты настоящий воин.

– Но, учитель... у меня же ничего не получается...

– У тебя получается главное, – свирепо отрезал Аканэ. – Ты не принимаешь врага за друга и ничего не делаешь, не подумав: а что из этого выйдет?

– А разве можно по-другому? – удивился Кенет.

– Я Инсанну знаю в лицо, хотя он меня – нет. Как ты думаешь, откуда? – ответил Аканэ вопросом на вопрос.

Кенет не стал догадываться, ни даже пожимать плечами. Он был убежден, что ответ последует из уст самого Аканэ.

– Я уже видел Инсанну, – медленно произнес Аканэ. – При схожих обстоятельствах. У меня был один ученик...

Аканэ стиснул зубы, словно чтобы сдержать рыдание. Внезапно он схватил Кенета за руки, притянул к себе и порывисто обнял.

– Я очень за тебя испугался, – сдавленно повторил он.

Если бы Кенет и Аканэ еще немного помедлили в «Весеннем рассвете», то непременно столкнулись бы с Кенро. Предсказанная ему поездка удалась, более того: он получил награду. По его мнению, большую, нежели заслужил: изрядная сумма денег, округливших его кошельки, не могла быть сообразна легкой приятной поездке, за которую ему и было уплачено. К тому же возвращался он в компании мудрого и приятного собеседника. Словом, отдохнул Кенро в полное свое удовольствие, а наградили его, словно он совершил невесть какой подвиг. Но уж если князю Юкайгину так угодно, спорить с ним не приходится. Самое разумное – взять награду и отправиться восвояси, что Кенро и сделал. И пока Кенет и Аканэ беседовали в лесу, Кенро отмечал свое возвращение в «Весеннем рассвете».

А человек, за которым он ездил по княжескому приказу, даже не пожелал отдохнуть с дороги. Едва успев ответить поклоном на поклон князя Юкайгина, старый волшебник перешел к делу.

– К сожалению, я не смогу остаться в городе надолго, – предупредил он князя.

– Я на это и не рассчитывал, – смиренно признался князь. – К тому же я не знаю, стоило ли мне вас беспокоить. Наместник Акейро говорил, что, пока Инсанна жив, никто и ничто не вернет ему здоровья.

– В общем, он прав, – кивнул маг. – Разве что нашелся бы волшебник, равный Инсанне по силе или даже сильнее. Если бы он согласился находиться при господине наместнике неотлучно, болезнь могла бы отступить. Во всяком случае, на время.

– Но ведь равных Инсанне нет! – почти выкрикнул Юкайгин. – Что уж говорить о более сильных. Неужели больше ничего нельзя сделать?

– Отчего вы так беспокоитесь? – мягко спросил маг. – Ведь его здоровье остается неизменным?

– А надолго ли? – возразил Юкайгин. – Мне так все и кажется, что его ветром сдует. Даже и сейчас. С больницей у него все получилось на редкость удачно... да вы, наверное, слышали?

– Слышал, – утвердительно произнес старый маг.

– Ну вот. Задуманное получилось, все прекрасно, он счастлив, он просто в восторге – о чем тут беспокоиться? А мне страшно. Веселый, глаза блестят, щеки румяные – а как дотронусь до его горячей руки, так сердце сожмется.

Юкайгин замолчал: с лица мага исчезло всякое подобие улыбки.

– Очень горячие руки? – отрывисто спросил волшебник.

– Очень. Я думал сначала, что у него лихорадка, но что-то не похоже: ни слабости, ни усталости. Веселый, шутит, улыбается...

– И часто вы его видели в таком хорошем настроении? – поинтересовался волшебник.

– Да пожалуй, никогда, – подумав, ответил князь Юкайгин. – Не знаю я, что он почти не пьет вина, решил бы, что он постоянно немного навеселе. У него никогда еще все так хорошо не складывалось.

– Лучше некуда, – проворчал волшебник. – Когда он должен к вам прийти?

– Да уже должен был быть, – недоуменно ответил князь. – Странно, что он опаздывает. Это не в его привычках.

Старый маг вскочил так стремительно, что князь Юкайгин не успел даже заметить его движения: только что волшебник сидел, и вот он уже на ногах.

– Идем! – повелительно крикнул маг. – Может быть, еще успеем!

Князь Юкайгин был слишком потрясен, чтобы отдавать приказания, но этого и не потребовалось. Едва взглянув на его лицо, распорядитель позвал три команды носильщиков. Обычно паланкин князя несли по городу с неторопливой важностью. На сей раз жители Сада Мостов могли видеть, как носильщики с княжеским паланкином стремглав несутся по направлению к дворцу наместника, а следом бегут еще две команды, готовые сменить собратьев по ремеслу, едва те начнут выказывать малейшие признаки усталости. Княжеский паланкин проделал дорогу вчетверо быстрее обычного, и как бы ни был встревожен старый князь, как ни спешил, он не преминул бросить носильщикам кошелек с серебром в награду за небывалое усердие. Носильщики еще не успели возблагодарить господина за щедрость, а князь уже вбежал во дворец. Никто не пытался чинить ему препятствий вроде: «Одну минуточку, ваша светлость, я сейчас доложу, что вы изволили прибыть». Давно миновали те времена, когда юный наместник заставил бы не в меру властного князя потомиться в ожидании с полчаса, да и выражение лица старого князя вряд ли располагало к попыткам остановить его. Однако у дверей в личные покои наместника князь все же попытались остановить.

– Никак нельзя, ваша светлость, – в ужасе лепетал слуга, пытаясь поклониться ниже пола. – Его светлость не велели. Если я кого пушу, он меня... да вы его знаете, ваша светлость! Смилуйтесь!

Юкайгин слегка растерялся: он действительно знал Акейро. Слуги, в общем, любили господина наместника и считали его человеком хотя и суровым, но справедливым и склонным к милосердию. Наказания в доме наместника никогда не превышали меры проступка, а зачистую наместник прощал виновного. При его предшественнике слуги тряслись от страха день и ночь, гадая, кого изберет на сей раз жертвой гневный каприз вечно пьяного господина. Неудивительно, что они повиновались Акейро охотно и с любовью. Единственное, чего Акейро не прощал никогда, так это ослушания, и виновный мог быть уверен, что будет сурово наказан, а то и уволен. Если Акейро действительно распорядился никого к себе не пускать, то слуге, не сумевшему выполнить приказа, не позавидуешь. Но отчего бы Акейро, вместо того чтобы нанести князю обычный визит, внезапно затворился в своих покоях? Что могло случиться?

Покуда князь пребывал в растерянности и тревоге, старый волшебник бесстрастно взялся за дверь, не обращая внимания на вопли слуги. Дверь не поддавалась.

– Ломайте дверь, – велел маг.

– Смилуйтесь, – простонал слуга. – Господин меня приберет.

– Твой господин умирает, – отрезал волшебник.

Слуга испуганно замолчал и посторонился. Князь Юкайгин чуть отошел, примерился и с размаху высадил дверь плечом. В другое время ему бы это не удалось: уж где-где, а во дворце наместника хлипких дверей не было, ибо каждый наместник имел все основания дрожать за свою жизнь. Но слово «умирает» и вызванное им отчаяние придали князю такую невероятную силу, что он весь дворец снес бы одним ударом, а не только дверь.

За дверью их встретило молчание. Акейро лежал посреди комнаты лицом вниз, его длинные волосы шевелил сквозняк. От распахнутой настежь балконной двери и до лежащего ничком тела тянулся ярко-алый кровавый след, совсем еще свежий: кровь не успела не только высохнуть, но даже заветриться.

Юкайгин бросился к Акейро, перевернул, взглянул в лицо. Ресницы Акейро дрогнули, веки приоткрылись.

– Он здесь, – неразборчиво простонал Акейро. – Я его чувствую... он здесь...

Тело его сотряслось кашлем, и из рта его вытолкнулась алая кровь.

Немой вопль застрял в глотке Юкайгина: он боялся потревожить умирающего, иначе закричал бы. Но голова его запрокинулась, словно у волка, собирающегося завывать, и из раскрытого рта исходил неслышный хриплый звериный вой.

Маг просунул руку под одежды Акейро и провел ладонью по его груди. Кровь перестала течь. Глаза Акейро не открылись, но он продолжал дышать.

– Отнесите его на постель, – распорядился маг.

Юкайгин легко поднял бесчувственного Акейро и донес его до кровати, но положить его медлил. Ему казалось, что в ту минуту, когда он выпустит Акейро из рук, жизнь покинет его хрупкое тело.

– Положите его, – велел маг. – Он не умрет сейчас. Юкайгин нехотя опустил Акейро на кровать, внезапно ставшую огромной, как городская площадь, и вновь склонился над ним.

– Льда велите принести, – приказал маг, и князь Юкайгин опрометью бросился выполнять распоряжение. Когда он вернулся, держа в руках холщовый мешок со льдом, слуги уже вытерли кровь с пола. Старый волшебник сидел возле Акейро и держал его руку.

– Положите лед ему на грудь. Осторожнее! – вновь отдал распоряжение волшебник. И вновь князь выполнил распоряжение.

– Что это было? – хриплым шепотом спросил он.

– Легочное кровотечение, – пожал плечами маг. – Я это понял еще там, в вашем замке. Вы очень точно все описали. Пьянящая радость, лихорадочный подъем сил – и в то же самое время страшный жар, который вы ощущаете, а сам он – нет. Вы недаром беспокоились, ваша светлость, хоть и не знали почему.

– Я не об этом, – покачал головой старый князь. – Я понять хочу, отчего это случилось. Он был так счастлив здесь, ему становилось лучше... во всяком случае, не хуже. И вдруг – такое. Отчего?

– Вашей вины в этом нет, – нехотя ответил маг.

– Но почему? – настаивал Юкайгин. – Что я мог сделать?

Лицо волшебника помрачнело.

– Ничего, – ответил он. – Вы ничем не могли ему помочь. Он же сам сказал, что случилось.

– Инсанна? – понял князь Юкайгин.

– Сомневаться не приходится. Он действительно еще совсем не давно был в вашем городе.

– Невозможно, – с ужасом прошептал Юкайгин.

– Воля ваша, но я – маг и ошибиться не могу. Сейчас он покинул город, но он здесь был, и одно его присутствие едва не убило господина наместника. Вы ничем не могли этому помешать.

– Но зачем? Что ему здесь надо?

– Не знаю, – вздохнул волшебник, – но догадываться могу. Вы же знаете, какие слухи ходили о прежней больнице?

– Слышал, – обреченно ответил Юкайгин. – Будто бы там морят больных, чтобы потом отдать их тела Инсанне. Мой человек мне потом это подтвердил.

– Вот видите, ваша светлость. А господин наместник больницу уничтожил, выстроил взамен новую, лекарей новых набрал. Конечно, Инсанна явился, чтобы выяснить все лично и подробно. А как же иначе? Думаю, господин наместник на иное и не рассчитывал.

– Так он... знал?

– Несомненно, он знал, на что идет и чем рискует. Должен сказать, – церемонно произнес маг, – что я питаю глубочайшее уважение к его светлости господину наместнику и нахожу его мужество просто невероятным.

И вновь Юкайгин сдержал вопль.

– Как он? – сдавленно спросил князь.

– Очень плох. Кровотечение я остановил, но и только. Сейчас все зависит от ухода за ним.

– Будет самый лучший, – горячо заверил его князь Юкайгин. Волшебник вновь покачал головой.

– Лучшие врачи не смогут дать ему того, что нужно. Инсанна выпил почти всю его жизненную силу, и она продолжает покидать больного. За ним должен ухаживать человек, который сумеет восполнить недостающее.

– Значит, никакой надежды нет? – еле выговорил князь Юкайгин. Синие глаза волшебника взглянули на него с сочувствием.

– Я этого не говорил, – произнес он. – На ваше счастье, нужный вам человек находится в городе или где-то поблизости. Я его чувствую. Сейчас все зависит только от того, сумеете ли вы найти этого человека вовремя.

Глава 5

Меч и ножны

Вечерняя тренировка ничем не напоминала утреннюю. Перелом – незаметно для Кенета, но несомненно для Аканэ – произошел. Вдобавок мысли Кенета были слишком заняты Инсанной, чтобы долго и мучительно соображать, куда и какой ногой шагнуть, когда и какой рукой ударить и зачем нужно издавать боевой клич, в его исполнении больше всего похожий на рев разбуженного осленка. Впервые за долгое время Кенет предоставил своему телу свободу и самостоятельность, и тело его не подвело. Когда Кенет умывался после вечерних занятий, он был приятно изумлен и весьма доволен собой.

– Нос не задирай, – посмеивался не менее довольный Аканэ. – Ты еще не самый великий воин империи.

Они вошли в дом веселые, усталые и довольные. Появление Инсанны уже не казалось им пугающим – мало ли что случается в жизни. Тяжелый день завершился неожиданно хорошо. Оставалось приятно провести время за вкусным ужином и лечь спать.

Однако не прошло и нескольких минут, как тихая неспешность вечернего уюта разлетелась вдребезги. Едва Кенет успел вонзить зубы в лепешку, как дверь распахнулась. Аканэ вскочил из-за стола и схватился за оружие, Кенет судорожно откусил и последовал его примеру: за дверью стоял совершенно незнакомый человек. Меч Аканэ с тихим свистом покинул ножны. Боевой цеп Кенета оказался в руках владельца с поистине волшебной скоростью.

Человек в дверях сделал шаг вперед, и Кенет ахнул. Лицо гостя, его фигура, походка, вся манера держаться переменялись мгновенно и разительно. Он не отклеивал усов, не вынимал из-за щек прокладки, не избавлялся от фальшивого горба. Он только изменил выражение лица, и Кенет с Аканэ мигом узнали неожиданного гостя.

– Юкенна! – промычал Кенет набитым ртом.

– Как мне надоели эти твои штучки, – недовольно заметил Аканэ. – Меняй лицо за дверью. Иначе я тебя в один прекрасный день зарежу по ошибке.

– Собирайся, – произнес Юкенна с порога, даже не здороваясь. – Тебя требуют к господину наместнику.

– А почему так срочно? – нахмурился Аканэ. – Что у него случилось, что он мне поужинать не дает?

– Ох, Аканэ! – засмеялся Юкенна. – Великий ты воин, спору нет. Еще бы тебе обуздать свою горячность, цены б тебе не было. Можешь ужинать спокойно. Князь Юкайгин звал не тебя.

– Меня?! – Кенет чуть не подавился откушенной лепешкой.

– Прожуй, – скомандовал Юкенна. – А теперь проглоти.

– Откуда князь вообще знает о его существовании?

Юкенна, самым родом своих занятий вынужденный хранить тайны, не мог устоять перед возможностью хоть кому-нибудь хоть что-нибудь рассказать, если только это не запрещено: по натуре он был человеком общительным и словоохотливым и ненавидел все и всяческие тайны. Не устоял он перед соблазном и теперь.

– Ешь, пока я буду рассказывать, – объявил он и присоединился к трапезе. – Потом сразу и пойдем, дело срочное. Уф, устал!

Он обмакнул в мед горячую лепешку и мигом проглотил ее.

– Инсанна в городе объявился, – сообщил он, – не к ночи будь помянут.

Кенету словно холодной воды за шиворот вылили.

– Откуда знаешь? – резко спросил Аканэ.

– Это не я узнал, а волшебник один. Кенро за ним по приказу князя ездил. В общем, Инсанна был здесь, и от одного его присутствия наш наместник чуть было не помер.

– Скверно, – сухо заметил Аканэ.

– Скверно, – кивнул Юкенна. – Ведь помер бы, не случись этого мага рядом. И еще не сказано, что жив останется.

– Почему нет? – осведомился Аканэ. – Раз уж за ним не кто-нибудь, а волшебник ухаживает...

– В том-то и дело, что нет! Волшебник тоже отбыл. Сказал, что он свое дело сделал и больше ничем помочь не может. А за наместником должен ухаживать один человек, и никто другой, иначе его светлости крышка. Князь меня к себе вызвал – ну, это стоило видеть! Сам белее зубов, взглядом стенки ломает. Мол, найди мне парня по имени Кенет, который не так давно работал служителем в старой больнице. Его мне волшебник назвал, и никто другой мне не нужен, а парня мне хоть под землей, да найди. Я и брякнул, что вроде знаю такого, и искать не придется. Тут князь по такому случаю живо забыл, что я его агент, и вспомнил, что я его племянник. И родной я, и хороший, и гордость семьи, и не знаю, кто еще там. А как парня по имени Кенет приведу, так еще лучше стану. Словом, князь не спит, не ест, не пьет и, по моему, даже не дышит, пока я не приведу к нему нашего малыша.

Кенет сидел над остывающим ужином и слушал Юкенну, раскрыв рот. Зато Аканэ времени даром не терял. Пока Юкенна рассказывал, Аканэ выложил на постель новую рубашку Кенета и один из своих летних кафтанов – темно-синий, в стиле хайю, с узорной каймой вдоль ворота.

– Надевай, – скомандовал он. – Все-таки не лапшу в кабаке есть идешь.

Кенет быстро надел рубашку и кафтан хайю, туго затянул его узким поясом.

– Оружие брать? – спросил он. Аканэ ненадолго задумался.

– Меч ты носить еще не вправе, это нарушение приличий... но ученик воина не должен входить к повелителю безоружным, это оскорбительно. Пожалуй, цеп возьми. Да не этот! Возьми мой.

Кенет привесил к поясу боевой цеп.

– Годится, – одобрил Юкенна, вставая из-за стола. – Можно идти.

Юкенна шел очень быстро. Он не стал тратить время на разговор со стражей у городских ворот, а провел Кенета одним из своих любимых подземных ходов. Кенет следовал за ним, почти не замечая, куда идет. Аканэ наверняка сурово выбрал бы его за подобную невнимательность: воин всегда должен замечать, что происходит вокруг, чем бы ни была занята его голова. А может, и не выбрал бы: в конце концов, не каждый день никому не известного деревенского юнца требует к себе сам князь, да еще по слову мага. Кенет обдумывал странное приглашение – второе странное приглашение за день, если уж быть точным. Может быть, причиной первого приглашения послужило как раз второе? Если маг не ошибся и Кенет – действительно единственный человек, способный вернуть жизнь в тело наместника? Скорее всего так оно и есть. Маги обычно в таких делах не ошибаются. Может быть, Инсанна звал его с собой, чтобы Кенета не оказалось на месте, когда понадобится вылечить господина наместника?

Во дворец Юкенна все-таки повел Кенета через дверь, а не подземным ходом, хотя Кенет и был уверен, что какие-то самые заброшенные, самые тайные ходы под замком наместника определенно имеются. Не могут не быть. Но раз уж Юкенна предпочитает оставить их по-прежнему тайными – его право.

Юкенна вывел Кенета наружу неподалеку от Радужного моста. Любое праздничное шествие, по обычаю начинавшееся у Зубчатой башни, неминуемо ступало на Радужный мост. Сейчас на Радужном мосту не было ни души. Ночь выдалась неожиданно прохладная, и Кенет слегка озяб в тонком летнем хайю. Ну все кувыркком сегодня! Днем, в самую жару, Кенет щеголял в теплой деревенской куртке, а ночью вышел на улицу в тоненьком кафтане.

У главного входа Юкенна даже не замедлил шаг, да Кенет от него этого и не ожидал. Он бы скорее удивился, вздумай Юкенна провести его во дворец через величественную дверь, окованную бронзой, а не черным ходом. Впрочем, и черный ход показался Кенету роскошным донельзя. Юкенна неся во всю прыть, так что Кенет едва поспевал следом, и сыпал последними указаниями.

– Имей в виду, – торопливо говорил он, шагая через две ступеньки, – тебя здесь нет и не было никогда, потому что для всех остальных наместник вовсе не болен. Он затворился в своих покоях, чтобы заняться в одиночестве постом и молитвами. Завтра во всеуслышание объявят, что наместник молится за процветание города. Лучше бы город помолился за наместника! – закончил Юкенна с неожиданной горячностью.

Здесь, во дворце, он не шутил больше, не посмеивался над старым князем, как давеча за ужином у Аканэ. Там, за стенами города, можно и даже нужно было шутить и смеяться, чтобы хоть на время забыть напряженную тревогу, царившую в замке. Здесь же смех был неуместен, даже невозможен, здесь сам воздух был давящим, стены словно источали горестную безнадежность.

– Сюда, – объявил Юкенна, отстраняя плечом слугу, и открыл дверь. Кенет, не сбавляя шагу, с разгону влетел внутрь и сумел остановиться лишь посреди комнаты.

На полу возле широкой постели неярко горел узкий маленький светильник. Балконная дверь была приоткрыта, и на балконе, вцепившись в кованую решетку, стоял человек и напряженно вглядывался в ночную темноту. Заслышав шаги, он разжал руки и резко обернулся. Тяжелая чугунная решетка была смята, скомкана там, где ее касались эти могучие руки, и потрясенный увиденным Кенет невольно отступил назад, налетев при этом спиной на Юкенну.

– Я привел его, ваша светлость, – тихо промолвил Юкенна. – Если, конечно, это он.

Кенету было страшно глядеть в лицо старому князю, страшно было и отвести глаза. Во взгляде князя Юкайгина ясно читалось единственное слово: «Убью!» Оно ворочалось в глубине его взгляда, темное, страшное, как черная кровь, стынувшая зимней ночью на снегу. Относилось оно, конечно же, не к Кенету, а к Инсанне. Может ли простой смертный убить великого мага? Это еще как сказать. Попадись Инсанна князю Юкайгину в эту минуту, и князь разорвал бы ему горло раньше, чем Инсанна успел бы вспомнить хоть какое-нибудь заклинание, а не то что произнести.

– Это легко проверить, – так же негромко ответил Юкенне князь. – Пусть мальчик подойдет.

Кенет отчего-то сразу понял, что подойти он должен не к старому князю, а к постели – туда, где лежал худой юноша с бледной до полупрозрачности кожей и заострившимся лицом.

– Не бойся, – почти шепотом произнес князь. – Если ничего не получится, тебя никто винить не будет. Подойди и возьми его за руку.

Слова князя и выражение его лица странно противоречили друг другу. В голосе слышалась почти лихорадочная мольба – подойди, дотронься, – а взгляд, обращенный к наместнику, яснее слов говорил: «Он мой. Никому не отдам. Людям не отдам, смерти не отдам. Никому не позволю коснуться».

– Ну, что же ты? – прошептал князь.

Кенет подошел, привычно склонился над больным, утер ему пот со лба, боясь оглянуться на князя. Внезапно глаза наместника приоткрылись, губы чуть дрогнули в слабом подобии улыбки.

– Ты... кто? – еле слышно выдохнул наместник.

– Его светлость вызвал меня ухаживать за вами, – без колебаний ответил Кенет. – Спите спокойно, господин наместник. Теперь все будет хорошо. Вот увидите.

Привычные слова дались ему легко. Он понятия не имел, как разговаривать с титулованными особами, но разговаривать с тяжелобольными он успел научиться. Услышав этот голос,

полный сочувствия, но не жалости, любой поверит: «Болезнь уже отступила, я с ней справлюсь без труда, и этот парень мне поможет». Его уверенность передалась и наместнику. Он снова слабо улыбнулся и закрыл глаза. Кенет поправил изголовье и снова встал во весь рост.

– Кажется, я не ошибся, – изумленно прошептал Юкенна. – Пожалуй, он сможет...

Князь молча кивнул; губы его дрожали.

– Что я смогу? – тоже шепотом спросил Кенет.

– Поставить господина наместника на ноги, – ответил Юкенна, ибо князь явно с трудом вновь обретал способность говорить.

– Почему вы так уверены? – растерянно спросил Кенет. Он никогда не имел дела с болезнями, вызванными волшебством. Какой-то маг отчего-то назвал его имя – значит ли это, что он справится?

Князь подошел и положил Кенету на плечо тяжелую руку.

– Мальчик... до твоего прихода он умирал. У него едва хватало сил дышать. А стоило тебе его коснуться, как он заговорил и даже улыбнулся. Никакой ошибки быть не может. Волшебник назвал тебя, и никого другого.

Пока Кенет молча переваривал услышанное, князь Юкайгин вновь овладел собой – или почти овладел. Теперь, когда надежда на выздоровление Акейро из призрачной сделалась реальной, ему стало легче быть самим собой.

– Спать будешь в этой комнате, – вполголоса распорядился князь, – постель тебе сейчас принесут. Прислуживать будут два самых доверенных человека, остальным знать незачем. Они будут за дверью неотлучно. Если тебе что-нибудь понадобится, для себя или... – тут он помедлил, словно боясь назвать умирающего по имени, будто сам звук этого имени мог привлечь внимание смерти, – ...или... для него... требуй беспрекословно. Даже если этого и вовсе на свете нет. Прикажи – и будет.

Он замолчал, снял руку с плеча Кенета, повернулся и вышел, не прощаясь. Все-таки и в тяжком горе он оставался князем, а князю не подобает падать в ноги деревенскому юнцу и просить его сделать все возможное и невозможное. Даже если этот юнец – твоя последняя надежда. Промедли князь еще немного, и он бы не удержался.

Кенету его новые обязанности не показались обременительными, хотя он и делал все собственноручно: ведь теперь на его попечении был только один больной, да и навести порядок в комнате наместника не в пример проще, чем в заросшей грязью больнице. Мытье полов Кенет не доверил никому. Когда первый же из «особо доверенных слуг» сунулся было с ведром и тряпкой, Кенет их тут же отобрал, а в ответ на протесты «особо доверенного» нахально заявил: «Ты сначала уши вымой. Себя обихаживать не умеет, а туда же, полы мыть берется». Кенет отдраивал каждую досочку пола, каждую пядь стен с той же деревенской тщательностью, с которой он недавно, не разгибаясь, скреб больничные коридоры. Тряпка так и летала в его проворных руках, работа спорилась ладно и весело, и наместник Акейро наблюдал за ним с немалым интересом. Здоровье его шло на поправку, пробуждался интерес к жизни, и, наблюдая за Кенетом, Акейро спасался от скуки: у него уже хватало сил скучать. Из-за раскрытой настежь балконной двери доносились звуки городской жизни, и Акейро жадно вслушивался в них. Ему нельзя было вставать, нельзя утомляться. Непривычная бездеятельность томила его, и он зачастую сердился на Кенета, спорил с ним, отказывался от еды. К слову сказать, с едой возникли некоторые сложности: раз наместник предается посту и молитвам, то и пищу ему надо готовить постную и в самом малом количестве. Между тем больного следовало кормить сытно и обильно. Пришлось князю Юкайгину задержаться в гостях у господина наместника. Постная еда, приготовленная на дворцовой кухне для его светлости господина наместника, оказывалась на столе князя Юкайгина, а разносолы, приготовленные для ублажения княжеского аппетита, перемещались в спальню Акейро. Еда для скучающего Акейро тоже была развлечением, а отказ от еды – тем более.

– Не буду есть! – говорил он, сердясь полушутя-полувсерьез.

– Будете, – хладнокровно отвечал Кенет, и господин наместник со вздохом подчинялся. Пообедав, Акейро неизменно требовал городских новостей, и Кенет с неизменным хладнокровием ему отказывал.

– Вот помру со скуки, – грозил Акейро, – будешь знать.

– Его светлость запретил вам умирать, – спокойно отвечал Кенет. – И волноваться тоже. Никаких дел, никаких городских новостей. Довольно с вас и того, что все в порядке.

Акейро в ответ изобретательно проклинал дурацкое распоряжение и уверял, что достаточно здоров, чтобы заняться делами, но Кенет не сдавался.

– Вот про ведьму, если вашей светлости будет угодно, могу рассказать.

– Про какую ведьму? – скривился Акейро.

– Которая жила в доме из горчичных зерен.

– Откуда она столько горчичных зерен взяла? – против воли заинтересовался Акейро.

– Она их ела, – объяснил Кенет. – На завтрак. Только горчицу, и больше ничего.

– Зачем? – изумился Акейро.

– Чтобы злее быть. Она же была злая ведьма.

– Логично, – хмыкнул Акейро.

– Вот она горчицу и ела. А если у нее от завтрака оставались горчичные зерна, она их собирала. И потом выстроила из них дом и в нем жила.

– Сколько же надо было горчицы съесть! – восхитился Акейро. – Пожалуй, это интересно. Рассказывай.

И Кенет рассказывал. И про ведьму из горчичного домика, и как поспорили два волшебника, и как моряки искали Неведомую Землю...

– Изумительно, – признал Акейро, со вздохом откидываясь на изголовье. – Ты чудесно рассказываешь сказки. Знаешь, из тебя бы получился замечательный старший брат.

«Кени, а ты мне завтра кораблик из коры сделаешь?» – донеслось почти беззвучно откуда-то издалека. Воспоминание сдавило горло, воздух внезапно сделался сухим и неприятно резал глаза.

– Не думаю, – сдержанно возразил Кенет и отвернулся.

Акейро еще несколько раз назвал Кенета шутливо «старший братец», но вскоре заметил, что шутка ему неприятна, и перестал ее повторять. А доля правды в шутке была, и немалая. Больной и беспомощный Акейро, даром что старше годами, относился к Кенету именно как к старшему брату: он сильный, ловкий, веселый, он накормит, поможет и утешит, он уложит спать, расскажет сказку, подоткнет одеяло и прогонит прочь страшного злого волка. Правда, день ото дня Акейро все меньше нуждался в том, чтобы от его постели прогоняли страшное злое существо, готовое его съесть. Выздоровливал Акейро с поистине волшебной быстротой – к немалому удивлению Кенета: тот за время работы больничным служителем всяких больных навидался и в глубине души был уверен, что господин наместник и вообще не жилец на этом свете. Но, вопреки здравому смыслу, Акейро выжил – и не только выжил, но и набирался сил. Кенет просто не мог поверить, что человеческое существо способно выздоравливать с такой скоростью. По его расчетам, Акейро должен был пролежать пластом не менее двух месяцев, а после того восстанавливать силы не менее полугода. Однако уже через две недели Акейро чувствовал себя настолько хорошо, что Кенет рискнул поразмять застоявшиеся без дела мускулы и восстановить в памяти уроки Аканэ. Акейро наблюдал за ним сидя, опираясь на изголовье, и время от времени давал ему советы. Хотя Акейро как боец и принадлежал к совершенно другой школе, советы оказались как нельзя более дельными, и Кенет им охотно последовал. Акейро указывал на его ошибки, даже не поднимая глаз на самого Кенета. Полуприкрыв глаза, он любовался пляской теней на прохладном полу опочивальни, и стоило этой пляске на миг утратить красоту, как Акейро уверенно произносил: «Не то!» И оказывался прав. Тренировка

под наблюдением Акейро пошла Кенету на пользу, и назавтра он уже прикидывал, как бы ему испросить разрешения снова позаниматься властью. К его удивлению, просить не пришлось. О тренировках заговорил сам Акейро.

– Позанимайся еще, – потребовал Акейро. – Когда я смотрю, как ты разминаешься, мне отчего-то становится лучше. Как будто это не ты, а я сам тренируюсь.

Кенет в душе усмехнулся: Акейро не попросил, не посоветовал, а именно потребовал. Его голос быстро обретал забытую негромкую властность. Акейро уже не капризничал, как обессиленный больной, не раздражался, не срывал беспомощную злость – он приказывал и запрещал. К исходу третьей недели, пролетевшей за тренировками почти незаметно, Кенет почувствовал, что не в силах больше послушаться. Акейро велел подать одежду, и Кенет исполнил приказ раньше, чем понял, что он, собственно, делает. А когда понял, то понял и другое.

– Вы больше не нуждаетесь в моем присутствии, ваша светлость, – улыбнулся он, помогая Акейро надеть кафтан.

– Я тоже так думаю, – кивнул Акейро. – Поди скажи слугам за дверью – пусть объявят по всему замку, что мой пост окончен. И принеси доску для игры во «Встречу в облаках». Сыграем.

– Да я не умею, – возразил Кенет.

– Ничего, я тебя научу.

Поскольку никто посторонний не имеет права нарушать уединение постящегося наместника, не мог этого сделать и князь Юкайгин. Приходилось ему довольствоваться заверениями своих людей, что все идет замечательно и даже лучше того. Поверить им было нелегко: слишком хорошо князь помнил свистящее дыхание и бледное лицо умирающего Акейро. Он еще менее, чем Кенет, надеялся на скорое улучшение. Да, конечно, доверенные слуги каждый день доносят ему, что здоровье наместника идет на поправку. Так ведь мало ли что слуги говорят? Чтобы утешить старого князя в его горе, они еще и не такое скажут. А потому, когда известие об окончании поста достигло ушей князя Юкайгина, он был разъярен. По его мнению, новость могла означать только одно: этот мальчишка, этот лопух деревенский пренебрег своими обязанностями. Надо отдать старому князю справедливость: в случившемся он больше винил себя. Он должен был предвидеть, что соплук не устоит перед железной волей Акейро.

Когда князь Юкайгин, задыхаясь от ярости и быстрого бега, ворвался в опочивальню, на лице Акейро сияла обворожительная улыбка. Вот Кенет выглядел унылым, и немудрено: коротая с наместником время в ожидании князя за игрой во «Встречу в облаках», он уже дважды ухитрился проиграть партию. Акейро разнес Кенета в пух и прах. Это была его личная маленькая месть за вынужденную беспомощность. Когда-нибудь Кенет научится играть во «Встречу», и неплохо, а сейчас Акейро не мог себе отказать в удовольствии немного подразнить новичка.

– Ты убит, – сказал Акейро, сводя вместе облака на своей половине доски. Это означало удар молнии, поражающий разом все позиции противника. Кенет тяжело вздохнул и принялся расставлять фигуры заново. Стук двери заставил его обернуться.

Князь Юкайгин стоял, держась за дверную створку. Он хотел сказать что-то, но Акейро его опередил. Он вскочил и подошел к старому князю, словно желая обнять его, но не обнял. Годами Акейро приучал себя к сдержанности, и сейчас он просто не был способен обнять князя. Он стоял и глядел на него. И князь молча стоял, впитывая в себя тихое сияние его улыбки.

– Живой, – медленно произнес князь, словно не веря ни своим глазам, ни своим словам.

– Вы были правы, ваша светлость, – тихо сказал Акейро. – Жить в этом городе намного приятнее, чем умирать.

И тут князь взревел, как обрадованный медведь, и сам сграбастал в объятия его светлость господина наместника Акейро.

Кенет смущенно отвел глаза, словно боясь помешать его ликованию, и принялся собирать доску и фигуры.

– Эй, парень, – окликнул его Юкайгин, отпуская порядком помятого Акейро. – Доску оставь. Я так понимаю, он тут тебя наголову разбил? Ну а сейчас я его разделаю.

– Я играю хуже, – кисло напомнил Акейро.

– Вот именно, – удовлетворенно хмыкнул Юкайгин. Кенет, не переставая дивиться непредсказуемости старого князя, вновь расставил фигуры на доске.

– Сейчас сюда обед принесут, – заметил князь, усаживаясь за доску. – Вот пока я буду господина наместника обыгрывать, ты и поешь. До сих пор этот несчастный больной съедал все подчистую?

– До тех пор, пока мне удавалось все ему скормливать, – в тон князю ответил Кенет.

– Вот и поешь досыта. Ваш ход первый, ваша светлость.

Когда принесли обед, партия была в самом разгаре. Акейро был действительно здоров и полон сил и сражался отчаянно. Хотя перевес был явно на стороне князя, наместник сдаваться не желал. Кенет машинально сунул в рот кусок жаркого, не отводя глаз от доски, на которой Акейро только что отыграл две позиции. Когда Кенет дожевал, князь заставил Акейро вернуть дракона на землю.

– Можно мне тоже яблочка? – со вздохом поинтересовался Акейро, уводя дракона на третью линию.

– А это как он скажет, – ухмыльнулся Юкайгин. Кенет пододвинул поднос с едой наместнику, не переставая удивленно следить за игрой. Партия закончилась хотя и не полным разгромом Акейро, ибо свести вместе облака князю не удалось и удар молнии не последовал, но все позиции Акейро были надежно заблокированы, и ни один из трех уцелевших драконов не мог подняться в воздух.

– Четыре очка в мою пользу, – произнес князь, смешав фигуры.

– Шесть, – поправил его Акейро. – Я считал.

– Все равно не так уж плохо, – усмехнулся князь. – Вот теперь я вижу, что вы действительно здоровы.

Он повернулся к Кенету, и тот почувствовал, что краснеет: с такой благодарной нежностью взирал на него князь. Именно Кенет, и никто другой, был причиной чудесного выздоровления Акейро, вот ему и досталась часть той сердечной привязанности, которой князь уже давно одарил Акейро.

– Я тебе до конца жизни обязан, малыш, – тихо произнес князь Юкайгин. – Я даже не знаю, какая награда может сравниться с тем, что ты для меня сделал.

Кенет растерялся окончательно. Да что он, собственно говоря, такого сделал? Пола мыл? Сказки рассказывал? Прикладывал к груди Акейро лед? Кормил с ложечки? И ведь не надрывался же. Кенет не привык, чтобы воздаяние за работу плыло поверх заслуженного, и ему сделалось не просто неловко, а прямо-таки неприятно.

– Да ничего мне не надо! – почти выкрикнул он. – Я и сам себе на жизнь заработаю!

Акейро скептически прищурился, и Кенет отвел строптивый взгляд почти в отчаянии.

– То есть... конечно... если б не гильдии...

– Это можно устроить, – усмехнулся Акейро. Он подошел к двери, распахнул ее и негромко приказал первому же подвернувшемуся слуге: «Прибор для письма, пергамент и мою личную печать».

Слуга обернулся мигом. Акейро смочил кисть заранее приготовленной тушью; быстро, не задумываясь, заполнил указом лист пергамента и приложил печать.

– Не сворачивай, – предупредил он Кенета, вручая ему пергамент. – Пусть просохнет.

Кенет взглянул на врученный ему лист. Указ наместника освобождал Кенета от взносов в какую-либо гильдию и даровал ему право зарабатывать на жизнь любым ремеслом, каким он только пожелает, в пределах всего княжества.

– Я надеюсь, это ты можешь принять без угрызений совести? – насмешливо спросил Акейро.

Значит, наместник разгадал его и вдобавок не рассердился! Кенет молча кивнул в ответ, от смущения не зная, под какую половицу провалиться. Возраст сказывался: в пятнадцать лет люди часто куда меньше боятся умереть, чем попасть в неловкое положение. В больнице Кенет отважно бросился защищать раненого Аканэ от троих сразу, а в опочивальне наместника не знал, куда спрятаться от изъявлений благодарности. Уши его горели, ладони вспотели совершенно некстати, ибо вытереть их об одежду под взглядом двух сиятельных особ не представлялось возможным. К тому же в правой руке Кенет продолжал сжимать злосчастный указ. Он хотел было незаметнее свернуть уже просохший пергамент в трубочку и спрятать его, но этим неловким движением только привлек внимание к своим злополучным рукам.

– Что это у тебя? – внезапно спросил князь Юкайгин, указывая на длинную, уже зажившую царапину на левой ладони Кенета.

– А это когда я на балконе кровь отмывал, – пояснил Кенет. – Там такая загогулина есть, вот я об нее и оцарапался. Совсем немного, кровь почти и не текла. Ерунда это, ваша светлость. Уже зажило.

Мнение об избалованных дворцовых слугах, столь небрежно выполнивших свою работу, Кенет решил не высказывать: зачем навлекать на них неприятности?

– Ерунда, – странным задумчивым голосом протянул Юкайгин. – Значит, оцарапался до крови?

Кенет растерянно кивнул.

– А я-то думал, титул какой-нибудь... «Победитель смерти»... или что-нибудь в том же духе... но это лучше любой награды, которую я только мог измыслить! И получилось само собой.

Кенет непонимающе взглянул на князя. Да что такое, в конце концов, получилось само собой? И когда только с ним перестанут говорить загадками!

– Вы смешали свою кровь, – торжественно объявил князь Юкайгин.

Кенет тихо охнул. Акейро расхохотался в голос. Так свободно и от души он смеялся нечасто.

– Тебе, кажется, не понравилось, что я назвал тебя старшим братом? – отсмеявшись, спросил он. – Ну, тогда побудешь младшим для разнообразия.

– Не годится, – возразил князь Юкайгин. – Это ведь он спас вам жизнь, а не вы ему. Так что младшим братом, ваша светлость, будете именно вы.

И пока князь Юкайгин скреплял их кровное побратимство, нарекая Кенета старшим братом, а Акейро младшим, Кенет преисполнился спокойным торжеством, сам не зная почему. Ведь не от того, что назван старшим. И не от того, что нечаянно сделался побратимом самого наместника. Он не задавал себе вопроса, откуда пришло это непонятное чувство, а молча наслаждался им. Между тем дело обстояло просто. Предательство Кайрина задело Кенета сильнее, чем он готов был себе признать. То, что он по доброй воле покинул дом, а значит, и Кайрина, мало что меняло. Теперь же у него есть брат, который никогда его не предаст.

– И все же я не хотел бы отпускать вас с пустыми руками, – произнес Юкайгин, и из-за непривычного «вы» Кенет не сразу понял, что к нему-то и обращался старый князь. А когда понял, ответил согласием: на сей раз речь шла не о награде, а о подарке, и притом от чистого сердца. Отказаться – значило обидеть князя, а то и унижить. И в сумерках, когда Акейро по настоянию князя лег спать пораньше, чтобы не подорвать ко всеобщему огорчению свое с таким трудом обретенное здоровье, князь Юкайгин повез Кенета к себе.

Непривычного Кенета едва не укачало в паланкине. У него не было сил возражать, когда князь со словами «Зима скоро» выбирал для Кенета зимнюю одежду. Как и Акейро, князь уже понял, с кем имеет дело. Он понимал, что дорогого или роскошного подарка Кенет не примет, и наряд выбрал небогатый, зато теплый и удобный. Против такого подарка Кенет не мог возразить. Тем более что зима действительно не за горами, а скитаться по сугробам в легком кафтане и летней обуви на босу ногу просто глупо.

– И вот еще что... – Князь Юкайгин остановился у стены, густо увешанной оружием, и ненадолго задумался. – Меч вам может дать только ваш учитель. Но вот ножны я для вас выбрать вправе.

Кенет чуть не закричал. Какие ножны, какой меч! Он же не имеет права коснуться металлом живого существа! Он вообще не может носить меч!

Но старый князь выбирал для него ножны с такой теплой сердечностью, что возражения застряли у Кенета в горле.

– Пожалуй, вот эти, – сказал князь, снимая со стены большие черные кожаные ножны. Лет им было явно немало: кожа потерлась, накладное серебро потемнело. Кенет принял из рук князя ножны и принялся с любопытством их разглядывать. Он хорошо умел читать и писать, но большая часть знаков, выложенных серебром на одной из сторон, была ему незнакома: выполнены они были старинным доустановным письмом. Даже знаки, составлявшие магическую книгу, разбирать было легче. Кенет провел пальцем по одному из знаков и перевернул ножны. С другой стороны они были совершенно гладкими, без единого украшения.

– Я не знаю лучшего подарка для ученика воина, – сказал князь. – Это очень древняя вещь. Считается, что эти ножны приносят своему владельцу удачу в бою и заживляют полученные им раны. Мне не довелось самому в этом убедиться, но я думаю, что это правда. Пусть они принесут вам удачу.

– С...спа...сибо, – пробормотал Кенет, снова чувствуя, что у него горят уши.

Дворец князя Юкайгина Кенет покинул уже за полночь. Он мог бы остаться переночевать, но делать этого не стал. Ему не хотелось выходить из города через ворота, ведь тогда придется разговаривать со стражниками. А после всего, что с ним произошло за этот день, Кенету больше всего на свете хотелось побыть одному. Избежать общества несложно, для этого достаточно воспользоваться подземным ходом, которым Юкенна провел его в город. А для этого, в свою очередь, отправляться в дорогу следует затемно. Вот Кенет и не стал ночевать во дворце.

Ночь была гораздо прохладнее, чем в прошлый раз, но Кенет почти не чувствовал холода. Покинув подземный ход, он довольно быстро добрался до леса, где и собрался заночевать. Не самая глупая мысль. Во всяком случае, умнее, чем вламываться в дом посреди ночи.

Однако сон упорно не желал приходить. Возможно, он был слишком занят, навещая других. Вместо сна пришли мысли и воспоминания. То появлялось в бледном лунном свете такое же бледное лицо Акейро, то князь Юкайгин снова снимал черные ножны со стены, то являлся совершенно непрошено Кайрин и говорил, что с Кенетом надо вести себя похитрее, а его вновь прогонял Акейро и небрежно переставлял фишки на игровой доске. Ночной ветер сметал прочь неясные образы и ронял на Кенета листья с деревьев. Даже в слабом лунном свете было видно, что листья эти уже начинают желтеть. До чего теплая осень выдалась! Уже осень, ведь и верно. Почти все лето Кенет провел на одном месте, а ведь в уставе твердо сказано – нельзя! Надо уходить. Верно, надо. Только вот куда? Не важно, главное – уходить. Идти, пока не выпал снег, пока он не начал подыматься, как тесто на дрожжах, – сначала по колено, потом по пояс, по грудь. Идти, пока еще возможно. Легко сказать – идти. Хотя нет, сказать как раз нелегко. Как сказать учителю Аканэ, что ты собираешься его покинуть?

Когда серые лохмотья тумана окрасились молочно-белым и розовым, Кенет снова пустился в путь. Он так и не придумал, как завести с Аканэ разговор об уходе. Не придумал он и как оттянуть этот разговор. Поэтому его так порадовал вид поленицы, изрядно уменьшив-

шейся за время его отсутствия. Даже не заходя в дом, Кенет сбросил котомку, снял и аккуратно сложил синий кафтан хайю и отправился в сарай. Когда Аканэ вышел на крыльцо, Кенет всю орудовал топором, и возле него уже громоздились наколотые дрова.

– Доброе утро, малыш, – приветствовал его Аканэ так спокойно, будто Кенет и не уходил никуда. – Завтрак уже на столе.

Кенет отложил топор и побежал умываться. После бессонной ночи жгучее прикосновение ледяной воды было удивительно приятным.

Завтрак уже действительно дожидался на столе. Накрыто было на двоих.

– Я так и понял, что ты вернулся, – пояснил Аканэ. – Кроме тебя, колоть дрова ни свет ни заря попросту некому.

Все было как обычно. Свежий хлеб и горячее мясо, сладкая подливка и слабенькое, совершенно не пьянящее вино, и солнечные лучи, пересекающие комнату наискосок, и утренняя прохлада за окном. Только трава за время отсутствия Кенета слегка поблекла, и листья чуть подернулись желтизной.

– Я так понимаю, с господином наместником все в порядке, – без тени сомнения в голосе заметил Аканэ. – Иначе ты вернулся бы куда более мрачный и с пустыми руками. Я не прав?

– Все в порядке, – кивнул Кенет, привычно наливая вино сначала в чашку Аканэ и лишь затем в свою. – Даже удивительно.

– Не расскажешь? Или это секрет?

– Нет, отчего же...

И Кенет рассказал. И о чудесном выздоровлении умирающего наместника, и об игре во «Встречу в облаках», и о полученной награде. Даже пергамент с личной печатью Акейро показал. Умолчал он только о побратимстве. Эту тайну он предпочитал сохранить от всех. Даже от Аканэ. Это случилось только для него, Акейро и князя Юкайгина. Слишком глубоко затрагивающее, слишком непонятное, слишком внезапное. Это не для посторонних.

– Хорошо, что ты нашел время для занятий, – одобрил Аканэ. – Это правильно. Говоришь, наместник тебе дельные советы давал? Любопытно, чему ты у него научился. Что ж, закончишь с дровами, и посмотрим.

С дровами Кенет разделался быстро. Аканэ уже ждал его. Обещание свое он исполнил буквально. Ничего нового он на сей раз Кенету не показывал, зато самого Кенета заставил показать все, чему научил его сам и чему он научился, следуя советам Акейро. Оглядывал его Аканэ так внимательно, словно собирался через час-другой выпустить его на поединок. Кенет и не заметил, как миновало время обеда. Лишь вечером, когда прохладные сумерки ступили синие тени, Аканэ окончил занятие.

Вопреки обыкновению, он не пошел в дом, едва умывшись, а дождался, пока Кенет умоется и оденется. Кенет был слишком поглощен своими мыслями и изрядно устал, но все же обратил внимание на необычную мелочь и насторожился: за необычным началом следует, как правило, куда более необычное продолжение.

– Хорошо, малыш, – тихо сказал Аканэ.

Вот оно, необычное продолжение! Обычно Аканэ комментировал его успехи куда как язвительно. Случалось, конечно, что и похваливал, и даже довольно часто, но тоже весьма насмешливо, хотя и беззлобно. И никогда еще его голос не был проникнут таким печальным спокойствием. Спокойствием Аканэ и вообще не отличался. Только сдержанностью. Эта сдержанность напоминала Кенету крепкую дамбу, за которой беснуется океан. А теперь океан тих и странно задумчив. Да что же такого стряслось?

– Ты делаешь успехи, – по-прежнему тихо и спокойно произнес Аканэ. – Теперь я стану с тобой с чистой совестью.

Кенет вытаращил глаза: он сам собирался покинуть учителя Аканэ, но не ожидал, что Аканэ покинет его.

– Мне надо уходить, – сказал Аканэ. – Работу для наместника я выполнил. Зимой у меня будет другая работа, не здесь... и взять тебя с собой я не могу. Я и так задержался дольше, чем мог. Хотел тебя дождаться. Еще пару дней, и ты бы меня не застал.

Так вот что означала поленница! Конечно, если учитель Аканэ не собирается здесь зимовать, дрова ему не понадобятся.

– Темнеет, – помолчав, произнес Аканэ. – Пойдем в дом.

Кенет последовал за Аканэ скорее по привычке слушаться учителя, чем по собственному желанию. Собственных желаний у него в эту минуту не было. Только привычка. Она заставила его развести огонь, наполнить котелок, нарезать овощи и поставить на стол кувшин вина. Аканэ отрешенно наблюдал, как Кенет в последний раз возится по хозяйству.

– Я научил тебя всему, что мог, – сказал Аканэ. – Времени, конечно, не хватило. Но его всегда не хватает. Остальное узнать тебе придется самому. И учти: встретимся – проверю. И если увижу, что ты запустил занятия, – уши оборву.

– А мы встретимся? – с внезапной надеждой спросил Кенет.

– Разумеется, – пожал плечами Аканэ. – А почему мы не должны встретиться?

– Да, – медленно сказал Кенет, – конечно. Юкенна ведь гадал тогда... и наши имена у него сложились вместе.

– Ну, если хочешь, – усмехнулся Аканэ, – можешь думать и так. А по-моему, все гораздо проще. Завтра мы простимся, и утро застанет нас уже в дороге. Это будет долгий день. Может, на год, может, на два. А потом будет вечер, и я позову тебя ужинать.

– Да? – На глаза Кенета едва не навернулись слезы. Все это лето он только и делал, что расставался. Сначала он расстался с домом, еще хранившим память об умершем отце, расстался с мачехой и братьями – по доброй воле, но все же... потом старый волшебник оттолкнул его от себя... потом уехал по своим делам высокий Лим, такой сильный, такой уверенный... уехал в предсказанную поездку Кенро... с головой ушел в свои дела Юкенна и не показывался больше... только что он расстался со своим названным братом Акейро, едва успев скрепить побратимство... только что покинул старого князя Юкайгина... и теперь вот, не успев прийти в себя, он расстается с Аканэ.

– Да? – повторил Кенет.

– Да, – свирепо отрезал Аканэ. – И не вздумай опаздывать к ужину.

Кенет с облегчением перевел дыхание. Это был прежний Аканэ, резкий и нетерпеливый. Может быть, разлука действительно ничего не меняет?

– Но до ужина еще надо дожить, – прибавил Аканэ в своей прежней ехидной манере.

– Я постараюсь, – пообещал Кенет.

– Не сомневаюсь, – отпарировал Аканэ. – Но я хочу дать тебе кое-что, чтобы стараться было легче. И перестань крутить в руках эту дурацкую миску! Поставь ее на стол. Все равно еще ничего не готово.

Кенет послушно поставил миску на стол.

– Подойди сюда, – велел Аканэ. Кенет подошел.

– Я вижу, князь Юкайгин сделал тебе отменный подарок, – продолжал Аканэ. – И своевременный. Не таскаться же тебе с пустыми ножнами. Я хочу подарить тебе меч.

У Кенета сердце оборвалось. Больше всего на свете ему сейчас хотелось получить что-нибудь на память об Аканэ. Но меч! Он не может... не должен...

– Учитель, – запинаясь, еле выговорил Кенет, – я не могу... то есть, я хотел сказать... я еще не достоин носить меч...

Он ожидал чего угодно. Например, что Аканэ рассердится. Это было бы только справедливо. К его вящему удивлению, Аканэ разразился хохотом.

– Недостоин, говоришь? – смеялся Аканэ. – Только не считай других глупее себя. Людям это может не понравиться.

Он встал, вынул из-под лавки узкий длинный деревянный сундук и открыл его.

– Меч, который я тебе дам, ты как раз и достоин носить, – сказал он, и в благоговейно протянутые руки Кенета лег огромный деревянный меч.

– Как раз по твоим ножнам, – заметил Аканэ, любуясь ошарашенным Кенетом. – Это ученический меч. Очень старый. На нем еще мой учитель обучался.

Глаза Аканэ чуть затуманились.

– Он был воином, – задумчиво произнес Аканэ. – И магом. Но меня он не учил. Характером я для магии не вышел.

Кенет согласно кивнул. Если и теперь, с годами, бешеный нрав Аканэ давал себя знать, можно без труда представить, каким он был тогда, во всей своей первозданной юношеской горячности. Аканэ сумел достаточно обуздать свой норов, чтобы стать воином, но о магии ему и мечтать не приходилось.

– А меч он мне этот подарил. Сказал, что меч волшебный, но волшебство его не для меня. Так оно и вышло. Мне куда сподручнее с обычным, стальным. Это был подарок мне, но не для меня. А вот тебе он пригодится.

Кенет поднял на Аканэ благодарный взгляд.

– Только не надо мне говорить, как ты рад и счастлив, – поморщился Аканэ. – Сам вижу. Примерь лучше ножны.

Да, Аканэ положительно снова был самим собой!

Кенет с легким сердцем поспешил примерить ножны. Он опасался, что один подарок не подойдет к другому, но ножны пришлись как раз по мечу, словно для него и были сделаны.

– Отлично, – заметил Аканэ. – Теперь осталось еще кое-что. Дай руку.

Кенет протянул руку, и на палец его скользнул небольшой перстень.

– Это «соколиный глаз», – пояснил Аканэ. – Талисман воинской удачи. Я довольно часто носил его, а поначалу так и вовсе не снимал. Теперь твой черед. Ты ведь теперь воин.

Новоиспеченный воин жалобно шмыгнул носом: перстень с «соколиным глазом» каким-то непостижимым образом напомнил ему, что до расставания остались считанные часы.

– И что мне теперь делать? – прошептал он.

– Как – что? – рявкнул Аканэ. – Ужинать!

Аканэ, как всегда, рассчитал правильно. Вкусный ужин – дело приятное. Лучше, когда приятное следует за неприятным, а не наоборот. Боль предстоящей разлуки после сытного ужина в компании Аканэ заметно смягчилась.

– Все будет в порядке, малыш. – Ужин настроил Аканэ на разговорчивый лад. – Я это понял, еще когда ты Инсанне не поддался.

Одного своего ученика я так уже потерял. А раз уж ты ему смог противостоять... еще поужинаем вместе, не сомневайся. И запомни: расставанием никогда и ничего не кончается. Все только начинается.

А утро, как и говорил Аканэ, застало их уже в пути.

Глава 6

Первый бой

Если бы весной крестьянский мальчик Кенет мог каким-то чудом увидеть себя, погожим осенним днем идущего вниз по косогору, он бы себя не признал. За прошедшее лето он сильно вырос, совершенно того не замечая: слишком часто он ходил полуголым или в одежде с чужого плеча, чтобы обнаружить, как мало ему стало прежнее платье. После тяжелой работы, а затем обучения у Аканэ он изрядно раздался в плечах. Походка его и манера держаться поменялись разительно. Легко ступая по осенним листьям, с вершины холма спускался уже не деревенский подросток, а высокий широкоплечий стройный юноша в темно-синем воинском кафтане хайю. Гибкую талию туго стягивал узкий черный пояс. Старинное серебро тускло мерцало на черных ножнах, огромный меч внушал уважение, боевой цеп подтверждал, что задирать этого красивого юного воина по меньшей мере опрометчиво. Некогда взлохмаченные черные волосы аккуратно причесаны и стянуты сзади небольшой пряжкой.

Несколько раз увидев свое отражение в небольших лесных озерах, Кенет в полной мере проникся прелестью своего преобразования. Молодой воин, чье лицо глядело на него из озера, очень ему понравился. Кенет даже ходить теперь старался гордо и с достоинством, чтобы не посрамить тот облик, который он видел на озерной глади.

Пожалуй, именно эта походка и стоила ему в конечном итоге перелома ключицы. А все потому, что зрелище, открывающееся взору Кенета, когда он горделиво шествовал с холма, могло любого заставить остолбенеть.

Молодой парень лет двадцати что есть силы лупил здорового мужика, то и дело норовя стукнуть по носу. Мужик был раза в два постарше, да и потяжелее и с легкостью мог бы поучить драчуна уму-разуму. Однако отчего-то он этого не делал. Он лишь изредка вскидывал руки, защищая лицо, и не слишком успешно: один глаз его уже заплыл, на скуле красовался синяк, из носа текла струйка крови.

Крестьянский парень Кенет не мог не возмутиться подобным неуважением к старшему, а юный горделивый воин Кенет и подавно не мог пройти мимо и не вмешаться. Он стремглав бросился вниз с холма и врезался в странную драку.

– Эй, ты же ему нос ломаешь! – завопил Кенет, перехватывая быющую руку.

– А, умный нашелся! – прорычал парень, оборачиваясь к нему и выдергивая быющую руку. – Ничего, сейчас и с тобой разберемся.

По меркам Кенета, парень замахивался так ужасающе долго, что Кенет с легкостью ушел от удара. А силу в этот удар парень вложил немалую: он едва не провалился в удар, влекомый собственным кулаком, но все же восстановил равновесие. Не давая ему опомниться, Кенет нанес обманный удар правой рукой в висок. Парень вскинул руки, защищая голову, и Кенет сильно ударил левой рукой в открывшееся тело. Парень охнул и согнулся. Кенет выхватил цеп и основательно огрел им парня пониже спины.

– Хватит? – любезно осведомился Кенет. – Или продолжим?

Под тонкой корочкой холодной любезности в нем бушевала ярость, почти такая же, как у Аканэ. Кенету и в голову не могло прийти, что он способен на подобное.

– Я вижу, ты уже понял, как следует себя вести, – процедил Кенет, с трудом подавляя непривычный гнев.

Парень кое-как выпрямился и бросил на Кенета взгляд, полный невыразимого бешенства.

– Ничего, – сказал он, еле переводя дыхание, – ты еще об этом пожалеешь. И ты тоже.

Постанывая и задыхаясь, он ступил на тропинку, ведущую в лес, и вскоре исчез за деревьями. Кенет проводил его насмешливо-сочувственным взглядом и обернулся к мужику с кровоточащим носом.

– Все в порядке, – сказал Кенет. – Он ушел. Реакция мужика оказалась неожиданной.

– Умный, да? Храбрый? – взревел мужик, хлюпая носом и пуская розовые пузыри. – Ты что натворил, поганец?

– А в чем дело? – смутился Кенет: деревенский подросток вновь одержал верх над блистательным воином.

– Я тебе скажу, в чем дело! – продолжал бушевать мужик. Кенет невольно ступил ему навстречу, и только тут мужик разглядел толком своего недоумевающего спасителя. Разглядел и синий кафтан-хайю, и боевой цеп, и меч в огромных старинных ножнах. Лицо мужика покраснело от натужного страха, глаза полезли из орбит.

– Простите великодушно, господин воин, – дурным фальцетом завопил мужик, ваясь на колени и хватая Кенета за полы кафтана. – Не признал... не извольте гневаться...

С подобной униженностью Кенет сталкивался впервые, тем более что унижались-то перед ним. Его замутило от отвращения.

– Не извольте гневаться, господин воин! – голосил мужик. – Это я со страху невесть что кричал... смилуйтесь... вы этому поганцу мимоходом морду набили, да и ушли, а нам здесь жить... они же нас всех...

Набил поганцу Кенет никак уж не морду, но он решил не придирается к словам, тем более что для него кое-что становилось понятнее. Наглый парень, похоже, имеет друзей. Именно их и боится этот мужик. И много друзей: боится побитый явно не только за себя.

– Вставай, – негромко сказал Кенет, стараясь скрыть брезгливость. – Негоже так в пыли валяться. Стыдно все-таки. И лицо утри. Как ты с таким лицом в деревне покажешься?

При слове «деревня» мужик замычал от отчаяния, но с колен все-таки встал и лицо утер.

– Вот и хорошо, – сказал Кенет. – А теперь води меня в деревню. Охота мне посмотреть, у кого из-за меня будут неприятности.

Появление побитого мужика в компании великолепного воина вызвало в деревне мрачную панику. По мере их приближения задвигались ставни, захлопывались двери. Дети хватали мирно квохтающих кур, быстро вбрасывали их в курятник, с грохотом задвигали засов и бежали домой. Движения детей были хорошо отработаны – ничего лишнего. Спасать домашнюю живность и спастись самим им было явно не впервой. Впрочем, не всю живность успели загнать по местам. Посреди улицы, радуясь неожиданной свободе, бодро голосил поросенок. Из-за неплотно прикрытых ставен за поросенком следил чей-то настолько мучительный взгляд, что у Кенета нехорошо заныло в груди.

– Куда мы идем? – отрывисто спросил он.

– Ко мне домой, – испуганно отозвался мужик.

– Зачем? – тем же деревянным голосом осведомился Кенет. Мужик непонимающе уставился на него.

– Что я буду делать у тебя дома – детей твоих пугать, чтобы лучше кашу ели? – Кенет чувствовал, что им овладевает тоскливая безнадежность. Мужик настолько перепуган, что ждать от него осмысленных действий трудно.

– А... а чего угодно господину воину? – слегка запинаясь, спросил мужик. Внезапно Кенета охватила такая злость, что у него в глазах потемнело. Не самое лучшее из чувств, но все же лучше, чем недавняя тоска зеленая.

– А угодно мне узнать, – тихо, со злой отчетливостью произнес Кенет, – неужели никто во всей вашей деревне так-таки и не хочет встретить меня с дрекольем?

– А... это...

– Ясно, – процедил Кенет. – Значит, все же есть такие. Вот к ним ты меня и поведешь.

Жаждающих дать пришельцу отпор оказалось немного. Большую их часть составляли подростки, ровесники Кенета, либо старики. Они угрюмо сжимали в руках серпы, косы и молотильные цепи.

Взглянув на их лица, исполненные хмурого отчаяния, Кенет остановился и отдал поклон. Не тот небрежный кивок, которым воин одаривает встречную деревенщину в ответ на почтительное приветствие. Кенет поклонился деревенским старикам с достоинством, но неспешно и низко, как и подобает младшему кланяться старшим.

Кое-кто переглянулся недоуменно, но старики этим и ограничились. Никто из них не сказал ни слова, никто не ответил на поклон. Вперед выскочил нескладный долговязый подросток на полголовы выше Кенета.

– Нечего сюда ходить! – выпалил он. – Мы вам все уже отдали.

– Кому это – нам? – уточнил Кенет.

– Вам, – мрачно повторил подросток.

– Нам... А я и не думал, что меня так много, – изумился Кенет. – Или у кого-то от страха в глазах двоится?

– А здесь тебя никто не боится! – заорал подросток.

– Вот и ладно, – улыбнулся Кенет. – А я уж думал, во всей деревне ни одного храброго человека не осталось. Теперь вижу, что один, по крайности, есть.

Его слова хлестнули собравшихся подобно оплеухе, но Кенет того и добивался. Гнев и отчаяние по-прежнему боролись в нем, попеременно беря верх. Он уже начинал смутно понимать, кого и чего боится деревня. Если бы не выучка у Аканэ, он бы и сам боялся. Привычный страх за нажитое тяжелым трудом был хорошо ему знаком и памятен – но и только. Он не мог испытать прежний страх. Не умел больше. Да и не владел ничем. Он и не подозревал, как много в нем уже было от воина. Ведь главное, чему обучается воин, – это не знание, как и кого ударить, а знание того, что бояться вовсе не обязательно. Кенет это знал, а деревня – нет. Вот отчего все так скверно складывалось. Он ни в чем не мог упрекнуть этих людей, он до дрожи их жалел, но их нерассуждающая покорность пробуждала в нем бешенство.

– Чего вы хотите? – надтреснутым от обиды голосом произнес один из стариков.

– Помочь вам, – спокойно ответил Кенет. – Если, конечно, вы еще хотите сами себе помочь.

Старик взглянул на него с сомнением, но Кенет без усилия выдержал его взгляд. Он прекрасно знал, что видит сейчас старик: синий хайю обычного для воинов покроя, рукоять меча, торчащего из выложенных серебром ножен, боевой цеп. А вот чего он точно не видит, так это того, что обладателю этих сокровищ еще шестнадцати не исполнилось. Не может увидеть.

– И чем же нам может помочь господин воин? – Теперь в голосе старика звучал неприкрытый сарказм.

– А это смотря что вам мешает, – улыбнулся Кенет. – Вот вы мне расскажите, и посмотрим. Разрешите присесть?

Старик растерянно кивнул. Этот неизвестно откуда взявшийся воин как захватил поводья в свои руки в самом начале разговора, так и не собирался их отпускать. Совершенно непонятно, как с ним разговаривать. А может, он и впрямь не имеет отношения к беде, постигшей деревню? Вон как добротен одет. Меч большой. Ножны богатые. Сразу видать, не какой-нибудь бродяга. Зачем ему связываться с той оголтелой рванью, что запугала деревню?

Сомнения его не остались для Кенета загадкой. Почти всю свою жизнь он прожил среди таких, как этот старик. Он слышал невысказанные мысли старика так же ясно, как если бы тот произнес их вслух.

– Может, вам действительно лучше все рассказать? – мягко напомнил Кенет.

Он расправил полы кафтана и сел. Это оказалось ошибкой. Став учеником воина, а затем и воином, Кенет быстро забыл вкус унижения и страха. Юный воин, которого попросту никто

не посмеет унижить, забыл, на что способен перепуганный и униженный крестьянин. И ему напомнили об этом самым недвусмысленным образом.

Он успел заметить, как долговязый подросток с серпом бросился на него, но тощего старика с мотыгой едва не упустил из виду: слишком близко тот стоял. Не успев даже сесть толком, Кенет мгновенно откатился в сторону. Мотыга взрыхлила землю там, где он только что сидел. Подросток зацепился серпом за корень дерева и упал.

– А ну прекратите! – зычно возопил старик, беседовавший с Кенетом. – Господин воин по-хорошему пришел, а вы... что он теперь о вас подумает?

– Ничего особенного, – заверил его Кенет, весело блестя глазами. – Подумаю, что кое-кому надоело терпеть, и это совсем не плохо.

Он подошел к дереву, положил руку на толстую ветку, подтянулся и сел. Его темно-синий кафтан среди желтой и красной листвы мрачно полыхал, как предгрозовая туча.

– И все-таки я хотел бы знать, что тут у вас случилось.

Невзирая на свой грозный вид, Кенет в этот миг совсем не чувствовал себя воином. Сидя на дереве, как мальчишка, он внезапно и ощутил себя пятилетним мальчиком в радостном предвкушении сладкого пирожка.

Пирожок оказался совсем не сладким. Слушая деревенского старосту, Кенет только зубами скрипел.

Деревню одолели разбойники. Откуда они взялись, толком никто не знал, но все сходилось на том, что издалека: выговор нездешний, одежда странная. Поначалу разбойники завернули было в соседнюю деревню.

– Так нам не повезло, вспомнить страшно. Зашли они сперва туда, – старик махнул рукой по направлению к предгорью, где и находилась, очевидно, ближайшая деревня, – а у них во всем селении вина ну ни глоточка. Три свадьбы подряд отгуляли, все и вылакали подчистую. А у нас вино было. Как раз на окончание молотбы припасали... ну, чтобы, значит... как положено...

Кенет кивнул. Это горожане напиваются, не зная ни дня, ни меры, когда только пожелают. А на земле – если пить, не выживешь. Он сам дожил до полных пятнадцати лет, ни разу ничего крепче слабенького пива не отведав, и вино – пусть даже самое легкое – попробовал уже в городе. Аканэ тоже не возражал иной раз против кувшина легкого вина на столе. Крестьяне же относятся к вину куда строже, чем даже воины. Вино и пиво пьют в основном осенью – первый раз, когда играют свадьбы, и второй раз, когда урожай собран, обмолочен и ссыпан в закрома. Вот к этому дню и приберегают хмельное, чтоб воздать вином благодарность земле за урожай. К этому дню и запаслась вином злополучная деревня.

– Зашли к нам эти чужаки, – продолжал старик, – вино увидели, и тут такое началось! Сперва бочки с вином переколотили, а после за нас принялись. И обложили побором. Как грешников-винопийцев. Сначала еще ничего было, а теперь и вовсе обнаглели. Что ни день в деревню шляют, хватают все без разбору...

– А окоротить их некому, – со вздохом продолжил Кенет. Старик поглядел на него с упрямством.

– Мне нечего терять. Я старый. Я свое уже прожил. А вот взрослого мужика взять: жена, дети, хозяйство на шее, дом... Куда же все это без него?

– И под этим предлогом ваши взрослые мужики ползают в пыли перед разбойниками, – безжалостно отпарировал Кенет. – А роскошь быть мужчинами предоставляют старикам и детям.

– Да как вы?!

– Что-то я здесь ни одного взрослого мужика не вижу, – продолжал бушевать Кенет. – Один меня сюда привел, да и тот сбежал от греха подальше. С ума можно сойти! Столько здоровенных лбов... да с ними три таких банды разгромить можно.

– Каким образом? – строго прервал его старик.

– Способ найдется, – отмахнулся Кенет. – И прямо сейчас. Выхода другого нет.

– Ишь какой господин воин прыткий! – язвительно заметил один из подростков.

– Я тут по дороге к вам одного разбойничка отлупил, – объяснил Кенет. – Так что надо поторапливаться, пока они вас не взрели. Ответом ему были взгляды, весьма далекие от благодарности.

– Они к вам обычно одной дорогой ходят или как придется? – допытывался Кенет.

– Одной, – ответил староста. – А чего им петлять? Тут одна дорога из леса и есть.

– Это вдоль холма? – спросил Кенет и, получив ответный кивок, оживился. – Тогда все замечательно выходит. Только, конечно, если поторопимся. Пусть ваши здоровые мужики за сопляков прячутся. Мы с вами и без них управимся.

– А как? – Этот вопрос задал не староста, а один из вышеупомянутых сопляков: тот самый, что налетел на Кенета с серпом. Глаза его сияли. Он дрожал от восторга при мысли о скорой расплате за все пережитые унижения.

– Мы ведь ничего такого... воинского... совсем не умеем.

– Судя по тому разбойнику, которого я сегодня отделал, они тоже не особенно умеют.

Хороший план пришел Кенету в голову, что и говорить. А главное, невыполнимый.

Ибо в самом начале Кенет допустил один-единственный просчет, едва все не погубивший. Кенет полагал, что побитый разбойник молчать об утреннем происшествии не станет, – и тут он был прав. Он решил, что разбойники пожелают подавить попытку сопротивления в зародыше, – тут он тоже был прав. Но Кенет посчитал, что для начала разбойники, уверенные в своих силах, пошлют для расправы с непокорными небольшую группу из пяти-шести человек, – и вот тут-то он и просчитался. Обычные разбойники так бы и поступили: несколько сытых, хорошо обученных мордобойцев вполне способны нагнать на деревню такого страха, что сельчане и в два дня штаны не отстирают. Так зачем тратить больше сил, чем нужно? Обычные разбойники рассуждали бы именно так. Но разбойники, с которыми довелось столкнуться Кенету, были не совсем обычными.

Начать с того, что у разбойника, которого Кенет утром побил, умения драться было ненамного больше, чем у любого деревенского остолапа, – разве что наглости побольше, так ведь это дело наживное. И отвращение к хмельному, столь необычное для любителей облегчать чужие кошельки. Будь Кенет постарше и поопытнее, он бы мигом догадался, с кем имеет дело. А так он себе же на беду переоценил противника.

Он понял свою ошибку, когда первые два разбойника вышли из леса, держа цепи так, как мало-мальски смышленому бойцу и в голову не придет. Разбойники держали цепи по-крестьянски, словно собирались сей же момент хлеб молотить. Уяснив, что сейчас воспоследует, Кенет тихо застонал.

– Что случилось, господин воин? – испуганно прошептал подросток, сидевший рядом с ним в засаде.

– Телеги готовы? – вместо ответа спросил его Кенет.

– Не знаю. Если и готовы, то не все. Две-три, не больше.

– Слушай внимательно. Беги скорей туда, – Кенет указал в направлении второй засады, – скажи, что ошибка вышла. Я ждал всю банду только к ночи, а они идут все – и сейчас. Скажи, пусть скорее готовят телеги, а дальше – как уговорено. Беги скорее!

– Так они же за мной погонятся! – выдохнул подросток.

– Не погонятся! – мрачно улыбнулся Кенет. – Я их задержу. Подросток взглянул на Кенета с ужасом и восхищением.

– Но, господин воин... вы уверены?..

– Да уверен я, уверен, – нетерпеливо бросил Кенет. – Сам сейчас увидишь, что они всей бандой поперли. Глупо, согласен. А только они такие же разбойники, как я – император. Вон – видишь?

Подросток посмотрел и охнул.

– Сколько же их!..

– Все как один. Как только я им навстречу выйду – беги что есть духу. Понял?

Подросток кивнул. Кенет чуть помедлил, вдохнул поглубже для храбрости, резко выдохнул, снял с пояса цеп и вышел на дорогу.

– Эй вы, остолопы-недотепы! – издевательски крикнул Кенет разбойникам. – Одной битой задницы вам мало? Все хотите свое получить? А ну подставляйте! Всех уважу, никого не обижу!

И с этими словами Кенет хлестнул по высокой траве боевым цепом точно плетью.

Свободный проход его вестнику был обеспечен. После такого оскорбления разбойники не то что бегущего мальчишку – конного отряда на марше бы не заметили. Вопя и завывая, разбойники набежали на невесть откуда взявшегося обидчика.

Кенет прекрасно понимал, что против толпы в тридцать – сорок человек у него нет и тени шанса. Аканэ, может, и вышел бы победителем из подобной схватки. Но ведь его задача не в том, чтобы в одиночку уложить целое войско. Он должен отвлечь, остановить, задержать. Любой ценой. А там – будь что будет. Сам ошибся – сам и расхлебывай.

Более опытные разбойники сразу навалились бы на Кенета всей массой – охнуть бы не успел. Но перед ним были не разбойники, как правильно, хоть и поздно сообразил Кенет, а доведенные до отчаяния бывшие крестьяне. Сомкнулись они недостаточно плотно, и Кенету удавалось какое-то время отбиваться. Он отчаянно пытался не дать себя окружить, но для этого надо иметь возможность хоть как-то передвигаться, а Кенету некуда было отходить: он должен был удерживать нападающих именно на этом месте. Удар цепом сзади, хотя и неумелый, достиг своей цели. От боли в сломанной ключице у Кенета закружилась голова. Он упал, и чья-то нога так пнула его под ребра, что, хотя ночь еще не наступила, Кенет увидел три звездных неба сразу.

– А ну оставьте мне этого поганца! – произнес чей-то голос. – Отойдите, кому сказано. Этот человек мой!

Круг разбойников неохотно раздвинулся. Возле Кенета очутился широкоплечий толстяк с багровым лицом.

– Э-то же н-настоящий воин! – с торжеством возгласил толстяк. – Эт-т не по вашим грязным лапам добыча! Пшли прочь! Я его сам уделаю. Эт-т мое!

После чего багроволицый громогласно икнул. Кенет с изумлением понял, что его ново-явленный противник мертвецки пьян.

– А н-ну вставай! – зычно прогудел толстяк. – С-час ляжешь!

Кенета его логика позабавила. Интересно, зачем вставать, а потом ложиться, если он уже и так лежит? Но поединок с этим пьяницей позволит ему задержать разбойников, а может – как знать – и сохранить жизнь.

Пошатываясь, Кенет встал. От боли в левом плече лицо его посерело. Левой рукой он и вовсе не мог шевелить. Тем не менее он старательно уговаривал себя, что еще не все потеряно. Сам он покалечен, зато его противник пьян. Не так уж и трудно с ним справиться.

И опять Кенет ошибся. По малому своему опыту он еще не знал, что пьяный противник иной раз поопаснее трезвого. Он непредсказуем, он в пьяном раже не страшится ничего, и он вовсе не обязательно забывает приемы боевого искусства.

Не прошло и минуты, как Кенет в этом убедился. Сражался он хорошо, да что с того. Воин-пьяница попросту вырвал у него цеп. Теперь он сжимал рукояти двух цепов обеими руками и хищно ухмылялся.

– Ну, с-час ты у меня ляжешь! – повторил он и ударил Кенета по лицу. Кенет отскочил, но цеп рассек ему губу. Разбойники разразились воплями издевательского ликования, словно Кенет был загнанным волком.

И тут, ощутив во рту вкус собственной крови – впервые в жизни! – Кенет обезумел. Из самых глубин его души выхлестнула такая ярость, что он пошатнулся под ее натиском. Он набрал в рот как можно больше крови и плюнул ею в лицо противника. Откуда-то послышался жуткий бешеный крик. И не успев даже осознать, что это его собственные уста издают тот самый боевой клич, который никогда ему не удавался, Кенет выхватил меч.

Он напрочь забыл о том, что меч деревянный. А если бы и вспомнил, поступил бы точно так же. Но он не вспомнил, а потому и не удивился, когда глотки всех разбойников сразу исторгли не менее леденящий душу крик – крик панического ужаса.

И тут, заглушая вопли разбойников, с вершины холма донесся грохот. Деревня не подвела своего непростого защитника: телеги были готовы вовремя.

Телеги, груженные камнями, мешками со всякой всячиной, сеном и просто пустые, катились прямо на разбойников, сбивая их с ног, сталкивались, переворачивались. Кенет едва успел отступить к лесу и, еле переводя дыхание, наблюдал за разгромом. Из некоторых телег выскакивали деревенские мужики и бросались гвоздить разбойников кто во что горазд. Похоже, кой-кому в деревне все же стало стыдно препоручать битву с разбойниками старикам и малолеткам. Мешки валились на ополоумевших разбойников, и, не успев еще встать, бедняги оказывались под ворохами валящегося сверху сена. А потом с вершины холма спустились старики и подростки. Они по одному выгребали разбойников из-под завала и аккуратно, с деревенской добросовестностью связывали.

Кенет стоял, бессильно привалившись к дереву, и ловил окровавленным ртом воздух. Боль в левом плече едва не заставила его потерять сознание. Зато резкая, хоть и не очень сильная боль в разбитых губах отрезвила его. Мир уже не плыл перед его глазами. Он был угловато резким и очень отчетливым. И мыслил Кенет сейчас точно так, как видел, – резко и отчетливо.

Задумал он одно, а вышло на поверку совсем другое. Река событий не потекла по избранному им руслу, а проложила себе иное. И в то, прежнее русло она уже не вернется. Она текла в совершенно другую сторону – и Кенет, к своему ужасу, уже видел, в какую.

Он попытался вложить меч в ножны, но обнаружил, что не может. Его вновь замутило от боли. Не стоит делать лишних движений. Сейчас он не вправе, он не может себе позволить потерять сознание.

Едва передвигая ноги и волоча меч за собой, Кенет побрел на поиски деревенского старосты. Он-то по крайней мере разумный человек. Ему Кенет сможет сказать о своем беспокойстве.

Увиденная им по дороге сценка лишь укрепила его опасения.

Давешнему побитому мужику, по всей вероятности, не терпелось сквитаться. Он выискал в толпе пленных разбойников своего обидчика и наотмашь ударил его по лицу.

– Ну, убей меня! Убей! – выкрикнул парень. – Жену мою и детей ты, что ли, кормить будешь?

Дальше Кенет слушать не стал. Он закусил рассеченную губу и, расталкивая всех, кто ни попадется, быстро зашагал на поиски старосты. Когда Кенет добрался до него, он едва держался на ногах, и старику пришлось подхватить блистательного господина воина, чтобы тот не упал.

– Знато вышло, – заметил старик, кивнув в сторону пленных разбойников.

– Знато, – согласился Кенет. – Ну и что теперь будет?

– А ничего хорошего, – ответил старик и перевел на Кенета уважительный взгляд. – А ведь вы, господин воин, и сами это понимаете.

– Чего тут не понять, – обреченно вздохнул Кенет. – Одно из двух. Или ваши односельчане разбойников будут убивать не до смерти – и тогда, стоит мне уехать, деревне конец. Или деревенские все-таки догадуются. Тогда они этих разбойников убьют по-настоящему.

А их жен и детей даже убивать не придется. Сами в лесу с голоду помрут. Тем более зима скоро. Лучше уж сразу их добить.

Милосерднее как-то.

– Есть еще один выход, господин воин, – тихо произнес старик.

Его глаза встретились с глазами Кенета, и юноша понял, что думают они со стариком об одном и том же.

– Выход есть, – медленно произнес Кенет. – Но если и тут что-нибудь пойдет не так, меня деревня на моих собственных кишках повесит. И сопротивляться я не буду.

– Все выйдет, как быть должно, – пообещал старик. – Вы мне только знак дайте, а я уж подыму тревогу вовремя.

– Темнеет, – невпопад ответил Кенет.

– Это хорошо, – кивнул старик. – В темноте далеко видать будет.

– Ну, совсем издалека лучше не надо, – не согласился Кенет. – Не успеете. Лучше так: на полпути к деревне я улизну. Хорошо бы факел, чтобы мне с огнем не возиться.

– Факелы есть в крытой повозке, господин воин. Возьмите один себе.

Кенет кивнул и отошел от старика. Стянуть факел незаметно ему удалось без труда. Теперь ему предстояло так же незаметно отстать от упоенных победой жителей деревни – задача тоже не из сложных. Шел он медленно, почти нехотя. Ему и так сегодня здорово досталось, а совершить предстоит и вовсе невероятное. Сначала придется бежать. Очень быстро бежать. А потом... нет, об этом лучше не думать. Все существо Кенета восставало против самой мысли, а ему ведь не думать – ему нужно сделать.

Занятый своими невеселыми раздумьями, Кенет не заметил, что селяне с пленными разбойниками уже поравнялись с ним. Завидев Кенета, разбойники дружно завопили. Трудно сказать, чего больше было в этом крике – ужаса или изумления. Неспособный сейчас на более сильное чувство, Кенет вяло удивился. И чем их, в самом-то деле, так напугал обыкновенный деревянный меч?

Никому не казалось странным, что господин воин едва плетется: окровавленный Кенет со скособоченным плечом выглядел прямо-таки устрашающе. Скорей уж непонятно было, почему и как он еще ходит. Крестьяне, ведущие пленников, почтительно миновали его. Кое-кто остановился и спросил, не помочь ли чем господину воину, но Кенет неизменно качал головой и с преувеличенно вымученной улыбкой отвечал, что сам справится. Что ж, и это понятно. Гордость господина воина одолела. Пусть справляется сам как знает. Такого гордеца уговаривать – себе дороже.

Оказавшись позади всех, Кенет первым делом размотал пояс и, закусив губу, чтоб не заорать на всю округу, примотал левую руку к телу, чтоб не болталась на бегу. Есть, конечно, способы заставить себя не ощущать боли, но он еще не настолько наловчился их применять. Времени у неопытного Кенета изгнание боли займет много, а как раз времени у него и нет.

Он нырнул в лес и побежал, скрываясь за деревьями. Дорога через лес труднее, но короче. Он успеет. Должен успеть.

Он запрещал себе думать, сколько часов – дней – недель – лет, сколько шагов невыносимой боли ему осталось. Он просто бежал, пока не возник перед ним общинный амбар. При виде цели Кенет разом лишился сил. Он рухнул на колени, ткнулся лбом в прохладную ночную землю и тихо завыл.

Прекратить вой оказалось невероятно трудно. Почти так же трудно, как зажечь огонь одной рукой. Кенет и сам не знал, как ему это удалось. На него накатила слабость, и он едва не выронил горящий факел. Надо торопиться.

То, что он должен сделать, ужасало его настолько, что он почти перестал чувствовать боль. Он встал с колен, твердым шагом подошел к амбару и поднес к его стене горящий факел.

Пламя занялось сразу. Кенет был поражен неистовой пляской огня. Он и представить себе не мог, чтобы одним-единственным факелом можно было сотворить такой крошечный ужас. Этого не могло случиться – но это случилось.

Кенет растерянно отступил от полыхающего амбара. Что ж, нет худа без добра. Не надо думать, как подать знак деревенскому старосте: эдакое зарево видно издалека. И вообще думать ни о чем не надо, а надо поскорей убираться восвояси. Если хоть одна живая душа застанет Кенета поблизости, его убьют. И жертва его, и преступление окажутся напрасными.

Кенет швырнул факел в бушующее пламя, повернулся и пошел прочь. Он шел нескончаемо долго, не слыша криков за спиной, не видя перед собой ничего.

Его нашли лежащим на опушке леса в глубоком обмороке уже наутро.

Когда Кенет очнулся, губы у него опухли, напоминая две плюшки, а плечо ритмично дергала жгучая боль. Рядом с постелью сидел деревенский староста. Кенет с трудом обвел взглядом комнату: больше никого.

– Получилось? – хрипло спросил Кенет.

Старик поднес к его распухшим губам чашку с травяным настоем.

– Спасибо вам, господин воин, – с глубоким почтением произнес староста, пока Кенет с наслаждением пил прохладную жидкость. – Все получилось, как вы и предполагали. Вы правильно догадались: эти разбойники и в самом деле бывшие крестьяне. Уж что-что, но если хлеб горит... сеять будет нечего... против такого им не устоять было. Вот как есть, связанные, на подмогу ринулись. Их уже на бегу развязывали. Как огонь тушили... ну, господин воин! А дальше все путем: после того, как только что вместе пожар гасили и хлеб из огня вытаскивали, не очень-то друг друга и поубиваешь.

– Никто... не... заподозрил? – морщась от боли, выговорил Кенет.

– Как есть никто, господин воин. Да на вас никто бы и не подумал. Деревня на вас просто молится. А разбойники, бедолаги эти, до сих пор опомниться не могут. Этот пьянчужка-воин, что их драться обучал, – мы спервоначалу думали, и вовсе рехнулся. Все какую-то чушь молот. Дескать, набежал господин воин на него со всех сторон сразу с таким огромным сияющим мечом, что просто душа в пятки. И остальные то же самое твердят. Ох и напугали вы их!

«Этот меч волшебный», – вспомнилось Кенету. Его охватила такая глубокая благодарность Аканэ, что он едва сдержал слезы.

– А меч мой... цел? – сдавленно спросил он.

– А как же, господин воин. Все цело. Вот он, ваш меч, в ножнах, на стене висит. Как нашли его рядом с вами, так и принесли. Никто его и не вынимал даже посмотреть. Как можно!

«Странное дело, – подумал Кенет. – И когда это я успел вложить меч в ножны? Ну ничего не помню».

Пока Кенет отлеживался в домике деревенского старосты, лесной лагерь разбойников прекратил свое существование. Женщин, детей и стариков перевезли в деревню на тех самых, навеки овеванных боевой славой телегах и приняли безоговорочно. На самих разбойников поначалу нехорошо косились, но узнав их горестную историю, деревня ужаснулась и простила все.

Когда-то разбойники мирно жили своей деревней и возделывали землю. Деревня как деревня, не лучше и не хуже прочих. Однако земля, на которой деревня стояла, зачем-то понадобилась Инсанне. Его слуги в одночасье вышвырнули из деревни все ее трудолюбивое население. А вернувшись назавтра, жители своей деревни не нашли. Их взору предстало даже не пепелище, что было бы страшно, но понятно. Земля на месте исчезнувшей деревни была сплавлена невероятным жаром в единый монолит. А на его еще теплой поверхности пестрели вдав-

ленные следы. Кто его знает, какие существа могли ступать по жидкому огню, оставляя ни на что не похожие отпечатки.

Делать нечего, пришлось уходить. Да только никто не проявлял желания даже на ночлег пустить изгнанных великим магом: у страха глаза велики. Несчастных гнали отовсюду. Они голодали, питались ягодами, грибами, кореньями. Уже в первую зиму кое-кто начал подворовывать в деревнях, но у стариков не хватило духу упрекнуть за содеянное: те, что крали, кормили всех. Жители деревни не умерли. Они двигались все дальше и озлоблялись все сильнее. К исходу второй зимы воры превратились в грабителей.

Кое-что от прежних деревенских устоев у них все же сохранилось, хотя и приобрело на редкость причудливый вид. Неприязнь настоящих земледельцев к пьянству сделалась чем-то вроде самооправдания: разбойники грабили только те деревни, где вина было вдоволь, – ведь там живут грешники, а значит, и грабить их не грех. Своего пьянчужку-атамана – бывшего воина, подобранного в придорожной канаве, – разбойники дружно презирали.

Трудно сказать, чем бы закончились их похождения, не повстречай они Кенета. Зато теперь эти самые похождения закончились бесповоротно. Принявшая их деревня порешила сменить гнев на милость: рабочие руки лишними не бывают. Пусть уж лучше чужаки землю пахут, чем бесчинствуют.

Выздоровливал Кенет медленно и мучительно. Хотя деревенский староста и оказался заодно и деревенским знахарем, хотя и лечил он господина воина на совесть, прошло много времени, прежде чем Кенет впервые переступил порог его дома.

Легенды, окружившие его за это время, к моменту его выздоровления достигли поистине эпических размеров. Меч его из деревянного превратился даже не в сияющий, а попросту в пламенный. Пьянчужка-воин таскался за Кенетом следом и канючил, умоляя показать меч, – а увидев, отказывался поверить, что это тот самый и есть. Разбойники внимали гласу своего победителя, как веления некоего божества. Деревенские превозносили храбрость господина воина в таких выражениях, что он начинал чувствовать себя хуже, чем в бою. Нужно было срочно уходить.

Однако ноющее плечо напоминало Кенету, что он еще не готов отправляться в дорогу. А глядя на хмурое осеннее небо, Кенет понимал, что уйти он не успеет. Луи по утрам уже подергивались тонким ледком. Снегопад застигнет Кенета в пути, если даже он и сумеет покинуть деревню до наступления зимы.

Глава 7

Тень медведя

Раздосадованный задержкой Кенет решил посоветоваться со старым знахарем: не найдется ли в здешних местах какого-нибудь укромного уголка, где он мог бы перезимовать подальше от людей. Заговорил Кенет об укромном уголке не вдруг: как объяснить подобное желание, он не знал. В деревне господин воин ни в чем не ведал отказа, и каждый был бы рад и счастлив принять его в своем доме, буде ему надоест гостить у прежнего хозяина. Нужно быть уж очень неблагодарным человеком, а заодно и полоумным, чтобы сорваться с места без объяснения причин и променять теплый дом и всеобщую приязнь на прелести одинокой лесной зимовки.

Когда же Кенет решился наконец заговорить со стариком об уходе, тот только вздохнул. Кенету было невыразимо жаль обижать этого славного человека, к которому он успел привязаться.

– Самому бы не хотелось, – признался Кенет, – а только надо мне уходить.

– Понимаю, господин ученик мага, – ответил старый знахарь. – Надо – значит надо. Вы не тревожьтесь, место подходящее найдется.

Кенету показалось, что он ослышался: он ведь ни малейшего повода для подозрений не подавал, даже посохом своим, как раньше, без нужды не пользовался, чтобы не привлекать внимания.

– Да ведь все понятно было сразу, – поспешил старик рассеять его недоумение. – Еще когда мы с вами мыслями встретились – помните? И потом, когда вы огонь зажгли. Да разве может простой огонь так быстро и сильно разгореться? Все маги поначалу овладевают волшебством огня. Иной раз даже незаметно для себя. Это ведь самое простое.

Кенет криво ухмыльнулся.

– По-моему, мне самая пора написать на лбу «ученик мага», да так и ходить. Никак мне тайну сохранить не удастся. Сначала один человек... он гадал на мое имя. Учитель мой вроде тоже понял что к чему. И вот теперь опять...

– Сохранить тайну можно, – возразил старик, – только смотря от кого. Если гадатель искусный, от него, как говорится, нос на лице не спрячешь. Учителю стыдно не догадаться. А я какой-никакой, а все же знахарь. Конечно, знахарь – не то что маг, мы люди маленькие. А все ж таки кое-что и мы умеем.

Называя себя по сравнению с магом человеком маленьким, старик лукавил. Он был горд своим ремеслом и не променял бы его ни на какое другое. Конечно, настоящий великий волшебник и настоящие великие чудеса творит, да поди его поищи, когда нужда припала. А знахарь – вот он тут, всегда рядом, всегда под рукой. Лошадь ли у кого захворала, или у жены пастуха прялку сглазили. Или, скажем, если господину молодому воину сломанную ключицу срастить – извольте. И ходить далеко не надо. Опять же маг сколько пар обуви истаскает по нехоженным дорогам, пока найдет свое место средоточия. А знахарю вольно поселиться, где сам пожелает. Сила его хоть и невелика, зато, пока он еще только учится ремеслу, людям от него опасности никакой. И жениться знахарь может безо всяких предосторожностей – была бы девушка согласна да ее родители не против. Хорошая жизнь, спокойная. И без дела не сидишь, и односельчане уважают. Не всем же бегать по большой дороге и посохом махать, должен кто-то и коров лечить.

– А место есть, хорошее место. Я его давно нашел. Все не знал, для кого оно. Там если с умом, так и всю деревню спрятать можно. Думал, от разбойников туда уйдем, если уж совсем донимать станут. Самое для вас подходящее место.

Старик был прав. Место оказалось действительно хорошее. Кенет был им очарован с первого взгляда. Сама природа так удачно укрыла его среди лесных холмов, что если не знать о его существовании, так и не найдешь. В голову даже не придет искать. А посреди этого великолепия стояло несколько старых дубов. Поздней осенью для неопытного взгляда они мало чем отличались от остальных деревьев, но Кенет понял: то были мертвые деревья. При жизни они срослись кронами, а кое-где и стволами, и смерть не разлучила их. Древние стволы не обратились в труху. Былая мощь не покинула их и в посмертии. Даже и теперь их вид невольно внушал уважение.

– Необычайное дело, – тихо произнес Кенет. – Дубы ведь так не растут.

– Вот и я полагаю, – согласно кивнул старик, – самое подходящее будет место. Конечно, надо будет щели между стволами заделать, крышу настелить...

Кенет и сам видел, куда лягут опорные потолочные балки. Могучие ветви и не такой вес выдержат. Всего-то и надо – срубить несколько мешающих веток. Не все, далеко не все – зачем? Ему не хотелось обрубать лишнее без нужды, хотя деревья и давно мертвы. Он уже наметил, какие именно ветки необходимо убрать, и почти ощущал в руке тяжесть топора.

Конечно, одному, да еще с недавно зажившей ключицей, да с запретом касаться живого металлом Кенету бы не управиться. Помогали ему двое сыновей знахаря. Сам знахарь навелся разок-другой присмотреть за работой и только в бороду ухмыльнулся, видя, как ловко орудует топором «господин воин», отсекая мертвые ветки. Однако обустройство очага он своим сыновьям не доверил. Сам его и складывал вместе с Кенетом, наставительно повторяя, что очаг, в котором маг будет огонь зажигать, сам же маг должен и складывать, и не будь господин воин, он же ученик мага, столь зелен и неопытен в этом полезном искусстве, не стал бы старый знахарь с таким делом связываться. Опасная это работа и мучительно кропотливая. А потому господину воину лучше как следует усвоить все тонкости этого занятия, ибо в другой раз рядом с ним старика знахаря не окажется, и посоветоваться будет не с кем.

– И вообще, – бурчал старик себе под нос, – раньше надо было посоветоваться. Оно конечно – ну что может посоветовать господину воину и будущему великому магу жалкий деревенский знахарь? Господин воин и сами все знать изволят. А только куда годится – к зимовке готовиться, когда зима на носу? Ни снаряжения, ни припасов...

– Перезимую, – уверенно ответил Кенет. – С охотой мне, конечно, трудновато придется, но ведь можно стрелы сделать с костяными наконечниками... силки ставить... ягоды сизянки с кустов только после первых сильных заморозков обирают, иначе кислятина выйдет несусветная. А сизянку я в лесу видел. У вас подснежники водятся?

– Сколько угодно, – ответил старик, поглядывая на Кенета с внезапным уважением. Похоже, молодой господин воин – не просто парень с головой и не только о магии и ратной славе думает. Он и вообще в жизни толк знает. Ягоды сизянки – типично деревенское лакомство. До первых морозов от сизянки попросту скулы сводит, зато потом она становится столь же нежной и сладкой, сколь прежде была кислой и деревянистой. Ягода лесная, и только лесная: в садах она отчего-то ну никак не приживается. Устав от попыток культивировать сизянку, садовники объявили упрямый дичок растением для простонародья. А посему пироги с сизянкой – любимое кушанье сельской детворы. Горожане от них нос воротят, даже не попробовав, а зря: отведали бы – пальчики бы облизали.

С подснежниками и того веселее получается. Занятный гриб – подснежник. Летом для него слишком жарко. И лишь когда землю припорошит первый снежок, лилово-розовые грибы начинают дружно лезть, взламывая тонкий ледок, к искрящемуся инеем солнечному свету. Самый поздний гриб, настоящее спасение в неурожайную осень. И самый ранний: едва осядет ноздреватый весенний снег, а в первых проталинах уже жмутся зябко первые бледно-розовые грибочки-протальники. Весенний протальник не так вкусен, но тоже вполне съедобен. А подснежник – лакомство изысканное. Ни один сборщик налогов слова поперек не ска-

жет, даже если всю подать выплатить ему подснежниками: он же на этом первый и зарабатывает. Огромными возами отовсюду, где только водятся подснежники, гонят их по первопутку к императорским поставщикам. На дворцовой кухне их выдерживают в сладком маринаде, пропаривают в густых сливках со знаменитыми каэнскими пряностями, и получается нечто невероятное. А деревенские мужики эти самые подснежники попросту, без затей, жарят. Язык проглотишь, до чего вкусно! Вот и получается, что нигде, кроме императорского двора и самых захудалых деревень, подснежники не едят. И откуда господин воин только знает о подснежниках? Что-то не похож он на столичного придворного. Конечно, старый знахарь этих придворных отродясь не видывал, но все равно выглядят они по-другому, голову готов прозакладывать. И уж в любом случае столичный придворный не может знать, где и когда собирают подснежники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.